

John

Джон Фарроу
Ледяной
Город

Farrow

City of Ice

Жизнь преступного мира
Северной Америки

Eterna-detective

Эмиль Санк-Марс

Джон Фарроу
Ледяной город

«Этерна»

1999

УДК 82.06
ББК 84(7Кан)

Фарроу Д.

Ледяной город / Д. Фарроу — «Этерна», 1999 — (Эмиль Санк-Марс)

ISBN 978-5-480-00179-2

Динамичный завораживающий боевик назван лучшей из когда-либо написанных в Канаде книг популярного литературного жанра. Организованной преступности, чье оружие всегда одинаково – подкуп, угрозы, убийства, противостоят люди, обладающие твердыми убеждениями и сильным характером. Рассказана правда о темной стороне жизни Монреаля, где за последние годы прогремело больше взрывов, чем в Белфасте, и в ходе разборок между преступными группировками из-за сфер влияния было убито более 150 человек. Здесь действует больше банд из Восточной Европы, чем в Нью-Йорке и Майами, вместе взятых. Роман опубликован в 24 странах, скоро в мировой прокат выходит снятый по нему фильм.

УДК 82.06
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-480-00179-2

© Фарроу Д., 1999
© Этерна, 1999

Содержание

Предисловие автора к русскому изданию	6
Пролог. «Ангелы» и «Росомахи»	7
Пятница, 17 сентября	7
Часть первая. Скачка с препятствиями	14
Глава первая. Канун Рождества	14
Глава вторая. Час ночи, Рождество	32
Глава третья. Рождество	38
Глава четвертая. Вторник, 28 декабря	52
Глава пятая. Среда, 29 декабря	54
Глава шестая. Понедельник, 3 января	67
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Джон Фарроу

Ледяной город

© John Farrow, 1999

© М. М. Гурвиц, перевод, 2009

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2009

Предисловие автора к русскому изданию

Скованный зимней стужей город, на который указывает название книги, – это Монреаль. Российскому читателю хорошо знакомы все причуды зимних холодов, которые нельзя себе представить без мороза, снега и льда. Не будет для него новостью и извечная борьба сил зла и добра, противостояние преступного мира, стремящегося раскинуть свои щупальца по всему земному шару, и теми, кто противостоит этим планам. Монреаль находится на одинаковом расстоянии от самого большого города Канады – Торонто на западе, и Нью-Йорка – крупнейшего центра американской жизни на юге. И до того, и до другого можно за час долететь на самолете или часов за шесть доехать на машине. Хотя Монреаль расположен в глубине материка, благодаря реке Святого Лаврентия, на которой стоит город, он является и крупным морским портом. Со времени своего основания город был крупным торговым центром, своего рода перевалочным пунктом между Атлантикой и западными и южными районами Северной Америки. И с самого его возникновения он был тесно связан с жизнью преступного мира.

Канадцы широко известны как миролюбивый народ, но в Монреале прогремело больше взрывов, чем в Белфасте, и в ходе разборок между преступными группировками из-за сфер влияния было убито более 150 человек. Здесь действует больше банд из Восточной Европы, чем в Нью-Йорке и Майами, вместе взятых. В основном эта война ведется бандами мотоциклистов, в частности «Ангелами ада» и «Рок-машиной», которых здесь называют байкерами. Местные байкерские группировки объединяются с бандитами, приехавшими из других стран, в результате чего возникают преступные сообщества, которым нередко – хотя и не всегда – удается запугать и нейтрализовать кое-кого из стражей порядка. Их оружие всегда одинаково – подкуп, угрозы, убийства.

Мысль о том, чтобы написать «Ледяной город», возникла у меня тогда, когда при взрыве заложенной байкерами бомбы случайно погиб одиннадцатилетний мальчик, игравший на одной из тех улиц, на которых я вырос. У меня вызвало тревогу отношение к бандитам во многих районах, где их считают чуть ли не героями, и мне захотелось больше узнать о той борьбе, которую ведут с преступниками мужчины и женщины, обладающие твердыми убеждениями и сильным характером. Поскольку речь в этой книге идет о моем городе, мне хотелось, чтобы события развивались зимой, в то время года, которое накладывает на Монреаль свой неотразимый отпечаток. Мне хотелось правдиво изобразить мой город и рассказать правду о темной стороне жизни на его улицах, хотелось показать, какой нужно обладать храбростью, чтобы бороться с преступностью изнутри трусливой и часто коррумпированной бюрократии.

Итогом этих моих размышлений и стал «Ледяной город».

Джон Фарроу (Тревор Фергюсон)

Пролог. «Ангелы» и «Росомахи»

*Памяти Даниеля Дерошера (1984–1995) монреальского мальчика,
убитого бомбой байкера, когда ему было одиннадцать лет*

Пятница, 17 сентября

Они называли себя «Росомахи».

В грузовом лифте сержант-детектив Эмиль Санк-Марс поднялся на четвертый этаж административного здания в северной части Монреаля. Выйдя из лифта, он пошел налево по ярко освещенному коридору, потом на первом повороте свернул направо. Как ему было сказано, он негромко стукнул три раза в дверь, на которой было написано «ЗАКРЫТО». Дверь чуть приоткрылась. Детектив поднял полицейский значок до уровня глаз стоявшего за дверью человека. Дверь захлопнулась ровно настолько, сколько требовалось, чтобы снять цепочку, потом широко распахнулась, и охранник в пуленепробиваемом жилете с автоматом через плечо впустил его в помещение.

Палец охранника лежал на курке, дуло автомата смотрело в пол.

Эмиль Санк-Марс вошел.

Ему потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть к тусклому свету огромного помещения. Стоявшие к нему спиной сотрудники в штатском сгрудились у окон, как голуби на карнизе, повернувшие клювы по ветру. Оставаясь в тени, шагах в трех от стекол замерли полицейские, которым не с руки было на виду у всех светиться. У двоих в руках были фотоаппараты с внушительными телеобъективами. Еще трое замерли с сильными биноклями в руках, внимательно следя за тем, что происходит на месте действия. У кого-то на головах были наушники. Впустивший его в помещение охранник остался на посту при исполнении у него за спиной. Еще четверо были заняты традиционным занятием полицейских – сидели на стульях и чего-то ждали.

Эти ребята – лучшие из лучших, входили в разряд привилегированных. Они называли себя «Росомахи».

Собравшиеся напряженно наблюдали за тем, что происходит на противоположной стороне лежащего перед ними оживленного перекрестка – в баре, где гуляли парни из банды байкеров «Ангелы ада»¹.

– А, Санк-Марс, – приветствовал его стриженный под ежик мужчина, развалившийся в удобном кресле. – Проходите! Присаживайтесь. Рад вас видеть.

Он поднялся, мужчины пожали друг другу руки. Полицейский Санк-Марсу не представился. Помещение было насквозь прокурено, но запаха пота совсем не ощущалось – это было странно, если принять в расчет число находившихся здесь людей и такую невероятную жару.

– Добро пожаловать к нам на базу. Я бы представил вам, сержант, всю нашу команду, ведущую наблюдение, но, как вы понимаете, пока я не могу это сделать.

– Не берите в голову, – с прохладцей ответил ему Санк-Марс.

По тону, которым он это произнес, было ясно, что, если бы он оказался на месте своего коллеги, он бы точно предпочел нормальное знакомство царившей в помещении атмосфере секретности. Санк-Марс был высоким мужчиной под метр девяносто, лет ему было где-то пятьдесят с гаком. В одежде детектив придерживался консерватизма, в поведении – сдержанно-

---

¹ Так назывался знаменитый роман культового писателя XX века, классика американской контркультуры Хантера Томпсона. «Ангелы ада» был впервые опубликован в 1966 году. – *Прим. ред.*

сти. Единственной его отличительной чертой был внушительный нос. Он нависал над ртом как гордый, внушающий непререкаемое уважение клюв и идеально соответствовал знаменитому соколиному взгляду Санк-Марса. Золотисто-каштановые волосы полицейского уже заметно поредели, хоть и вились, как в былые годы, но лысины еще не образовались, разве что лоб над высокими бровями стал шире. Санк-Марс принял приглашение хозяина и тоже устроился в кресле, чувствуя, что в этой дикой жаре начинает потеть. Принимавший его человек был моложе, ниже ростом и значительно менее упитан. Мужчина курил и во время разговора размахивал сигаретой, как будто пытался писать в воздухе какие-то слова.

– Вам лимонада? Или кофе?

– Спасибо, не надо, – Санк-Марс отрицательно покачал головой, как бы лишний раз подтверждая для себя мнение о том, что предлагать лимонад способен только офицер Канадской королевской конной полиции².

Ему хотелось бы лучше узнать своего собеседника. Хотя кто еще, кроме конного полицейского, мог вырубить кондиционер, чтобы шум меньше мешал прослушке объектов с достаточно большого расстояния? И только очень серьезный конный полицейский мог стричься так коротко. Его пиджак висел на спинке кресла, узел галстука был ослаблен. Погода для сентября стояла на удивление жаркая, даже вечером зашкаливало за тридцать. Сбоку на поясе полицейского свисала кобура, хотя такими, как в ней, револьверами, насколько было известно Санк-Марсу, чаще пользовались городские детективы, а не конные полицейские или полицейские из провинциальной полиции Квебека³, потому что эти ребята не так рьяно соблюдают букву закона.

Поскольку говоривший с ним так и не представился, Санк-Марс чувствовал себя слегка не в своей тарелке.

– Сержант-детектив, – негромко сказал коротко стриженный, пытаясь придать словам интонацию доверительной задушевности, – вы знаете, что мы с самого начала хотели работать вместе с вами.

Три полицейских ведомства передали лучших сотрудников и немалые ресурсы для формирования нового тактического подразделения – ударного отряда, в который входили лучшие сыскари. Их объединение в эту группу стало последней отчаянной мерой, направленной на борьбу с мощными бандами байкеров, и целью их были две враждующие между собой группировки – «Ангелы ада» и «Рок-машина».

– Тогда меня это не интересовало, – напомнил ему Санк-Марс. – Меня это вообще никогда не трогало. И теперь не интересуется.

Они назвали себя «Росомахами», потому что им хотелось, чтобы в названии этого подразделения полиции явно ощущалась угроза.

– Вы – лучший полицейский в городе. У вас образцовый послужной список, я бы даже сказал, уникальный. У вас такие связи, что с вами никто не может сравниться. Вы установили этические стандарты для полицейских в этом городе. Если то, что я говорю, вас смущает, можете меня прервать.

Санк-Марс слегка улыбнулся.

– Я ценю лесть, хоть это и не значит, что она на меня действует. Может быть, я мог бы обращаться к вам хотя бы по званию?

На секунду замявшись, коротко стриженный махнул сигаретой.

– Можете называть меня лейтенант, – сдался он. – Санк-Марс, мы могли бы найти отличное применение такому человеку, как вы.

---

² Канадская королевская конная полиция (Royal Canadian Mounted Police – RCMP) – действует на всей территории Канады, решая вопросы, подлежащие национальной или федеральной юрисдикции. – *Здесь и далее прим. пер.*

³ Провинциальная полиция Квебека (Sûreté du Québec – SQ) – действует на территории провинции Квебек, решая вопросы, подлежащие провинциальной юрисдикции.

Детектив покачал головой.

– Банды меня особенно не интересуют. Мне больше по душе расследование заурядных преступлений. Вы работаете не в моей лиге, лейтенант. Мне кажется, мы только выиграем, если будем арестовывать обычных жуликов. Заговоры, международные преступные связи, организованная преступность – даже при мысли об этом у меня голова начинает раскалываться.

Ему очень хотелось свести разговор к банальной шутке. Но по натужной улыбке на лице своего более молодого коллеги, которому было где-то сорок с небольшим, Санк-Марс все понял. Скорее это была даже не улыбка, а вежливая ухмылка, или, точнее, вымученная улыбка человека, не поверившего ни единому его слову.

– Кто-то сюда идет, – громко произнес стоявший у окна мужчина.

Лейтенант кивнул в сторону окна, как бы приглашая Санк-Марса пройти к нему вместе с ним.

– Ну, и что здесь у нас вырисовывается?

Они смотрели в сторону перекрестка и находившегося под наблюдением бара. Сразу за баром и перекрестком в пыли уходящего лета, жарком мареве и гоночном гомоне машин на многие километры уходили вдаль крытые толем и промазанные варом плоские крыши двухэтажных домишек, разделенных на квадраты кварталов. Картина чем-то напоминала заброшенное в глуши болото.

– Только что подъехал и припарковался небольшой джип «тойота».

– Ну вот, – прошептал коротко стриженный лейтенант, глядя в бинокль.

– Это что-то значит? – поинтересовался Санк-Марс.

– Подъехал Джордж Тернер, банкир байкеров. Взгляните, детектив.

Санк-Марс посмотрел на бар в бинокль, такой сильный, что все было видно гораздо лучше, чем невооруженным глазом с близкого расстояния. Боковой дворик, с которого заранее вынесли все столы и стулья, был тесно уставлен мотоциклами. Тускло мигала неоновая вывеска «Бар Салон».

– Вам это на нервы не действует? – вполголоса спросил лейтенант. – «Ангелы ада» решили выставить себя напоказ во всей красе. Представление устроили. Трещат на своих гаражках по всей округе – прямо сенсация. Теперь они еще и в одном из своих баров гуляют, не стесняясь. Интересно, зачем им такая шумиха? Хотят, должно быть, чтобы пресса захватила наживку! Как будто говорят: «Вот видите? Мы ни от кого не прячемся. У нас нет ни от кого секретов. Все, что вы о нас читаете, – чистой воды вранье. Мы не убийцы. Мы просто хотим тарыхтеть на наших драндулетах, чтоб все нас оставили в покое». Они и масть свою показывают, куртки свои и штаны кожаные, татуировки на лапах, патлы нечесанные и бороды, баб своих придурковатых, чтобы дать всем понять, что они действуют открыто, что никакой тайной преступной организацией здесь и не пахнет. И многие на это покупаются.

– Он подходит, – предупредил чей-то голос у окна.

– Расскажите мне об этом малом, – попросил Санк-Марс.

Мужчина, вышедший из «тойоты», был среднего роста и телосложения, с большой лысиной, на нем прекрасно сидел модный элегантный серый костюм и белая рубашка с синим галстуком. В бинокль Санк-Марс отчетливо видел каждую деталь. Он заметил красноватый блик заходящего солнца, блеснувший на бриллиантовом перстне мужчины, черный глянец его начищенных ботинок. Было ясно, что он следит за собой, как это принято у богатых. В руке он держал кожаную сумку с латунными застежками, и Санк-Марсу удалось разглядеть даже его инициалы, выгравированные на металле. Он читал о спутниках, с которых можно разглядеть даже полет мяча при игре в гольф, но, чтобы рассматривать мир с близкого расстояния, он выбрал бы именно такой бинокль. Прикинув в уме его цену, детектив решил, что эта игрушка стоит не меньше его месячной зарплаты. А у «Росомах» наверняка было немало других аналогичных примочек.

– Джордж Тернер живет на горе в Верхнем Вестмаунте⁴. У него красивая жена, двое детей и обширные связи. Его часто видят в компании политиков. По профессии он финансист, но работает только на одного клиента – «Ангелов ада». Правда, на людях встречается с ними редко, поэтому его появление здесь – событие значительное. Это что-то новенькое.

– Кто там еще внутри? – спросил Санк-Марс, стараясь никак не выказать свою заинтересованность.

– Коротышка Вилли, который для разнообразия решил показаться в полной боевой раскраске. Он в банде – номер один. Мы его почти всегда видим только в спортивных рубашках и модных брюках. Эти ребята по какой-то причине решили дать сегодня представление. – Детектив затынулся с таким видом, будто вдохнул плохую новость. – Он, видите, аж грудь себе всю оголил, чтоб все его наколки видели. Он, кстати, прозвище свое получил не из-за телосложения, а потому, что глазки у него малюсенькие. То, что при таком росте веса в нем под сто шестьдесят килограммов, это лишь совпадение. Другого малого в байкерском прикиде они кличут Шляпой. Вот он и впрямь коротышка – от горшка два вершка. До сегодняшнего дня мы вообще никогда его не видели ни в чем, кроме костюма с галстуком. Он в банде – компьютерный гений. Еще одного из верхушки «Ангелов» мы знаем под именем Жан-Ги. Он сюда пришел в белом костюме, который сидит на нем как влитой. Прямо истинный джентльмен, вам не кажется? Черный галстук, желтая сорочка. И стрижка как у заправского щеголя. Жан-Ги – эксперт банды по боеприпасам. Никто так не умеет обращаться с динамитом, как Жан-Ги.

Подойдя к бару, человек по имени Джордж Тернер остановился, чтобы докурить сигарету. Он оперся о сиденье стоявшего там «харлей-дэвидсона» и выглядел так, будто принадлежал совсем к другому миру. Случайному прохожему он мог бы показаться невинной овечкой, прохожий даже мог бы предупредить его об опасности, поджидающей в баре любого человека с улицы, который собрался туда зайти. У бокового входа стоял на страже здоровенный байкер.

– Там с ними еще Джузеппе Пагано, – продолжал лейтенант «Росомах». – Мафиози старой закалки. Его бортанули, когда местные итальянцы раскололись, вот он и связался с «Ангелами». Еще там Макс Гиттеридж, их юрист. Так что, получается, на эту их посиделку съехались юрист, банкир, союзники, подрывник, компьютерщик и сам главарь, не считая какого-то типа, о котором мы вообще ничего не знаем. У них что-то точно замышляется.

– А что это за мальчик, о котором вы ничего не знаете? – спросил Санк-Марс.

– Мы называем его Царь. Кое-что о нем мы слышали, но идентифицировать пока не смогли и никогда его не видели. И сегодня его не удалось сфотографировать. Пока не удалось. Он пришел сюда в широкополой шляпе и плаще, представляете? В такую-то жару!

Внизу Тернер в конце концов докурил сигарету и вошел в бар.

– Получается, вы не смогли снять именно того человека, о котором вам ничего не известно, – констатировал Санк-Марс.

Полицейский пожал плечами.

– Может быть, нам больше повезет, когда он будет выходить. Эту сходку они проводят на виду у всех, поэтому мы считаем, что именно он является причиной сегодняшнего представления. Из телефонной прослушки мы поняли, что здесь появился какой-то русский, который собирается крутить свои дела. Возможно, это он и есть. Если так, он возглавляет несколько русских банд. «Ангелы» либо хотят показать ему, какие они крутые, либо демонстрируют, что в любой момент могут плюнуть нам в лицо. Вот почему эта их сходка проходит открыто. У нас сложилось мнение, что они хотят пустить Царю пыль в глаза.

– Им должно быть известно, что вы здесь. И они знают, что вы их снимаете.

– Конечно, знают. Посмотрите внимательнее, Санк-Марс, на охранника, присмотритесь к нему в бинокль.

---

⁴ Верхний Вестмаунт (Upper Westmount) – один из самых дорогих и престижных районов Монреаля.

Санк-Марс внимательно оглядел громилу. Это был жуткий малый, огромный, с мускулами культуриста. И с конским хвостиком. Детектива слегка озадачило, что теперь крутые парни носят серьги. Когда он начинал службу, такого ему видеть не доводилось.

– Прочтите, что у него на плече написано.

Бинокль был достаточно сильным. Татуировка гласила: *«Грязное меньшинство»*.

– Вы знаете, что это значит? – не отставал от него лейтенант.

– Он – убийца. – Такая надпись ни для кого не являлась тайной.

– Это значит, что он убивал по приказу «Ангелов», – уточнил лейтенант. – Теперь вы понимаете, с кем мы имеем дело? Они не скрывают, что убивают людей, они знают, что мы их снимаем, и им на это в высшей степени наплевать. Вы, сержант-детектив, слишком хороший полицейский, чтобы позволить им этим заниматься в вашем городе, на вашей земле.

Они отошли в полумрак большого зала. Обычно это помещение, должно быть, использовалось для деловых обедов и приема клиентов. В одном углу был оборудован небольшой бар, которым полицейские почти не пользовались, а диваны и кофейные столики на колесиках можно было легко передвинуть, приспособив к требованиям обстоятельств.

Вновь устроившись в кресле, Санк-Марс ждал, когда детектив сделает следующий шаг. Человек, который, как он полагал, служил в конной полиции, докурив сигарету и тут же прикурил следующую, обрисовав ею в воздухе витиеватый эллипс. После глубокой затяжки он бросил на Санк-Марса пристальный взгляд, изогнул бровь дугой и сделал следующее заявление:

– Сержант-детектив, мы создаем сильнейшее подразделение, и нам нужно, чтобы вы работали с нами. «Росомахи» собираются нанести крепкий удар, примите это к сведению.

– Желаю вам всяческих успехов.

– Мне от вас не это нужно. Ваше место здесь, вместе с нами. С «Росомахами».

– Это не мое.

– На основании тех сведений, которыми я располагаю, вы практически самостоятельно делаете то же дело, которым собираемся заниматься мы. У вас налажены связи и с конной полицией, и с провинциальной полицией Квебека. Почти все в курсе того, что вы возглавляете что-то вроде собственного полицейского подразделения. Я отношусь к этому с уважением. Но у нас больше ресурсов, Санк-Марс, с нами работают лучшие специалисты, мы располагаем самым современным оборудованием. У нас все – от начала до конца – только высшей пробы. Ни разборки, ни подначки, ни подстав, никакой бюрократической волокиты.

– Вы можете это обещать?

– Легко.

– Дело в том, лейтенант, что в команде я плохой игрок.

– Мы сами устанавливаем правила игры.

Санк-Марс понял, что дальше соблюдать приличия с этим человеком бессмысленно – общепринятых выражений отказа он понимать не хотел.

– Лейтенант, я не хочу связываться с вашей организацией. Я желаю вам успеха, но призываю работать самостоятельно в рамках тех ограничений, которые налагает на меня служба в моем управлении. Вы привлекаете хороших специалистов, вы сможете успешно работать. Но служба в спецподразделении не для меня – мне представляется, что стоящие перед вами задачи не отражают реальных проблем. Вы ведете наблюдение за байкерами, но они тоже могут отслеживать ваши действия. Они знают, что вы здесь, они с вами играют. Зачем же вам играть по их правилам?

– Работа полицейских это иногда предполагает.

– Только не в моем случае.

– В самом деле? Послушайте, детектив, не поймите меня превратно, но определенные шаги уже сделаны, вы меня понимаете? Вы знаете, что может произойти, если вы будете не с нами? Не думаю, что в случае отказа вы сможете далеко продвинуться по служебной лестнице.

Санк-Марс резко поднялся.

– Вы мне угрожаете?

Его собеседник тоже встал, протянув руку ладонью вперед, чтобы разрядить ситуацию.

– Не надо так волноваться. Я вам вовсе не угрожаю. Просто констатирую, что некоторые меры уже приняты. Если ваш ответ будет отрицательным, в вашем послужном списке появится соответствующая запись.

– Простите, – резко сказал Санк-Марс, поджал губы и повернулся, чтобы уйти. – Меня ваше предложение не интересует.

– По крайней мере, подумайте над ним. Я предлагаю вам настоящее дело, детектив. На пределе возможного. Это важно для безопасности наших граждан. Эти подонки уже убили сорок семь человек...

– Они убирают других байкеров.

– Взрывая бомбы! – Теперь лейтенант выставил вперед обе ладони. – При одном из таких взрывов неизбежно погибнут невинные люди. Когда это случится...

Санк-Марс решил подождать, чтобы дать ему закончить фразу.

– ...когда это произойдет, нам выделят бюджет такого размера, что мы не будем знать, как потратить деньги. Тогда вы захотите быть с нами, Эмиль. Мы справимся с этой работой! – Мужчина сжал кулаки. Мышцы у него на шее вздулись, к лицу прихлынула кровь. – Подумайте об этом!

– Они выходят! – раздался голос у окна.

Санк-Марс и лейтенант подошли к окну. Финансист Джордж Тернер направлялся по улице к своему джипу «тойота». Многие члены банды теперь топтались вокруг бара, рассаживались по мотоциклам и заводили моторы, другие тем временем шли к своим машинам и мини-вэнам. В помещении, откуда велось наблюдение, постоянно щелкали фотоаппараты.

– Этот человек, сержант-детектив, возвращается домой в Вестмаунт, в высшее общество. Он и дальше будет болтать со своими соседями – приятелями-политиками, воротилами делового мира. Наш долг ставить таких людей, как он, на место.

Элитное полицейское подразделение, самое современное оборудование, вполне приличный бюджет, который вскоре мог невероятно возрасти, возможность разгрома крайне опасной бандитской группировки – об этом можно было только мечтать.

– Я бы вообще работал один, если бы управление не навязывало мне партнера, – повторил Санк-Марс, как будто пытаясь выяснить, что еще ему светит.

– Вы сможете приноровиться.

Все встало на свои места: о независимости можно было не мечтать. Санк-Марс смотрел, как Джордж Тернер садится в свой джип. Его возмущала безнаказанность действий этого человека, возмущали связи этого подлеца, его полная удовольствий жизнь, на которую он зарабатывал своими грязными делами. Санк-Марса все еще одолевали эти мысли, когда «тойота» вдруг подскочила в воздух и раздался оглушительный взрыв. Ослепительный блеск яркого белого света! Взрывная волна докатилась чуть позже, изменилось давление, раздался страшный грохот, с треском вылетали стекла из окон высоких многоэтажных зданий. В воздухе все еще разносилось эхо взрыва. Люди в зале наблюдения рефлекторно бросились на пол. Тот парень, у которого на голове были наушники, сорвал их с истошным воплем. И тут же все они страшно засуетились, как по команде стали одновременно что-то выкрикивать. Кто-то кому-то отдавал какие-то приказы, кто-то выбегал в коридор.

– Спускайтесь туда! – закричал коротко стриженный лейтенант, натягивая спортивного типа куртку. – Продолжайте снимать! Сделайте снимок этого Царя! В такой суматохе его надо достать!

Он уже выбегал в коридор, когда вспомнил о человеке, которого хотел взять в свою группу.

Санк-Марс спокойно рассматривал в бинокль обломки покореженной машины, у которой напрочь разнесло крышу. Тело водителя сначала взлетело вверх вместе с крышей, потом, перевернувшись, свалилось на сиденье, только теперь у него не было ног. Кровавые ошметки можно было соскрести со стен зданий по обе стороны улицы. Санк-Марс видел фрагменты конечностей, упавших на землю с высоты дерева, ему даже показалось, что блеснул перстень на оторванном пальце. Он прижал бинокль к груди, чтобы все осмотреть еще и невооруженным глазом и сохранить в памяти это страшное зрелище. Водители на улице будто походили с ума: повсюду сталкивались машины, потому что обалдевшие шоферы забывали вовремя затормозить, все время сигналили или, стремясь в панике как можно скорее убраться подальше, топили в пол педаль газа.

– Теперь до вас доходит, Санк-Марс? – поддел его лейтенант. – Вот так это и случается. А мы всегда в центре событий! И ваше место с нами. Ну, решайтесь же, наконец!

Санк-Марс поставил бинокль на подоконник и последовал за лейтенантом в коридор, где царил полная неразбериха.

– В чем дело? – заорал лейтенант. Он не мог поверить глазам, увидев всех своих сотрудников, столпившихся в коридоре.

– Лифты не работают, сэр.

– Спускайтесь по лестнице!

– Ее заблокировали, сэр.

– *О Господи!* Так позвоните вниз! Скажите кому-нибудь, чтобы сюда поднялись! – Тут лейтенант снова обратил внимание на Санк-Марса. – Да, сержант-детектив, это не самый удачный для нас момент.

Он в ярости саданул по кнопке лифта, как будто это хоть как-то могло изменить положение.

– Будем надеяться, что они не подложили вторую бомбу нам под ноги, – без всяких эмоций произнес Санк-Марс голосом, в котором одновременно ощущались спокойствие и мертвящая жуть.

Лейтенант выгнул бровь. Он старался не смотреть вниз.

– Никогда никто не знает, где найдешь, а где потеряешь.

– Вы говорили, что ни разборок, ни подстав у вас не бывает. Откуда у вас такая уверенность? «Ангелы» знали, что вы здесь, и у «Рок-машины» была эта информация. Бандиты из «Рок-машины» только что под самым вашим носом совершили убийство и сумели перекрыть вам доступ к месту преступления. Они же просто дурят вам мозги. А этот чужак, за которым вы гоняетесь? Этот Царь? Он давно отсюда убрался! Я видел, как он прыгнул в мини-вэн, прикрывшись плащом. А вам так и не удалось его снять.

– Что вы от меня хотите, сержант-детектив? – Коротко стриженная «росомаха» снова рылся по карманам в поисках сигарет и зажигалки. – Скажите, что вам нужно, чтобы согласиться перейти в нашу команду? Ведь должно же быть что-то такое...

– Нет, менять решение я не буду, но я благодарен вам за приглашение. Мне лестна ваша оценка, лейтенант, но я уже все обдумал. Я не перейду в «Росомахи» – можете считать это дурным предчувствием. Мне лучше работается на свой собственный страх и риск.

Прибыли полицейские, поднялись по лестнице к заблокированной двери и деловито пытались убрать стальной брус, заложенный между дверью и бетонной колонной. Сержант-детектив Эмиль Санк-Марс ничего не мог с собой поделать: он качал головой и тяжело вздыхал, не находя сил скрыть недовольство и осуждение этого провала. Он терпеть не мог топорно проведенные операции и всей душой ненавидел такие ситуации, при которых бандитам удавалось безнаказанно навязывать полиции свои правила игры.

Часть первая. Скачка с препятствиями

Глава первая. Канун Рождества

Святого Лаврентия течет с запада на восток – от Великих Озер к Атлантическому океану, связывая с морем такие промышленные центры, лежащие в глубине континента, как Чикаго и Детройт, Кливленд, Буффало и Торонто. Часть ее проходит по границе Канады и Соединенных Штатов – провинции Онтарио и штата Нью-Йорк, – помогая двум странам развивать торговлю. Дальше к востоку река все больше отклоняется к северу, неся свои воды по провинции Квебек. Там, где она, изгибаясь на север, к Атлантике, становится более полноводной, вобрав в себя воды реки Оттава, она делится на два рукава, омывающие древний остров вулканического происхождения. Стоявший здесь в незапамятные времена вулкан поднимался над облаками. Со временем, исчислявшимся геологическими эпохами, гора разрушилась под непрерывным и неумолимым воздействием стихий природы. Движение ледников заполняло кратер обломками скал, которые потом сковывал ледовый покров, достигавший нескольких километров в высоту, и сильно их утрамбовывал. Время разъедало затвердевшую лаву в пыль, которую уносила река, и от огромного некогда вулкана остался лишь бывший кратер, забитый плотно утрамбованными глыбами горных пород. Это жалкое подобие былого величия – полный спрессованными породами кратер – теперь называют горой Маунт-Ройял или Мон-Руайяль. Раскинувшееся на острове городу дали имя этой горы, точнее, этого огромного, плавно вздымающегося ввысь холма, который с южной стороны круто обрывается вниз. Монреаль – Королевская гора. Она как бы нависает над центром города, закрывая собой горизонт. Большую часть ее плоской вершины занимают огромное кладбище и парк. Влюбленных влечет сюда свежий воздух, глухие тропинки, петляющие среди деревьев и кустарника, и чудесная панорама города. Одиноким забредают сюда в поисках истины и утешения. Отдохнуть и порезвиться на склонах приходят и целыми семьями. Летом здесь в воздухе разносятся манящие запахи барбекю. В запряженных лошадьми двухместных колясках разъезжают туристы, осматривающие окрестности, потому что нечасто доводится любоваться огромным городом с естественной смотровой площадки над пропастью, удобно расположившись среди деревьев, скал и птичьих трелей над крышами небоскребов, уличным гомоном, машинами и пешеходами. Люди поднимаются сюда, чтобы почувствовать ритм городской жизни с вершины, где на человека нисходят умиротворение мудрости и ощущение единства с миром, гармонии бытия.

А внизу раскинулся в основном французский город и английская его ипостась, где обрели пристанище люди множества наций и национальностей, наполняющие звуками своих наречий улицы, которые одновременно и смешиваются, и ревниво оберегают свою самобытность, отстаивая собственную культуру в содружестве со всеми другими традициями и обычаями. Они любят этот город, благословенный красотой горы и животворной силой воды, безмятежной и несокрушимой мощью реки Святого Лаврентия, связывающей остров с миром.

Реки прокладывают себе путь по земле на северо-восток к океану, на запад и юго-запад. Восточный приток тянется к югу до озера Шамплен, образуя важный торговый путь с Вермонтом и штатом Нью-Йорк. Построенное здесь еще до прихода «Мэйфлауэра»⁵ первое французское поселение – торговая фактория, было связано и с канадским Западом, и с теми землями, которые позднее станут известны под названием Американских Колоний. Так начиналась торговая история города. А позже, когда французы покинули это первое поселение, потому что

---

⁵ «Мэйфлауэр» (Mayflower) – название британского барка, на котором 21 ноября 1620 г. из Англии в Америку прибыли первые пилигримы – поселенцы Новой Англии.

торговля шла не слишком бойко, остров превратился в известный центр провидцев и миссионеров. Основание самого города было связано с мотивами духовного характера – он возводился как центр обращения дикарей в христианскую веру.

Начиная с эпохи «сухого закона», когда несметные состояния сколачивались благодаря перегонке и контрабанде спиртного в Нью-Йорк, откуда его развозили дальше по всем Штатам, за десятилетия доставки туда же героина и кокаина монреальским преступным синдикатам удалось закрепить за городом печальную славу черного хода в Нью-Йорк. Здесь всегда было легко пересекать границу. Она была открыта для тех, кто умел пользоваться оружием, подкупом и глухими дорогами. С другой стороны, в городе всегда могли найти пристанище те, на кого слишком сильно начинало давить ФБР. Итальянские банды были тесно связаны с нью-йоркскими мафиозными кланами – ведь путь на машине на юг до Нью-Йорка составляет здесь всего шесть часов. Там они наворачивали огромные деньги, особенно когда дела были связаны с наркотиками. Время от времени они обращались к нью-йоркским корешам за помощью, чтобы поприжать дома французских конкурентов. Так у обеих сторон сложилась общая тактика – они всегда работали сообща, так сказать, на международном уровне, поддерживая братские связи с зарубежными товарищами. Как показало время, такое сотрудничество оказалось взаимовыгодным, поскольку никто не знал, когда дома начнутся очередные местные разборки.

Позиции преступников упрочивались, доходы быстро росли, разборки не стихали, жестокость бандитов возрастала. Когда мафия стала сдавать позиции как в Монреале, так и в Нью-Йорке, возникли новые банды, в числе которых особое место заняли «Ангелы ада». Пока в квебекской глубинке они зализывали раны от сильного удара, нанесенного полицией, в городе без лишнего шума сложилась другая байкерская банда – «Рок-машина». В нее вошли многие бывшие мафиози. Когда «Ангелы», проведя перегруппировку и вновь собравшись с силами, решили вернуться в Монреаль, вспыхнула очередная междоусобная распря. Стали сколачиваться и упрочиваться союзные связи. Поскольку из-за мягкого иммиграционного законодательства в Монреале теперь действовало больше русских банд, чем в Нью-Йорке и Майами, вместе взятых, им пришлось время определяться, на чьей они стороне.

Инструментами выбора стали бомбы и цепные пилы.

В мирных городских кварталах рвался динамит.

В воскресенье по утрам повсюду в городе звучал перезвон колоколов, чистым победным звоном напоминая жителям о добрых старых временах, но еще многих дикарей предстояло обратить в истинную веру, потому что даже среди раскаявшихся грешников были люди, помогавшие, подстрекавшие, а подчас даже поклонявшиеся преступникам.

Три с половиной месяца спустя после взрыва джипа Джорджа Тернера сержант-детектив Эмиль Санк-Марс сидел за рулем своей ничем не примечательной машины, припаркованной рядом с пожарным краном на улице Эйлмер, поднимавшейся по склону горы в квартале, который в округе называют студенческим гетто. В такой холод редкие пешеходы спешили разойтись по домам. Мороз стоял лютый, люди старались не высовываться на улицу. Квартиры в этом квартале сильно разнились по размеру и стилю, будто их здесь специально собрали, чтобы создать невообразимую архитектурную мешанину. Старые элегантные трехэтажные особнячки стояли бок о бок с новыми крикливыми многоэтажками. Частные домики были зажаты шумными студенческими общежитиями.

Эмиль Санк-Марс совсем продрог в машине, он даже губы от нетерпения покусывал. Его новый напарник десять минут назад ушел купить себе кофе, и ему уже пора было бы вернуться.

– Ох уж этот англичанин, – пробурчал по-английски детектив.

Заметив появившегося на ветру человека с картонным подносом в руках, он выругался вслух. Молодой детектив с трудом шел по тротуару, разбрасывая снег в стороны как битюг-

тяжеловоз. Сначала он оперся о дверцу машины, потом взгромоздился на переднее сиденье, предварительно попросив Санк-Марса подержать пенопластовый стаканчик с кофе.

– *Идиот*, – произнес сержант так, что трудно было понять, по-английски это было сказано или по-французски.

– И что мне теперь надо делать? – не терпелось узнать детективу Биллу Мэтерзу.

– Поставь себе на голову проблесковый маячок, а в пасть заткни сирену.

– Что, простите?

– Мне говорили, что ты неплохой детектив.

– Кто вам это сказал? Я знаю, что у меня все в порядке, но кто именно вам об этом говорил?

– Возьми-ка ты этот поднос, – поддел его Санк-Марс, – напиши на нем: «*Полицейский при исполнении секретного задания! Не беспокоить!*» – и повесь себе на грудь. Можешь мне поверить, если бы преступников можно было вычислить на глаз так же просто, как полицейских, с преступностью у нас уже давно было бы покончено.

– Хотите, я вам тоже принесу кофе?

– Сходи, сходи мне за кофе... Только не носи ты его мне на картонном подносе так, чтоб пар от него валил, как дым из трубы! Кто может сидеть в машине с выключенным движком всю ночь напролет, когда на улице минус тридцать? – озадачил парня Санк-Марс. – Кто на такое может сподобиться, кроме тупых полицейских? И знаешь, Билл, что я тебе скажу? Плохие парни об этом тоже наверняка догадываются.

Мэтерз сначала согрел руки о стаканчик, потом снял с него крышечку и подул на кофе.

– Знаете что?

– Что?

– Если только полицейские себе хвосты отмораживают, выключив двигатель, давайте наш включим. Тогда это будет менее подозрительно.

– Ты, парень, и впрямь слетел с катушек.

– Но разве это не будет менее подозрительно?

– Мы чем здесь с тобой, по-твоему, должны заниматься? Целоваться?

– Это тоже вызвало бы меньше подозрений, – гнул свою линию Мэтерз.

С ним все было ясно.

– Ладно, не бери в голову, – Санк-Марс понял, что дальше обсуждать с ним эту тему бессмысленно. – Нас здесь вообще нет. Мы – невидимки. У нас ни движка нет, ни отопления, только пар от кофе поднимается.

– Я знаю, чего вы от меня хотите. Вы хотите вывести меня из себя.

– Если ты так быстро до этого допер, значит, ты еще более смысленный детектив, чем я себе представлял.

Мэтерз явно начинал злиться.

– Поступайте как знаете! Вы не первый меня подкалываете. И – могу поспорить – не последний.

– Постучи по дереву, – посоветовал ему Санк-Марс. – Может быть, и последний. Кто знает?

Поскольку дерева под рукой не оказалось, Билл Мэтерз три раза стукнул себя по голове.

– По звуку мне кажется, она у тебя пустая, – съязвил Санк-Марс.

В ту ночь под городом, в теле горы, там, где в скалах проложен туннель для электричек, собрались бездомные бродяги – у них не было другого места, чтобы укрыться от холода и лишений, которые принесла с собой зима. Хотя в туннеле было совсем не тепло, люди прятались там от пронизывающего ледяного ветра и жгли костры из старых газет, которые собирали и предварительно мочили в талом снегу, чтоб они дольше горели. Туннель стал их прибежи-

щем. Люди приходили сюда после ухода последних поездов в час пик. Потом еще вечером проезжало несколько электричек, и подземелье оставалось в их распоряжении до раннего утра, когда их будила оглушительная сирена первого утреннего состава.

В канун этого Рождества к ним присоединился Окиндер Бойл – начинающий журналист, которому очень хотелось сделать себе громкое имя. Его редактору давно надоели слезоточивые репортажи о бездомных, и теперь ему приходилось искать новые формы, в которые облекалось бы старое содержание.

– *Хочешь писать о бездомных?* – говорил ему редактор. – *Эта тема тебя так волнует? Так найди хоть мало-мальски толковый сюжет, Бойл. Хватит слюни распускать. Господи, меня уже тошнит от твоих мыльных опер, с души от них воротит! Ты же исписался еще в первом своем репортаже.*

Бойл обладал талантом отыскивать интересные сюжеты, и, когда в канун Рождества он вошел в подземный туннель, его уверенность в том, что он нашел отличную тему для праздничной недели, только окрепла. Когда его читатели будут доедать остатки рождественской индейки, он им подкинет отпадный репортаж об их городе, каким они себе его даже представить не могут. Он понятия не имел о людях, которые здесь обитали, ничего не знал об их жизни, но нашел этот туннель, – *туннель!* – где собирались обездоленные, чтобы укрыться от зимней стужи, а по утрам, когда они вновь выходили на свет божий, им приходилось думать о том, чтобы не попасть под электричку.

«*Сюжет тебе увлекательный нужен?»* – разговаривал он в уме с занудным редактором отдела городских новостей, которому так нравилось давить его как мокрицу. «*Я тебе такой сюжет раскопаю, что зашатаешься. Эти люди живут* – тут он сделает эффектную паузу – *под!* – и еще раз повторит это слово для большей выразительности, – *под горой. Они живут в скале».*

Накануне Рождества Окиндер Бойл присоединился к бездомным, жившим под городом, где с грохотом проносятся поезда, где привидением воет промозглый зимний ветер и тусклые газетные костры наполняют спертый воздух едким теплым дымом.

– Я тоже могу вам честно признаться, – сказал Билл Мэтерз своему новому старшему напарнику. – Я сам на это пошел. Подал прошение, чтобы работать вместе с вами.

Сержант-детектив Эмиль Санк-Марс в присущей ему язвительной манере ответил:

– Я так понимаю, теперь мне надо прийти в восторг. И что, Билл, как бурно, по-твоему, я должен его выражать?

– Не доставайте меня так, Эмиль! Вы ведь профессионал, каких мало. Я сам напросился к вам в напарники. Может быть, я смогу у вас многому научиться...

– Чудеса иногда случаются, – согласился Санк-Марс.

– Что я вам такого сделал?

У молодого человека было круглое доброе мальчишеское лицо, на котором выделялись большие карие глаза с поволокой. Аккуратно причесанные на пробор волосы напоминали типичную стрижку конных полицейских, что вызывало у Санк-Марса чувство легкой неприязни. Его новый напарник казался ему таким же серьезным, как тот коротко стриженный лейтенант «Росомах», с которым он встречался, когда взорвали Тернера вместе с его машиной. Младшему детективу было где-то тридцать с небольшим, хоть выглядел он моложе, но Санк-Марсу казалось, что последние десять лет он старался вести себя как сорокалетний мужчина, как будто его стремление скорее повзрослеть лишило его юности.

– Почему вы так ко мне относитесь, Эмиль?

Санк-Марс внимательно следил за тем, что происходило на улице. Выпал легкий, пушистый снег. Он бросил взгляд в боковое зеркало скорее по привычке, чем по необходимости. Улица была на удивление безлюдна.

– Мой последний напарник на меня стучал, – пояснил ему детектив. – Тебе бы надо сходить к нему потолковать. На этот раз я обкашлял это дело с начальством, оно не решилось лезть на рожон и подсовывать мне другого стукача, но и одолжений мне делать не собиралось. Они решили мне дать то, от чего отказывались другие, чтоб жизнь медом не казалась. Так что глянул я, какие мне предлагали варианты, и знаешь что, Билл? Я выбрал тебя. Говорили, ты неплохой полицейский, надежный, исполнительный, все у тебя вроде как у людей. Начальство решило, что мне нужен как раз такой четкий исполнитель, знающий свое место. Они так прикинули, что толку мне от тебя все равно не будет. При таком раскладе я и смекнул, что ты мне подойдешь. А теперь, – продолжал Санк-Марс, – вылезай из машины и докажи, что они ошиблись, – протри-ка ты заднее стекло. Или ты считаешь, что я и сквозь снег все вижу?

Детектив Билл Мэтерз, не сетуя на судьбу, сделал, что ему было сказано, – рукавом куртки сбросил часть снега со стекла. Снег, падавший хлопьями на таком морозе, был на удивление сухим и легким, его с тем же успехом можно было просто сдуть. Санк-Марс сказал, что все у него вроде как у людей, но такой подход к его служебной деятельности большого энтузиазма у Билла не вызвал. И выбирал он его из тех, кто никому другому не был нужен. Этой высокой оценки его способностей по гроб жизни хватит, чтобы перевыполнить норму по критике. Он знал, что его продвижение по службе считалось своего рода показухой, пустым жестом, который как кость бросали англичанам. Полицейские-англичане были уверены, что лучшим из них не дают хода, выдвигая наименее способных, чтобы не дать им проявить себя во всем блеске. Так дело обстояло в теории. И чтобы ей соответствовать, английские полицейские всегда старались показать начальству, что они глупее, чем были на самом деле. Он попытался припомнить, не случалось ли такого и с ним. Билл знал, что принадлежит к числу честолюбивых полицейских. Именно поэтому его самолюбие и тешил тот факт, что он стал напарником такого известного и даже легендарного сыскаря, как Санк-Марс.

Перед тем как сесть в машину, Мэтерз окинул улицу привычным опытным взглядом. Потом открыл дверцу и опустился на сиденье.

– Заводите машину, – сказал он начальнику, – и езжайте к перекрестку. Я его засек.

Санк-Марс тут же повернул ключ в замке зажигания.

– Кто это?

– Санта-Клаус. Прямо за нами.

Человек в костюме Санта-Клауса с мешком игрушек, перекинутым через плечо, перебрался через сугроб и вышел на проезжую часть. Он перешел на другую сторону улицы, ускорив шаг, когда мимо проезжала машина. Машина медленно притормозила на скользкой дороге, а за ней другие, проезжавшие мимо детективов. Санк-Марс спросил:

– Ты его видишь?

– Да, – ответил Мэтерз. – Он входит в парадное.

– Теперь подождем.

– Он вошел.

– Сейчас, – прошептал Санк-Марс. – Ты запомнил дверь?

– Да.

– Точно?

– Да, запомнил.

– Пойдем, – приказал Санк-Марс. – Закрой дверь. Только не хлопай! Я не буду выключать движок. Запасной ключ у меня в правом кармане куртки. Все надо делать по-тихому, чтоб было шито-крыто, чтоб комар носа не подточил.

– Я, может быть, и новый ваш напарник, но я не новичок, – заметил Мэтерз.

– Хорошо, не возбуждай. Пойдем.

Они тихо открыли и мягко прикрыли за собой дверцы машины. Мэтерз вслед за Санк-Марсом пересекал улицу под углом, направляясь от машины не к тому зданию, в которое вошел Санта-Клаус, а к другому жилому дому. Когда они вошли, Мэтерз спросил:

– Что мы теперь будем делать?

– Держись к востоку от Олдгейт, – ответил Санк-Марс, расстегивая кобуру и вынимая из нее пистолет.

– Что это значит? – не понял Мэтерз.

– Переложу пушку в карман. Обращайся с ней осторожно, но палец держи на курке. И послушай, Билл, не прострели случайно себе ногу, но главное – не стреляй в меня.

– Вы думаете, у нас могут быть неприятности?

– Всегда надо быть начеку.

– Запросить поддержку?

– Какой смысл устраивать здесь суматоху невесть зачем? Чем больше полиции, тем больше шансов провалить дело.

– Вы не соблюдаете инструкции, Эмиль, – с укором заметил Мэтерз, растянув губы в улыбке.

Санк-Марс пренебрежительно хмыкнул, давая понять напарнику, что плевать он хотел на инструкции.

– Пошли.

Они вышли из здания и неторопливо направились по улице к дому, за дверью которого скрылся человек в костюме Санта-Клауса.

– Первым заходишь ты, – приказал Санк-Марс. На его лице сияла улыбка.

– Чему вы радуетесь?

– Теперь ты будешь знать, зачем мне исполнительный напарник.

– Зачем? – никак не доходило до Мэтерза.

– Если сейчас кому-то суждено получить пулю, этим кем-то может стать и англичанин.

Мэтерз бросил на него ошеломленный взгляд.

– Мне все время казалось, что вы отмочите что-то в этом роде, – ответил он по-французски.

Преследуя Санта-Клауса, полицейские вошли в парадное, сжимая в карманах курток взведенные пистолеты.

Кошмар Окиндера Бойла начался тогда, когда до него донесся далекий гул, едва отличимый от воя ветра у входа в туннель. Путь его освещали редкие красные огни, еле различимые во мраке дизельного дыма и вековой пыли горы. Толку от них было мало. Он ступал, стараясь ставить ноги в углубления между шпалами. Заслышав доносившийся издали шум, Бойл остановился, на какое-то время застыл, прислушиваясь, и скоро понял, в чем дело. Теперь с той стороны, в которую он направлялся, на него шел поезд. Ему пришлось подавить внезапно накатившую панику. Он перевел дыхание, потом сделал глубокий вдох. Морозный воздух обжег легкие. Впереди слабо теплится тусклый красный огонек, к которому он приближался. Подойдя к свету, он огляделся. Вокруг не было и намека на какое-нибудь укрытие. Он воскликнул «Господи!», потом повернулся в другую сторону, не зная куда идти дальше. Громким шепотом Бойл произнес: «Ладно, надо взять себя в руки...»

Электричка была еще далеко. Только один поезд шел по параллельно проложенным путям. Причин для паники не было. Чтобы в этом удостовериться, он еще раз обернулся и теперь заметил прожектор еще одной электрички, надвигавшейся на него с противоположной стороны.

Вот теперь было от чего удариться в панику.

Бойл по пути не заметил ни одной ниши, ни одной щели в скале. Так что лучше было тащиться дальше. Он побрел вдоль стены в направлении следующей тусклой красной лампочки. В подземелье, все ярче сверкая белым светом прожектора, на него надвигалась электричка. Он судорожно шарил рукой по стене, надеясь нащупать хоть какую-то впадину в цементе, косил глазом вверх – может быть, там можно будет найти какое-то укрытие. Нет, спастись было негде. Он побежал, грохот приближавшегося поезда становился все громче и неотвратимее. У следующей красной лампочки, закрытой проволочной сеткой, тоже не было никакой отдушины, никакого спасительного закутка. Должна же где-то здесь существовать какая-то зона безопасности! Он все еще шел в направлении очередной лампочки. Прямо на него с ревом и грохотом несся состав. Пути здесь чуть изгибались, и прожектор локомотива залил его на повороте непереносимо ярким светом – Бойла будто разбил паралич. Может быть, он спасется, если распластается у стены, но риск был слишком велик, а надежда на спасение ничтожна. Он мог оставаться на путях, уповая на то, что первая электричка уже пройдет, когда подойдет вторая, и он успеет быстро перепрыгнуть на параллельные рельсы, но полагаться на волю слепого случая было еще страшнее.

Напрягая все силы, чтобы держать себя в руках, он в отчаянии пошел в ту сторону, откуда навстречу ему несся поезд, освещающая туннель ярким светом прожектора, но путь к спасению журналисту помог найти свет прожектора электрички, двигавшейся в противоположном направлении. Он запросто мог не успеть, мог вовремя не достичь цели, а если бы он упал... *«Господи, что же станется, если я упаду!»* В слепящем свете прожектора локомотива он увидел ступеньки – три металлические ступеньки, которые вели на какой-то шаткий мостик. Подпрыгнув, он встал на первую ступеньку, поднялся на мостик, слегка очухавшись, лег на него и прижался к стене. Первый поезд еще с ним не поравнялся – он переоценил его скорость и близость. Оказалось, что у него было чуть больше времени, чем он рассчитывал. Бойл ощупывал стену, прижавшись лицом к камню. Пока электрички проходили мимо него, он вытянулся во весь рост, буквально вжимая в холодный цемент руки, ноги, колени, бедра, грудь, лицо, даже пальцы ног. Оглушительный грохот, за которым, как ему почудилось, последовала взрывная волна, когда поезда поравнялись, сбил ему дыхание и заставил сердце биться, как у загнанного зайца. Когда рядом с ним сошлись оба поезда, его обуял невероятный страх, потому что удар воздушной волны был такой силы, что, казалось, даже сама бетонная стена дрожала и стонала в поисках спасения. Ему показалось, что эти электрички никогда не кончатся, и эта ночь никогда не пройдет, и сам он не выдержит их яростного движения. *«Прямо как на войне»*, – пронеслась мысль, когда мимо него по ближнему пути громыхал поезд, мелькая окнами пассажирских вагонов. Поезда прошли мимо так же неожиданно, как возникли, а Бойл так и лежал на спасительной железной решетке, вжимаясь в скалу.

С трудом поднявшись на колени, он внимательно вслушивался в звуки удалявшихся поездов. Они оглушительно громыхали еще лишь секунду назад, а теперь уже скрылись из виду. Скоро их и слышно не будет. Это пугало его, заставляло быть начеку. Как же быстро они возникли и растворились во тьме! Ему надо было скорее идти по туннелю, не теряя осторожности и осмотрительности.

Бойл дошел по мостику, оказавшемуся чем-то вроде балкона или парапета, до лампочки, под которой висело расписание поездов. Лампочка светила достаточно ярко, чтобы он мог его разглядеть и свериться с часами. Поезд из города ушел в десять сорок, значит, эти две электрички были последними. Какое счастье! Он спустился по ступеням вниз на пути и пошел дальше вглубь горы. Мужики у входа в туннель сказали ему, что идти надо в самую глубину. Они ему пообещали, что именно там он сделает свой лучший репортаж, – именно там обитал отшельник, человек, известный им по прозвищу Банкир. Довольно скоро Бойл заметил пляшущие язычки пламени костра, который должен был стать концом его путешествия. Подходил

он к нему с осторожностью, хоть и дрожал от холода, как будто охвативший его недавно страх лишил тело молодого человека последнего тепла. Подойдя ближе к костру, он крикнул:

– Добрый вечер! Есть там кто-нибудь? Здравствуйте, Банкир!

У костра шевельнулась неясная тень. Над огнем как меч взметнулся факел, который угрожающе занес над головой похожий на привидение мужчина, вскочивший на ноги по другую сторону костра. В воздухе плясали многоликие языки пламени, факел, охваченный огненными сполохами, был направлен в сторону непрошеного гостя.

– Это вас здесь называют Банкиром? – громко спросил журналист.

– Кто ты такой? – прозвучал в ответ вопрос. – Друг или враг? – Факел с присвистом рассек воздух.

Бойл не без труда удержался от улыбки. Он был почти готов к тому, чтобы оказаться в каком-то ином измерении жизни, и не очень удивился, что его здесь ждало что-то похожее на средневековый рыцарский поединок.

– Друг, – ответил он.

– Так я тебе и поверил, – огнедышащий дракон, заточенный в подземной темнице, подался назад.

– Послушайте, я пишу для газет. Меня зовут Окиндер Бойл. Парни у входа в туннель сказали мне, чтоб я пришел сюда поговорить с вами. Вам ведь наверняка есть что мне рассказать! Или они просто так воздух сотрясали?

Бойлу показалось, что человек не знал, как ответить. Поэтому он предпочел еще раз махнуть своей головешкой как булавой.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что мне есть что тебе рассказать? – спросил он через какое-то время.

– Как случилось, что вы здесь живете?

– Я здесь не живу. Жить здесь может только безмозглый псих. Я тут, бывает, сплю да время провожу.

– Именно об этом я и хотел с вами побеседовать. Мне нужны как раз такие подробности, и я бы очень хотел вас послушать. Начнем хотя бы с того, почему вас называют Банкиром.

– Это длинная история.

– Я сюда для того и пришел, чтобы вас послушать. Можно мне к вам подойти поближе?

– Ну... – начал было Банкир, но осекся.

– Что вы сказали? – Окиндер Бойл не сдавал позиций.

– Ладно, давай, подваливай сюда поближе, – сказал Банкир.

– Уже к вам поднимаюсь, – сообщил ему Бойл.

Он схватился руками в перчатках за цементный карниз, подтянулся и влез на помост, где немолодой уже мужчина жег костер. Банкир снова сел и протянул ладони к пламени, согревая озябшие руки в рукавицах. Свой факел он сунул в огонь. Бойл присел напротив него на широкую доску, их разделял небольшой сильно дымивший костер.

– Так кто же ты все-таки? – спросил его Банкир.

Бойл изучал отшельника. Лицо у него было круглым и достаточно упитанным – впечатления, что он недоедает, никак не складывалось. Оно заросло двух- или трехдневной колючей щетиной. Над маленькими глазками топорщились кустистые брови. Под одним глазом в свете отблесков пламени виднелся шрам странной, почти квадратной формы, как будто кто-то хирургическим скальпелем аккуратно срезал со щеки полоску кожи. На голове была нахлобучена плотная шерстяная шапка.

– Меня зовут Окиндер Бойл, – ответил молодой человек. – Я работаю журналистом.

– Да, – отозвался Банкир, – я что-то припоминаю. Но кто ты такой?

Бойл сразу почувствовал, что от нападения надо переходить к обороне. После непродолжительной паузы он ответил:

– Это к делу не относится.

– Может быть, так, а может быть, иначе, – задумчиво проговорил Банкир. Голос его изменился, теперь он звучал вполне убедительно. – Но я хочу это знать. Сделай милость, развлеки меня. Давай, сынок, ты здесь покалякай чуток, а я тебя послушаю.

Два детектива поднимались по лестнице тихо и осторожно, прислушиваясь к доносившимся отовсюду звукам. Лестничные площадки на всех этажах тускло освещались слабыми лампочками, лестничные пролеты были узкими и обшарпанными. Из комнат, где жили студенты, доносились приглушенные ритмы музыкальных каналов и веселый смех. Вечер выдался спокойный, потому что многие обитатели дома на праздники разъехались. Преследуя Санта-Клауса, мужчины поднялись на второй этаж, потом на третий. Мэтерз шел первым, Санк-Марс двигался за ним, отставая на пару шагов. Им нужна была квартира тридцать семь. Дойдя до нее, они остановились перед дверью и прислушались. Изнутри не доносилось ни звука.

Санк-Марс, стоявший сбоку от двери, легонько в нее постучал.

Никто не ответил.

Он ждал.

В квартире стояла гнетущая тишина.

Он постучал сильнее. Потом сделал неопределенный жест подбородком.

– Что? – шепотом спросил его Мэтерз.

– Попробуй ручку.

Она повернулась.

Санк-Марс вскинул бровь.

Мэтерз чуть приоткрыл дверь и в щелку глянул внутрь. Потом легонько толкнул ее, она распахнулась, и оба мужчины с пистолетами наготове быстро вошли в комнату и замерли по обе стороны дверного проема. Мэтерз быстро оглядел помещение, слегка пригнувшись на тот случай, если бы вдруг по ним открыли огонь. Санк-Марс последовал его примеру, осматривая комнату. Он приложил палец к губам, давая напарнику понять, что они сюда вторглись без предупреждения, потом показал ему большим пальцем, чтобы он первым проходил дальше.

Мэтерз низко пригнулся, продолжая сжимать пистолет в вытянутых вперед руках. Осматривать в пустой комнате было практически нечего, в помещении царило запустение. Из вещей стояли только большой сосновый гардероб и стол, на котором валялся мешок Санта-Клауса с игрушками. Мэтерз осторожно пошел дальше, направляясь к кухне и внимательно озираясь по сторонам. Это длинное узкое помещение тоже оказалось пустым, если не считать нескольких картонных коробок. Он обернулся, но Санк-Марс знаком приказал ему хранить молчание.

В правой стене комнаты был встроены альков, в который вела закрытая дверь. Санк-Марс сначала прислушался, потом опустился на колени и, держа пистолет наготове, распахнул дверь. Выпрямившись, он вошел внутрь и зажег свет. Ванная комната оказалась пустой. Не было даже занавески, отгораживавшей душевую кабинку.

– Черный ход есть? – спросил Санк-Марс.

– Через дверь на кухне, – ответил Мэтерз.

В кухню они вошли вместе. У них был выбор между двумя дверями. Одна из них, чуть приоткрытая, вела в небольшую кладовку. Она была пуста. Другая дверь была заперта. Мэтерз щелкнул выключателем на стене, наклонился и глянул в замочную скважину.

– Похоже, там лестница...

– Дымовая труба для Санта-Клауса, – буркнул детектив.

– Взломать ее?

– Зачем? Если Санта-Клаус хотел оторваться, ему это удалось.

– Так он что, был чем-то вроде наживки?

– Со всеми необходимыми аксессуарами. Но почему? В чем здесь дело?

Мэтерз сунул пистолет в кобуру. Он пошел обратно в комнату, звук его шагов по дощатому полу эхом отражался от голых стен.

– Кто-то здесь все заранее вычистил.

– Да нет, не все, – возразил Санк-Марс.

Он оперся о дверной косяк и сделал очередное указующее движение подбородком. В тот же момент Мэтерз распахнул дверцы гардероба и застыл в оцепенении, не в силах отвести взгляда от жуткой картины.

– Билл?

– Господи!

Санк-Марс подошел к напарнику. В шкафу с поперечной палки для вешалок свисал Санта-Клаус. Голова его была повернута под неестественным углом, как будто ему сломали шею, провал раскрытого рта, бледное вздувшееся лицо почти целиком закрывали накладная борода и забавные завитушки парика. С его шеи на красный кафтан на веревочке свисало написанное на куске картона сообщение – несколько слов приветствия, которое, как понял Санк-Марс, было адресовано именно ему.

Потухшие глаза жертвы и обмякшее тело безошибочно свидетельствовали, что человек мертв. Но Санк-Марс все-таки решил это проверить. Прикоснувшись к телу, он почувствовал, что труп холоден как лед.

В тот же вечер на вершине горы на залитом светом льду замерзшего озера вдали от городского шума под звуки заезженной рождественской песенки каталась на коньках симпатичная девушка. Ее звали Джулия Мардик. Спутник ее был раза в два старше. Он дрожал от холода, стоя у самого края катка, и пристально на нее смотрел, переминаясь с ноги на ногу на пяточке плотно утрамбованного снега, чтобы разогнать стывшую на морозе кровь. Девушка тоже сильно замерзла, она отвернулась от задувавшего в лицо ледящего ветра и чуть сторбилась, чтобы повысить натянуть воротник. Сделав еще круг по льду замерзшего озера, она остановилось рядом со своим спутником.

– Теперь я понял, в чем особенность твоей походки, – сказал он, и его выдох на сильном морозе в ярких лучах фонарей превратился в белое облачко.

– Моей походки?

Девушка, казалось, немного обиделась. Ей льстило его внимание, но Джулия верила, что сможет устоять перед его чарами. Ее так и подмывало схлестнуться с этим мужчиной, проверить свои способности и одержать победу над его искусством утонченного обольщения. Джулия отчетливо понимала, в чем ее слабость и уязвимость, которые он старался использовать, но больше всего ей хотелось узнать, чего же ему нужно от нее на самом деле и почему именно она стала объектом его интереса.

Мужчина был одет в темно-серое пальто, воротник которого был повязан розовато-лиловым шарфом, на голове его красовалась щегольская соболья шапка. Он замерз и постукивал одной ногой о другую.

– У тебя, Джулия, особенный пружинистый шаг, и ходишь ты, как на коньках катаешься, милая моя. А катаешься ты просто замечательно!

– Походка у меня дурацкая. Именно об этом ты и хочешь мне сказать. Не зли меня, Селвин. Ничего нового для меня в этом нет.

Фамилия мужчины была Норрис – Селвин Эмерсон Норрис. Джулия познакомилась с ним совсем недавно. Ей понравились его глубокие глаза, лоск и вальяжность манер, а еще странная аура таинственности. Он всегда одевался с иголки и выглядел на все сто. Держался он немного старомодно и, казалось, ему всегда было интересно то, о чем она ему рассказывает. Он вообще любил поговорить. Вот, пожалуй, и все, что ей было о нем известно.

– Ты же знаешь, этому есть свое название, – сказала она.

– Чему?

– Моей походке.

– Неужели?

– Да не люблю я об этом распространяться! Походка у меня такая по физиологическим причинам, поэтому не пытайся ее исправить. Ой! Я совсем задубела на этой холодрыге. Как же я *промерзла!*

Чтобы хоть немного согреться, она стала делать приседания. Когда девушка нагнулась, чтобы развязать шнурки на высоких ботинках, Норрис поставил на лед ее сапожки. В варежках Джулии никак не удавалось справиться со своей задачей, поэтому она сняла их, зажала в зубах и с новой силой стала сражаться со шнурками негнушимися от холода пальцами. Чтобы устоять на ногах, она дала ему руку. Продолжая держать варежки во рту, она наконец смогла ослабить узел, потом скинула с ноги один конек и быстренько засунула ее в холодный сапожок.

– Селвин, – с трудом сказала она, потом вынула изо рта рукавички и снова надела их на руки, – почему стоит такой дикий холод? Это, наверное, *самый* холодный канун Рождества в моей жизни.

– Как бы ты сейчас отнеслась к большой тарелке горяченького супчика?

– Наверное, как к хлопку в ладоши одной рукой. – Она скинула второй конек и сунула в зимний сапог вторую ногу.

– Проныра...

– Зачем ты так говоришь? Я надеюсь, ты не собираешься меня пригласить в первую попавшуюся забегаловку?

Джулия люто ненавидела ресторанчики, где можно было что-то перехватить на скорую руку, куда водили детей поесть путин⁶ и согреться, позволяя им шалить и баловаться в знакомой обстановке.

– Я не это имел в виду.

В таком случае поступившее предложение можно было рассмотреть более предметно – поездку в «инфинити», еду в хорошем ресторане, тем более что подобного рода предложений ей давно никто не делал.

– Тогда побежали, – сказала она.

– Ты беги, а я пройдуся.

Джулия пустилась бежать по тропинке и скоро скрылась из вида за деревьями. Снова Селвин Норрис увидел ее уже на стоянке – она прыгала на месте у его машины. Он шел по заледеневшему снегу, хруст его шагов громко и четко разносился в холодном вечернем воздухе. Дверцы своей «инфинити» модели Q45 он открыл еще на подходе, нажав кнопку устройства дистанционного управления. Джулия услышала веселый щелчок замков – блип! – открыла дверцу и скользнула на переднее сиденье роскошного автомобиля. Она смотрела, как Норрис открыл багажник и аккуратно положил туда ее коньки, а потом сел рядом с ней за руль.

– Так холодно, Селвин, заводи скорей машину!

Ей странно было произносить имя этого мужчины. В его звуках, как ей казалось, крылись классовые различия, культурная эпоха, к которой она не принадлежала, и грань, которую ее приглашали переступить. Каждый раз, когда она называла его по имени, возникало ощущение, что происходящее с ней нереально, кем-то нарочно подстроено. Ей очень хотелось понять, раскроется ли когда-нибудь перед ней его истинная сущность?

– Но ведь это тебе, Проныра, хотелось покататься на коньках.

– Ну и что? Ты меня в этом обвиняешь?

Он пристегнул ремень безопасности.

---

⁶ Путин (routine) – традиционное квебекское блюдо: горячая жареная картошка с расплавленным сыром.

Очарованный самонадеянностью ее молодости, Норрис не смог сдержать улыбки. Это качество его влекло к ней сильнее всего, и он постоянно пытался сообразить, как его лучше использовать и при каких обстоятельствах это достоинство девушки могло бы оказаться наиболее ценным. Он включил машину, двигатель зарокотал на холоде негромко, но уверенно.

– А что было первым, что ты во мне заметил? – спросила девушка.

– Молодец, Джулия! Отлично. Прекрасно исполнено. Никогда не торопись с вопросом. Повремени немного, чтобы человек, который знает ответ, захотел с тобой говорить. Умерь свое любопытство. Сделай вид, что задаешь вопрос как бы между прочим, просто так, чтобы поддержать разговор, и больше ничего. Ты это сделала просто замечательно.

– Иди ты, Селвин, знаешь куда?

– Ты права. Но это мы это обсудим как-нибудь в другой раз. А сейчас, – сказал он, – тарелка горячего супа. Поехали.

«Инфинити» плавно выехала со стоянки и пристроилась в хвост недлинной цепочки машин, проезжавших по шоссе, проложенному через вершину горы. Проходя между взорванными для его прокладки скалами, дорога изгибалась и петляла, и вскоре справа перед ними открылась восхитительная панорама восточной части города. Селвин Норрис повернул на смотровую площадку, заставленную машинами, в которых сидели влюбленные. Перед ними раскинулась грандиозная ледяная равнина города, искрившаяся яркими огнями и дымившая трубами.

– Представь себе мир, в котором мы живем, – сказал он так, будто предлагал ей все, что открывалось с горы ее взору.

– Хорошо, – откликнулась она, – попытаюсь.

– Советский Союз развалился на части. В его бывших республиках проблем выше головы, многие сами могут распасться быстрее, чем успевают печатать новые карты.

– Да, Селвин, там, наверное, невообразимый кавардак, – согласилась Джулия, передернув плечами, хотя уже начала согреваться. – Как ты сам считаешь?

– Сверхдержава превратилась в бандитское государство. Потерявшие совесть бюрократы воруют доллары десятками миллионов. Банкиры стали миллиардерами, но около пятидесяти из них только в прошлом году погибли ужасной смертью. Это просто в голове не укладывается! Чтобы преступники могли успешно действовать, нужны мощные организации, в планы которых входит установление все более тесных, постоянно расширяющихся связей с Западом. Корни и шупальца преступности растут одновременно, опутывая весь земной шар.

Глядя на город с обрыва, Джулия слушала его скептически.

– Селвин, не сгущай краски, – возразила она. – Преступность существовала всегда.

Его самоуверенность и апломб слегка ее раздражали, он держал себя так, будто у него уже были готовы ответы на все вопросы, даже на те, которые она еще не сформулировала.

– Там, – сказал он, кивнув в сторону городских огней, – не на жизнь, а на смерть воюют «Ангелы ада» с «Рок-машиной». Они пользуются цепными пилами как оружием. Рвутся бомбы, гибнут люди... А теперь вот что себе представь, Проныра. Эти байкеры дерутся бок о бок с бандами иностранцев, действующими под началом бывших сотрудников КГБ, которых выгнали с работы. Меня от такой мысли просто в дрожь бросает. Незаконные компании процветают, но теперь возникла возможность получать товары со всего мира. И речь здесь идет не только о наркотиках, хотя они продолжают их очень интересовать. Я говорю об обычных товарах – электронике, джинсах, презервативах, машинах, модных шмотках, о бензине. Открывается новый рынок, более емкий, чем в США. Россия все это хочет получить, ей все это нужно, причем по самым низким ценам. Поэтому преступность будет представлять собой в XXI веке самую быстроразвивающуюся отрасль – ты только представь себе, какие там крутятся деньги! И именно поэтому борьба с ней станет самой востребованной и опасной профессией.

– Ты ведь всю дорогу к этому и клонишь, правда, Селвин? Тебе хочется спасти нас от сил зла? Облачиться в костюм Супермена, летать и бороться со злом?

– На самом деле, – тихо ответил он, – я надеялся, что это сможет заинтересовать тебя.

– Меня?

– Тебя, Проныра.

– И не мечтай об этом, Селвин. У меня нет абсолютно никакого желания иметь дело с жирными, потными байкерами!

– Сейчас они выглядят потными и жирными только на картинках. Их главари очень за собой следят, пахнут самыми дорогими духами и носят шмотки самых престижных фирм. А дела свои они обсуждают в закрытых элитных клубах.

– Мне все равно до этого нет никакого дела.

Они вместе смотрели на уходящую к горизонту панораму города, в котором банды жестоко боролись за первенство. Вулканический остров вознесся ввысь посреди реки, когда раскаленные недра земли исторгли его из себя в грохоте и пламени, и остудить его смог лишь холод нескольких ледниковых эпох. Контуры острова были очерчены лавой и льдом. Холодный город и теперь лежал под покровом снега. Но спокойствие зимней спячки время от времени нарушали взрывы бомб, заложенных в кварталах, где жили ничего не подозревающие люди.

Селвин Норрис откинулся на спинку, включил передачу и медленно стал выезжать со стоянки.

– Поступай как знаешь, – сказал он девушке. – Это твой мир, Джулия. Он широко открыт перед тобой и твоим поколением. Жить в нем вам, вам за него и ответ держать.

Он чем-то пугал ее. При общении с Селвином Норрисом у девушки складывалось впечатление, что он знал гораздо больше, чем говорил, что он верно понимал суть происходящего и умел предвидеть будущее. Только она для себя пока еще не определила, то ли это объяснялось его проницательностью, то ли ее ущербностью. Она не знала, как о нем думать, как к нему относиться. Вместе с тем Джулию не покидало ощущение, что ее все сильнее затягивает куда-то, хотя она была полна решимости твердо стоять на своем.

Инспекторы копались в содержимом мешка Санта-Клауса, лежавшем на деревянном столе в почти пустой комнате. Мешок был набит пустыми коробками из-под обуви, обернутыми в красивую рождественскую бумагу – ноша бывшего Санта-Клауса плечо ему явно не оттягивала. Сержант-детектив Эмиль Санк-Марс не без оснований полагал, что ничего интересного они здесь не найдут. Мешок был просто частью маскарада, этой уловки, на которой их сумели так легко провести. Он оперся о стену около окна, глядя на улицу с высоты третьего этажа, а потом просто уставившись в пространство. Снегопад прекратился, покрыв город в рождественскую ночь чистым белым ковром, искрящемся в свете уличных фонарей.

Из комнаты, с кухни и с лестничной площадки до него доносились привычные звуки, сопровождающие расследование, – приглушенные голоса, негромкие просьбы и невнятные ответы. Деревянные полы и пустые стены эхом отражали эти звуки в пустоте убогого жилья. Санк-Марса вдруг охватила смертная тоска от того, что он снова находится на месте преступления. Особенно остро он это чувствовал теперь, когда не за горами маячила пенсия, казавшаяся ему чем-то вроде тихой гавани в океане варварской жестокости, которую видели эти стены.

Странно, что в комнате было только два предмета обстановки – стол, на котором лежали остатки былой щедрости Санта-Клауса, и гардероб, в котором его подвесили как говяжью тушу. Они определили, что торчавший из тела крюк для подвески туш попал туда в результате резкого и необычайно сильного удара. Его вогнали в спину так, что он проткнул сердце. Он так и торчал из трупа молодого человека, а его круглая рукоятка крепилась к палке для вешалок в верхней части гардероба. Стекавшая со спины юноши кровь собралась на нижней полке шкафа в небольшую лужицу.

Детектив Билл Мэтерз вернулся с мороза с двумя стаканчиками кофе. Он сразу подошел к Санк-Марсу и протянул один ему.

Санк-Марс, казалось, его не замечал, но кофе взял и машинальным жестом снял со стаканчика пластиковую крышечку. Потом, остановившимся взглядом уставившись в пустоту комнаты, отпил глоток.

– Где же... – он крепко выругался, что случилось с ним нечасто, – судебный врач?

– Сейчас канун Рождества... Надо было дозвониться ему домой, но, думаю, вряд ли он сможет нам много рассказать.

– Ты что – эксперт?

– С этим делом, Эмиль, все ясно. Мужчину убили мясным крюком.

– Когда?

– Когда?

– Я что, неясно выразился? – начал злиться Санк-Марс.

– Нам известно, когда его убили, Эмиль. Мы видели, как Санта-Клаус вошел в здание.

Мы вошли сюда спустя полторы-две минуты. В это время его и замочили.

– Ты так полагаешь?

– Я знаю это, – заявил Мэтерз.

Ясно было, что Санк-Марс его достал. Ему казалось, что тот обращается с ним как с ребенком. Его все время подводило мальчишечье лицо, и подобное повторялось со многими полицейскими города уже много раз. Он всем своим видом провоцировал и коллег, и подследственных не только его подкалывать, но и недооценивать.

– Тем лучше для тебя. А я вот в этом совсем не уверен. Мне всегда казалось, что в маразм впадают в старости.

– О чем вы, Эмиль? Я вас что-то не понимаю. Разве мертвецы ходят?

– А трупы разве за пару минут коченеют? – вопросом ответил на его вопрос Санк-Марс.

– Послушайте, после того, как мы сюда пришли, открыли эту дверь и увидели весь этот ужас, мне не до разгадки ваших загадок. – Билл Мэтерз обиженно повернулся к начальнику спиной.

– Отвечай, разве может труп остыть за две минуты?

– Я только что пришел с улицы. Потрогайте мои руки – они все еще холодные.

– Это вовсе не одно и то же.

В это время подъехали судебно-медицинские эксперты – молодой врач-практикант с умным видом подвел к телу умершего своего старшего коллегу. Впервые с тех пор, как они открыли шкаф, Эмиль Санк-Марс вышел из состояния прострации и подошел к экспертам, чтобы проследить за их работой. Он встал сбоку от гардероба, стараясь избавить себя от кошмарного зрелища.

– Когда наступила смерть? – спросил он.

Помимо взъерошенных волос, худое угловатое лицо патологоанатома мало чем напоминало лицо ученого мужа. Он кивнул в знак того, что принял к сведению вопрос полицейского, но еще в течение десяти минут продолжал производить свои манипуляции, не произнеся при этом ни слова. Врач обследовал тело Санта-Клауса под костюмом в поисках других повреждений, когда его молодой коллега отступил назад, сделав свое дело.

– Можно, я еще раз посмотрю, как он выглядит?

Патологоанатом отклеил фальшивую бороду и откинул волосы Санта-Клауса. Потом снял перчатки и скомандовал:

– Пакуйте его в мешок. Если сегодня ночью ему предстоит возвращаться на Северный полюс, это путешествие он сможет проделать только в катафалке.

Детектив поднял руку, и в комнату с лестничной площадки вошли два полицейских в форме с мешком на молнии и каталкой. Они с трудом вынули тело из гардероба и положили его на пол, но не знали, что делать с торчащим из него крюком.

– Вытащите его из тела, если вам не трудно, – сказал патологоанатом. – Вы мне этим сделаете большое одолжение.

Полицейские в недоумении переглянулись, надеясь, что врач пошутил. Увидев их замешательство, эксперт добавил:

– Или пакуйте его как есть.

Полицейские последовали его второму указанию.

– Вы можете снять с него эту записку? – попросил Санк-Марс. – Она на нем выглядит кощунственно.

На обрывке картона, оторванном от одной из коробок на кухне, по-английски было нацарапано: «*Веселого Рождества, М5*».

Молодой практикант раскрыл пластиковый мешок, а старый врач бросил в него свои резиновые перчатки. Потом он взглянул на Санк-Марса.

– Что-то личное, ведь так?

– Не вписывается в картину.

– Может быть, Эмиль, но надпись останется на нем.

Спорить с экспертом детектив не стал.

– Вы быстро сюда добрались.

– Ну, я бы не сказал, – высказал свою точку зрения Мэтерз.

– Марк, когда его убили? – повторил свой вопрос Санк-Марс.

– Сколько времени вы уже расследуете убийства, Эмиль? Кто у вас проверяющий офицер?

– Лапьер. Он остался в участке. Сказал, что простыл. Его напарник где-то в здании. Как его зовут, Билл?

– Аллен Дегир.

– Вот именно. Опрашивает жильцов. Так когда он был убит, доктор?

– Часа три назад, три с половиной или четыре, – ответил патологоанатом.

– Эй, – встрепенулся Мэтерз, – такого не может быть. Это значит, что он умер часа за два-три до того, как мы сюда пришли.

– У вас что, с этим проблемы? – поинтересовался врач.

– Возможно. Вы говорите мне, что этот человек умер за два или три часа до того, как я видел, что он идет по улице и заходит в этот дом.

– Да, тогда это что-то из ряда вон выходящее, – изумился док тор.

– Вот и я об этом говорю.

– Спасибо, Марк. – Сержант-детектив Санк-Марс взял врача под руку и пошел с ним к двери. – Сегодня вы имели право не приезжать. Мы высоко ценим исключение, которое вы для нас сделали. Мне нужно от вас еще одно одолжение – не могли бы вы для меня сделать полную копию отчета?

Когда эксперт поравнялся с Мэтерзом, молодой детектив ему сказал:

– Я хотел бы дать вам одну подсказку. Смерть наступила от удара мясным крюком. О естественных причинах здесь говорить не приходится.

Доктор отстранился от Санк-Марса и, принимая вызов, с нескрываемым любопытством взглянул на молодого человека.

– Я, простите, ваше имя запомнил.

– Мэтерз, сэр.

– А меня зовут доктор Винет. У меня, детектив Мэтерз, тоже есть такая привычка давать моим ученикам по одной подсказке в день. Вам же я хочу сказать следующее...

– Я не вхожу в число ваших учеников, сэр.

– Лучше бы вы в него входили. А теперь, Мэтерз, послушайте, что я вам скажу. Это совсем не то, что вы от меня ожидаете или хотите услышать. Этот человек был убит не крюком для подвески туш – он умер от того, что три или четыре часа назад ему свернули шею. Перелом позвоночника предшествовал удару этим крюком.

– Но я видел его...

– Ты видел Санта-Клауса, – спокойно перебил его Санк-Марс до того, как его напарник выставил бы себя перед экспертом полным идиотом. – Не этого, а другого.

– Эмиль, – сказал Винет, – я сделаю вам копию моего отчета Лапьеру, но есть кое-что, о чем вы, может быть, захотите ему сообщить прямо теперь.

– Что именно?

– Гениталии мальчика были сильно изуродованы. К ним подсоединяли провода высокого напряжения. Перед тем как его убили, он получил ужасные ожоги.

– *Черт!*

– Но есть и хорошая новость. Перед тем как свернуть ему шею, его задушили. У него все горло в кровоподтеках. Под ногтями мальчика частицы ткани и кровь – скорее всего, его убийцы. Он смог его расцарапать.

Молнию на мешке для тела закрыли, труп аккуратно положили на каталку, чтобы избежать лишних повреждений от крюка. Полицейские без спешки хорошо его привязали, чтобы тело не соскользнуло при спуске по крутым ступеням.

Пристыженный Мэтерз последовал за Санк-Марсом обратно к окну.

– Здесь никак концы с концами не сходятся, – прошептал он. – Это должен был быть тот же самый Санта-Клаус. А если нет, где теперь другой? Почему нам сообщили о сделке с Сантой, если никакой сделки не было? Это ваш контакт, Эмиль. Вам бы надо было быть в курсе дела.

– Нам об этом сообщили, потому что кое-кому захотелось сделать мне подарок на Рождество. Вот в чем дело, – сказал он, кивнув в том направлении, где стояла каталка. – А теперь ты хочешь связаться с моим информатором? Высказать ему свои претензии? – раздраженно спросил Санк-Марс.

– Об этом речь не идет. Успокойтесь, Эмиль.

– Хочешь встретиться с посыльным, который ответит тебя к моему информатору? Сведений у него хватает. Высшего качества! Причем даже более интересных, чем те, что мне должны были передать. Ты хотел бы с ним встретиться? Ну иди, представься ему! – Санк-Марс повернулся лицом к комнате.

– О чем вы говорите? – спросил Билл Мэтерз.

– Подойди к нему, расстегни его мешок и скажи: «Как дела, парень? Я такого, как ты, чуть не всю жизнь искал. Ты такие чудеса сделал, чтоб детектива Санк-Марса продвигали по службе, может быть, ты и для меня что-нибудь сделаешь?» Ну, давай, вот он лежит! Он бы тебе мог очень помочь с карьерой или, по крайней мере, вывести тебя на тех, от кого она зависит. Иди, Билл, просто расстегни мешок и поприветствуй его.

Билл Мэтерз с раскрытым ртом глазел на мешок.

– Так это он? Он был вашим стукачом?

– Он никогда не был стукачом, Билл. Надо уважительно относиться к покойникам, особенно в их присутствии. Чтоб я никогда больше от тебя не слышал таких слов о нем. Он был посредником. Проводником. Связным. Все знают, что у меня есть один секретный источник. Конечно, не этот паренек. Но он был звеном в цепочке, он был с ним связан.

– Санта-Клаус?

Глаза Мэтерза были теперь открыты так же широко, как его рот. В качестве нового напарника Санк-Марса он надеялся завоевать его доверие и со временем познакомиться с его осведомителями. Среди полицейских слагались легенды о том, что для потрясающих успехов в рас-

крытии самых сложных дел он должен был иметь совершенно невероятные контакты. Мэтерз и предположить не мог, что знакомство с одним из таких людей должно было состояться уже в первые часы его работы с Санк-Марсом. Не мог он подумать и о том, что этот человек будет мертв и эта смерть сильно осложнит его отношения с шефом.

– Во плоти, – подтвердил Санк-Марс, – если можно так выразиться. На Рождество люди дарят друг другу подарки. А мне его преподнесли в образе самого Санта-Клауса. Почему, ты думаешь, мне так повезло? – Санк-Марс резко взмахнул рукой и крикнул полицейскому, которого заметил на лестничной клетке: – Детектив!

Полицейский, по виду ровесник Мэтерза, вошел в комнату, настороженно озираясь по сторонам.

– Твоя фамилия Дегир, ведь так? – спросил Санк-Марс.

– Да, сэр. Привет, Билл, – бросил он Мэтерзу, который кивнул ему в ответ.

– Есть новости от жильцов?

Детектив заглянул в блокнот, как будто его подводила память.

– Не много, – сказал он после паузы.

У него были широко посаженные глаза, густые вьющиеся коротко стриженные черные волосы, вокруг ушей он их брил. По глубокой горизонтальной морщине над бровями можно было предположить, что он постоянно напряженно над чем-то думает.

– Здесь сдаются меблированные комнаты, которые снимают в основном студенты. Половина из них на праздники разъехалась по домам. Некоторые днем таскались по магазинам, а вечером ушли в гости. Дома весь день торчал только один малый – не то надрался, не то обкурился. Сказал, что видел фургон для перевозки мебели. Его загружали каким-то барахлом с этого этажа, может быть, из этой квартиры. Скорее всего из этой. Еще один парень ходил к мессе – можете себе представить? Никто ничего не слышал. Как сказал один парнишка, у всех так орет музыка, что ничего другого не слышно. Это я его процитировал. То есть то, что он сказал. – Обращаясь к Санк-Марсу он заметно нервничал.

– Что было написано на фургоне?

– Он, когда начал мне говорить, остановиться уже не мог. Дал мне семь вариантов. Я к ним еще несколько других добавил, а он сказал, что и они могли бы быть написаны на фургоне.

– Замечательно. А кто здесь жил?

– Наша жертва. Его опознали все, кому я показывал фотографию. Ни о каких Санта-Клаусах никто ничего не слышал. Его звали Акоп Артинян.

– Акоп? Это имя такое?

– Да, сэр.

– Это армянское имя, – вставил Мэтерз.

– Хорошо. Дегир, утром свяжись с владельцем здания. Он, может быть, планирует удвоить на этой неделе свой доход. Мне нужно, чтобы эта квартира была опечатана до Нового года.

– У меня завтра выходной, сэр, – ответил Дегир.

Он засунул блокнот в карман и не мигая смотрел в лицо Санк-Марсу в надежде, что тот отменит приказ.

– Что у тебя завтра?

– Выходной, – повторил Дегир, агрессивно задрав подбородок, как бы протестуя против вопиющей несправедливости. – Сейчас Рождество.

– И тебе будет трудно сделать такую мелочь?

Волнение его проявлялось совершенно отчетливо, но было ли оно вызвано авторитетом Санк-Марса или просто опасениями за свою репутацию, определить было трудно. Может быть, Дегир расстроился от того, что ему испортили Рождество, как он недвусмысленно дал понять, и теперь бесился, потому что старший по званию офицер снова нарушает его планы.

– Да, сэр. Я об этом позабочусь.

– Ты отличный полицейский, – сказал ему Санк-Марс без особого энтузиазма.

Дегир выскочил из квартиры. Эмиль Санк-Марс посмотрел ему вслед, потом проводил взглядом мертвеца, которого наконец начали сносить вниз. Только после этого он в сопровождении Билла Мэтерза вышел из квартиры.

Когда комната опустела, из туалета донесся шум спускаемой воды. Вслед за этим из ванной комнаты, отчаянно чихая и сморкаясь, вышел еще один следователь – сержант-детектив Андре Лапьер. Он огляделся по сторонам. Заглянув в пустой шкаф, он крикнул полицейскому в форме, чтобы тот вернулся и объяснил ему, что случилось с телом.

– Где труп? – завопил он. – Кто забрал мой труп?

Глава вторая. Час ночи, Рождество

Детектив Эмиль Санк-Марс ехал домой в собственной машине – синем пикапе «форд-торес», установив на автомате скорость на пятнадцать пунктов выше разрешенной, как всегда делал это зимой. Он вел машину к западу от горы, от ярких рождественских огней центра Монреалья по равнинным районам престижных окраин, заселенных в основном англоязычными монреальцами, которых манили радости сельской жизни. Друзья беззлобно подшучивали над ним из-за его ежедневных дальних поездок на работу и домой. Но Санк-Марсу эти путешествия были по душе, они восстанавливали его силы, и каждый раз, переезжая длинный мост, проложенный на границе острова, детектив неизменно расслаблялся. Он спешил домой, где мирно спала его американка-жена, в этот край коней, страну лесов, полей и белых изгородей, где неспешно текла жизнь людей, селившихся в больших домах, окруженных широко раскинувшимися вокруг дворами, садами и фермами, где в ясную морозную ночь, как выдалась тогда, все небо было усыпано яркими звездами. Наступал о утро Рождества, Санта-Клаусу сейчас положено было летать в своей колеснице по небу, низко опускаясь над крышами, и через трубы домов навещать во сне ребятишек. «Хорошо», – думал Санк-Марс. Он имел в виду, что время от времени мир должен возвращаться к своим мифам и сказкам; хорошо, думал он, что работу тех, кто должен защищать Санта-Клаусов от страшных крюков для подвески мясных туш, можно ненадолго отложить, забыть на время о жестокой реальности. Проезжая привычной дорогой с острова за город через мост, под яркими звездами Санк-Марс размышлял о том, о чем многие думают на последнем повороте к пенсии, вспоминал события, которые мягко и незаметно подвели его жизнь к этому повороту.

Когда он начинал, никому бы в голову не пришло – и прежде всего самому Эмилю Санк-Марсу, – что со временем он станет первым полицейским в этом городе. Он гордился тем, что вникал во все подробности, не оставлял без внимания ни единой детали, был по природе своей человеком дотошным и здравомыслящим. «Все у тебя вроде как у людей» – так он отозвался о карьере Билла Мэтерза. В первые годы службы Санк-Марса в полиции и о его работе можно было сказать то же самое. О нем говорили, что работает он не жалея сил, основательно, доводит дело до конца, что человек он осторожный и целостный, его непросто выбить из колеи или вывести из себя, что он в меру занудлив и не без странностей, к тому же ведет себя как истинный католик. Его продвигали по службе потому, что на него можно было положиться, дело свое он делал как следует – без лишней спешки, всему у него было свое время. Так и шла его служба, пока внезапно все не изменилось.

В первые годы работы в полиции Эмиль Санк-Марс все больше расследовал мелкие преступления. Вооруженные грабежи, убийства, изнасилования, сделки с наркотиками, о которых кричали все газетные передовицы, хищения в сверхкрупных масштабах, совершаемые крупными чиновниками, – все эти громкие дела не входили в число тех, которые поначалу позволили бы ему проявить свой талант. С другой стороны, на угонщиков машин, воров, выхватывающих или срезающих на улице у женщин сумочки, взломщиков и домушников, работавших в округе, карманников, уличных бандитов, грабивших на гоп-стоп – он называл их паразитами, – у Санк-Марса было особое чутье, достойное его выдающегося носа. Работа Санк-Марса спорилась за счет его естественного стремления доводить любое дело до конца. Он свято верил в то, что смысленный и проворный преступник не стремится просто затеряться в людской толпе, чтоб его никогда не нашли, наоборот, считал детектив, у нарушителя закона возникает желание чем-то выделиться, в чем-то даже блеснуть, он как бы гордится отточенностью совершаемых преступлений, и любому полицейскому остается только внимательно наблюдать, когда жулик проявит себя в очередной раз. Санк-Марс нередко раскрывал не только те преступления, которые расследовал. Он никогда не давал спуска нарушителям, никогда не забывал

обстоятельств и особенностей каждого совершенного преступления. Глубокое знание жизни преступного мира неизбежно приводило его и к нахождению улик, и к выявлению подозреваемых. Поэтому, по существу, проблема скорее сводилась к правильному определению подозреваемого в совершении данного преступления, чем в подгонке преступления под личность подозреваемого. Бывало, другие расследовали ограбление банка, и следствие заходило в тупик; а Эмиль Санк-Марс, внимательно изучая привычки какого-нибудь подозрительного типа, на которого случайно наткнулся, в результате раскрывал именно то ограбление банка, которое не удавалось раскрыть его коллегам. Он часто повторял, что занимается не столько раскрытием преступлений, сколько пытается понять, кто из преступников мог их совершить.

Эмиль Санк-Марс не стеснялся открыто говорить о том, что главной причиной роста преступности является плохая работа полиции.

– Жулики, – сказал он как-то, пропустив пару рюмок на вечеринке полицейских, – чем-то похожи на лошадей. Они красиво смотрятся, когда берут препятствия на скачках, но, по сути, всегда остаются туповатыми животными.

Это его высказывание вызвало одобрение и смех сослуживцев. А чуть позже, слегка перебрав виски, Санк-Марс закончил свою мысль и сказал:

– Но самый кайф туповатое жулье ловит тогда, когда его вяжут еще более тупые полицейские.

Этот его афоризм не вызвал у соратников по оружию даже улыбки.

Тем не менее карьера Эмиля Санк-Марса была достаточно предсказуемой: хоть к нему относились с уважением и со временем он мог рассчитывать на соответствующие почести, основными причинами его продвижения по службе были неукоснительное соблюдение должностных обязанностей и выслуга лет. Его никто специально не продвигал, и сам он не совершал героических подвигов, которые могли бы ему обеспечить быстрый карьерный рост. Санк-Марс не внес большого вклада в совместные операции полицейских подразделений по выявлению и пресечению связей монреальской мафии с нью-йоркской и торонтской, не содействовал разрушению ее союза с «Ангелами ада». Его добычей были подлецы и негодяи, уличные хулиганы и бандиты, крутые парни, которым хотелось по-быстрому срубить большие деньги. Одних еще можно было наставить на путь истинный, других могла исправить уже только могила. Сложилось мнение, что он слишком церемонится с жульем и бандитами, что манера его расследований местечковая, захолустная и на крутого полицейского в большом городе он никак не тянет. В сущности, такое мнение отражало действительное положение дел – Санк-Марс был таким, каким сам себя создал, – уличным полицейским с дипломом по животноводству. Его целью, основной его существования в профессии была борьба с уличной преступностью.

Но со временем такое положение изменилось – все в жизни меняется со временем. Это случилось, когда ему стукнуло пятьдесят два. В таком возрасте большинство мужчин начинают трезво оценивать пределы своих карьерных перспектив и возможностей, которые жизнь оставляет им вместе со скукой, амбициями и тоской по несбывшимся надеждам. Но мир Эмиля Санк-Марса на этом жизненном повороте неожиданно завертелся быстрее, колеса тарантаса, несущего его в привычной колее, стали скользить и разъезжаться, меняя привычный ритм бытия и вытекающие из него обстоятельства. Его экипаж подбросило раз, потом другой, а в третий он вообще оторвался от земли, продолжая нестись вперед.

Судя по его внешности – выразительному взгляду, сильному характеру и трудноопределимой расовой принадлежности, – он был мужчиной хоть куда. Выпуклый лоб, на удивление большой орлиный нос с заметной горбинкой и мясистым кончиком свидетельствовали как о его франко-норманнских корнях, так и о крови ирокезов, разбавившей кровь его предков несколько поколений назад. Что касается французской линии, его слегка смущало присутствие в ней гугенотов. Временами ему казалось, что эта протестантская составляющая, доставшаяся ему в наследство от бабушки, посягала на его римско-католическую душу, подтачивая изнутри

ее целостность. Теперь ему было пятьдесят шесть – именно столько, сколько детективу можно было дать на глаз. Ни больше ни меньше. Величественная осанка придавала его облику строгую, прямую манеру держаться. Его скорее можно было принять за судью или епископа, чем за полицейского, а если говорить о его увлечениях, скорее можно было бы предположить, что они вращаются вокруг политики, а не торговли лошадьми. Но мера его авторитета определялась упорством, непокорностью силе, предпочтению своего суждения принятой норме, ориентации на собственный путь, а не на общепринятые представления. По тому, как он поджимал губы, как из стороны в сторону покачивал головой, будто творил ритуальное заклинание, как выгибал выразительные, кустистые брови, можно было безошибочно определить, что у Эмиля Санк-Марса был колючий, мятежный нрав. Неслучайно поэтому с ним опасались связываться не только те, кто был с ним лично знаком, но и люди, знавшие его только понаслышке.

Как-то раз в такую же зимнюю ночь ему позвонили. После телефонного разговора он согласился поехать в известный ему мотель на улице Сен-Жак в западной части города. Этот квартал, граничащий с трущобами окраин, населяла в основном англоговорящая публика. Ему не сообщили о том, что он там найдет в 23-м номере, но взяли с него слово, что он поедет туда один. Санк-Марс не вызвал подмогу, хотя знал, что по ночам в этот мотель съезжаются главари одной ирландской банды, контролирующей окрестный район. Там они на полицейских частотах прослушивали переговоры блюстителей закона и иногда раздавали задания мелкому жулью и другому сброду. Он поехал туда, как ему было сказано, и постучал в 23-й номер. Из-за закрытой двери ответил женский голос. Санк-Марс представился, сказал, что он полицейский и приехал в ответ на поступившую жалобу. Дверь распахнулась, и стоявшая за ней женщина со слезами бросилась ему на грудь.

Ее избил муж и упрятал в этом мотеле, чтобы там прошли следы побоев. Санк-Марс выяснил, что она была женой английского дипломата, арестовывать которого было нельзя. Тем не менее его заинтриговал выбор мотеля; возможно, он объяснялся связями дипломата с местными крутыми парнями, которых здесь привыкли называть «вестендерами»⁷. Может быть, этому совпадению и не стоило придавать значения, но он привык уделять совпадениям самое пристальное внимание. Детектив увез оттуда женщину и устроил ее в другом мотеле на той же улице, предварительно ее сфотографировав и вызвав к ней фельдшера. Потом он вернулся в 23-й номер и остался там ждать прихода дипломата.

Сделать с ним он ничего не мог, поскольку на него распространялся дипломатический иммунитет, исключавший арест. И тем не менее он решил с ним встретиться. Тот не заставил себя долго ждать. Он оказался невысоким мужчиной, англичанином до мозга костей в идеально сшитом по всем правилам протокола костюме, самоуверенным и преисполненным чувства собственной значимости. Эмиль Санк-Марс вытерпел его нападки и высокомерный тон, а потом использовал поведение человека в своих интересах. Поскольку этому господину так хотелось видеть в нем неотесанного тупого придурка, он решил сыграть эту роль и отлично справился. Он сказал дипломату, что сфотографировал его жену и что ее снимки будут проданы во все лондонские бульварные издания, причем продавать их будет он сам, чтобы отложить немного денег на старость. Поняв, какую он допустил промашку, дипломат повысил ставки.

– Теперь, когда вы признали свою вину... – начал было Санк-Марс.

– Дело даже не будет передано в суд, – парировал дипломат, упрекнув детектива в невежестве. Его звали Мюррей. *Джонатан Джеймс Мюррей, эсквайр*, как было указано на визитной карточке с тисненым шрифтом.

– Разве кто-то говорит здесь о суде? – Санк-Марс выбил у дипломата почву из-под ног. – Это дело, Мюррей, никто и не собирается передавать в суд.

⁷ «Вестендеры» (West Enders) – район West End известен в Монреале как один из самых беспокойных.

– Не надо со мной говорить в таком дешевом фамильярном тоне, сэр. Можете называть меня мистер Мюррей.

– Мистер Мюррей, сэр, – сухо ответил ему Санк-Марс, – меня не интересуют ваши деньги, и ваше дело не будет передано в суд. Мне нужна информация. Это – единственная валюта, которую я принимаю.

Дипломат глуповато осклабился. Санк-Марс убрал снимок его жены с синяками под глазами, распухшим носом и кровоподтеками на губах. Он прокручивал в голове звонкие заголовки, каждый из которых стоил бы его собеседнику репутации.

– Как там у вас называется эта лондонская газетенка? *«Всемирные новости»*?

Маленький человечек разразился потоком брани и протестов. Он заявлял о своей дипломатической неприкосновенности, выкрикивал оскорбления, обвинял полицейского в похищении жены и божился, что найдет способ засадить его за решетку. Дипломат с пеной у рта грозил своими связями, которые помогут ему лишить Санк-Марса его полицейского значка, а тот ни с чем не спорил, а только твердил свое: либо он продаст снимки, либо дипломат расскажет ему о том, чего он пока не знает.

Оживленная дискуссия продолжалась всю ночь. На рассвете англичанин запросил пощады. От судебного разбирательства он был гарантирован, но ему надо было избежать скандала. Санк-Марс прозрачно намекнул, что ему нужно разворошить гнездо ребятишек, которые собирались внизу. Тогда основательно измотанный дипломат, признавший свое полное поражение, сделал неожиданное заявление. После него за несколько дней Эмиль Санк-Марс без посторонней помощи раскрыл преступную организацию, занимавшуюся переправкой белых женщин лондонским любителям «клубнички». Тем самым он спас от продажи в европейские бордели десять квебекских девушек, недавно приехавших в город из провинции. Популярная монреальская газетенка *«Алло, полиция!»* превратила его в местного героя дня.

Он особенно не задумывался о наводке, благодаря которой удалось раскрутить весь процесс. Эту утечку могли организовать любая горничная, ребенок, шофер, благожелатель, сотрудник британской торговой миссии, информацию мог передать кто угодно. Однако недели через две Санк-Марс снова услышал по телефону тот же голос и получил новую информацию, которая позволила ему задержать шайку молодых воров, специализировавшихся на краже мехов из раздевалок ресторанов и картинных галерей. Еще через три недели ему помогли выявить банду угонщиков, переправлявших в западную Канаду автомобили среднего класса. Эмиль Санк-Марс постоянно проводил впечатляющие аресты, которые вели к громким судебным процессам. Его имя не сходило с газетных страниц и программ телевизионных новостей. Каждый раз, когда он говорил о том, что основным методом проведения расследований для него было терпеливое ожидание у телефона, ему никто не верил, и при этом все считали его исключительно скромным человеком. После нескольких таких случаев он стал хранить такое объяснение про себя. Местные газеты сделали его героем многих легенд. В *«Алло, полиция!»* его уже почти боготворили.

Ему пришлось все это пережить и даже смириться с завистью коллег. После первых успехов наводки стали поступать с большими интервалами, но по несколько раз в год Санк-Марс продолжал проводить сногшибательные аресты. Ему потребовалась всего неделя, чтобы выследить, задержать и провести расследование преступлений шайки похитителей драгоценностей, которым долго удавалось избегать всех ловушек, подстроенных им специально выделенной для их задержания полицейской группой. Он разоблачил компанию, продававшую автомобильные магнитолы и ежедневно передававшую ворами списки своих клиентов. При этом были пойманы члены банды, занимавшейся грабежом банкоматов, – они разбивали стены, за которыми находились банковские машины, и увозили их на грузовиках. Он нашел склад, которым пользовались почтовые воры для хранения награбленного, и засадил их всех за решетку. Объем, точность и частота получаемой им информации озадачивала его друзей и сбивала с

толку врагов. Да и самого Санк-Марса все больше интересовал вопрос о ее происхождении. С ним всегда говорил один и тот же голос, но ни один информатор в мире не мог собрать столько разных сведений самостоятельно. Однако самым странным для него во всей этой истории было то, что его ни разу не просили оплатить эту информацию ни деньгами, ни услугами.

По мере того как его профессиональная деятельность поднималась на новую высоту, он переосмысливал и личные проблемы. Его совместная жизнь с новой женой оказалась сложнее, чем представлялась им во время долгих ухаживаний с нечастыми встречами, когда она еще жила в Штатах. Санк-Марс уступил ее желанию переехать за город и разводить там лошадей. Их роман начался и развивался в связи с этими животными, и переезд, как они надеялись, смог бы раздуть искру, которая когда-то зажгла их любовь. Санк-Марс полагал, что это поможет ей заниматься делом, пока сам он будет пропадать на работе. В этом плане их переезд оказался удачным. Загородная жизнь не столько устранила, сколько выявила существовавшие между ними разногласия, но вместе с тем ослабила их напряженность.

Санк-Марс продолжал путь по сельской дороге сквозь зимнюю ночь. Внезапно он остановился, выключил двигатель и вышел из машины. В такую погоду это было не самым мудрым решением: если бы в этот лютой мороз машина не завелась, он мог оказаться в весьма затруднительном положении, потому что в такое время помощи ждать было неоткуда. Но он пошел на риск, потому что ему позарез было нужно додумать до конца не выходящую из головы мысль, и он решил это сделать здесь.

Эта мысль вгоняла его в транс, тяготила и расстраивала до невозможности. Детектив никак не мог понять, продал он свою душу дьяволу или нет. Он получал поступающую информацию и к собственной выгоде пользовался ее неиссякающим потоком по своему усмотрению. Но разве он соглашался платить за нее какую-то цену? Этот парнишка, которого они нашли в шкафу, ему, должно быть, и двадцати еще не было, – этот похожий на студента Санта-Клаус был частью той сети, которая поставляла ему информацию. Мальчик был одним из тех редких людей в этой цепочке, которых он уже мельком видел раньше. А теперь он был мертв, ему свернули шею за предательство, тело его было изуродовано и использовано как прозрачное предупреждение самому Санк-Марсу. Кем он был, этот паренек? Он его не знал, но в своих интересах использовал его информацию, тот риск, на который шел этот парень. Зачем он это делал? Кто его на это толкал? У Санк-Марса не было на этот счет даже догадок. Он знал только то, что юноша жертвовал жизнью, а он пожинал плоды его самопожертвования. Стоя на ледяном ветру, Санк-Марс пытался себя убедить, что не он повинен в том, что случилось.

Думать надо было быстро. Ночь была слишком холодной, чтобы быстро найти решение и не ошибиться. Санк-Марс решил, что, по сути дела, винить надо было не его. Но если не он был ответственен за совершенное преступление, то кто же? Очевидно, что не мертвый Санта-Клаус и не те, с кем он был связан. Он ведь наверняка работал не один – об этом ясно свидетельствовал широкий диапазон получаемых детективом сведений. Кто-то этих людей организовывал и направлял. Кто-то специально готовил их и давал задания. Об этом Санк-Марс догадывался уже давно, но особого значения этому не придавал, сосредоточившись на впечатляющих результатах. Именно в этом и состояла его вина.

Эмиль Санк-Марс вернулся назад и сел в машину. Глубоко вздохнув, включил зажигание. Двигок зарокотал, и он неспешно поехал дальше по сельской дороге.

– Да, теперь мне все ясно, – внятно произнес Санк-Марс. У него была привычка в машине рассуждать вслух. – Ну ладно, кто-то мальчика убил. Но вина за это лежит на том, кто его вовлек, кто ввел его к этим подонкам. Именно он определил его судьбу, и за смерть парня спрос будет с него.

Произнесенные вслух слова поразили самого Эмиля Санк-Марса. Он даже удивился собственному выводу, который оказался чреват такими тяжелыми последствиями, такой дьявольской изощренностью, что он не удержался и сказал:

– Теперь я костями лягу, но его достану.

Официальное расследование будет направлено на поиск непосредственных убийц-исполнителей и, скорее всего, завершится еще одним глухарем. Каким-то шестым чувством Санк-Марс вдруг осознал, что ему в одиночку предстоит охотиться на того – а может быть, на ту или на тех, – кто полагает, что держит его под контролем. Его целью станет тот, кто завербовал убитого паренька и овладел его душой, как, возможно, вербовал и брал себе души других парней и девушек, и охота на виновного станет для него делом чести.

Санк-Марс вынужден был признаться себе, что понятия не имеет, с чего начинать и в каком направлении двигаться. Он даже не мог для себя определить состав преступления. Единственное, что ему было предельно ясно, – он не хочет иметь на совести еще одного убитого мальчика. Теперь его задача состояла в том, чтобы найти и раздавить те силы, которые обеспечили его работе громкий успех. Если для достижения этой цели он повредит себе и собственной карьере, так тому и быть. В ясном морозном воздухе рождественской ночи принятое решение успокоило его, упорядочило царивший в голове сумбур и позволило ему наконец спокойно вернуться домой.

Глава третья. Рождество

Рождественским утром Эмиль Санк-Марс и его жена Сандра Лоундес проснулись до рассвета, чтобы заняться лошадьми. Они сноровисто поработали в холодной, мгlistой конюшне, накормили и напоили коней, а когда с делами было покончено и они вышли на воздух, лучи восходящего солнца всеми цветами радуги искрились на непорочной белизне снега, покрывавшего все вокруг. Они сняли рабочую одежду и перед тем, как распаковать рождественские подарки, позавтракали запеченными в блинах сосисками. Сандра получила от мужа замечательное седло, которое еще в августе заприметила на сельской ярмарке, но решила тогда, что за него слишком дорого просят. Однако ее муж, сказав, что заметил кого-то, с кем ему обязательно нужно было перекинуться парой слов, вернулся и втайне от нее купил это седло. После бурного взрыва радости жены Эмиль Санк-Марс распаковал свои подарки – белье, носки, рубашки и пару дорогих высоких охотничьих ботинок, а потом получил еще один дар: последний перевод книги Стивена Хоукинга о Вселенной. Оба радовались подаркам как дети. Завершив утренний туалет, Санк-Марс выступил с неожиданным предложением. Никогда раньше он и мысли не допускал о том, чтобы посвящать жену в детали проводимых расследований, но вдруг ни с того ни с сего спросил ее, не хочет ли она поехать с ним в город. Он обещал ей, что Рождество они проведут вместе, и теперь не хотел ее огорчать. Сандра согласилась. В чем-то его неожиданное предложение было ей приятно. По дороге Санк-Марс невзначай обмолвился, что они едут на место совершенного накануне преступления.

– Знаешь, Эмиль, – вздохнув, сказала она, – ты уж ешь этот пирог один.

С таким английским выражением он еще знаком не был.

– Какой пирог?

Сандра улыбнулась при мысли о том, что его приглашение было сделано в знак любви.

– А какое преступление? – она звонко рассмеялась.

– Что здесь смешного?

– Санта-Клауса убили? И именно в Рождество ты меня везешь туда, где был убит Санта-Клаус? И тебе, Эмиль, веселого Рождества. Мы что там будем делать? Еще раз подарками обменяемся? Нет, я догадалась! Мы друг у друга заберем уже подаренные подарки. В качестве соответствующего символического жеста.

– Извини, я знаю, это у нас не самое веселое Рождество. Но мне надо там побывать одному, когда мне никто не будет мешать.

– Так что, ты меня туда и непустишь?

Ее с самого начала их отношений отчасти влекла к нему его работа. Сандре очень хотелось увидеть мужа в настоящем деле.

– Ну что ты, – ответил Санк-Марс, – к тебе это не относится. Я имел в виду, что мне нужно там побыть одному, без снующих вокруг полицейских, без свидетелей, без следователя. Я туго соображаю на месте преступления, когда там суетится народ и все до предела на взводе. А когда обстановка спокойная, мне совсем по-другому думается – котелок лучше варит.

Сандра откинула голову назад, игриво распушив волосы.

– А может быть, тебя так туда тянет потому, что ты работаешь не в убийном отделе и делать тебе там в принципе нечего? – Он бросил на нее насмешливый взгляд, и она снова улыбнулась, но теперь без тени ехидства. – Обещаю тебе, Эмиль, что буду немой как рыба и послушной женой.

Когда они въехали в город и съехали со скоростной магистрали, Сандра спросила, не хочется ли ему выпить чашечку кофе.

– Отличная мысль, – сказал детектив.

– Хорошо. Тогда я смогу зайти в туалет.

Он немного смутился.

– А почему ты об этом прямо не можешь сказать?

– Потому что теперь мы остановимся не по моей инициативе, а по твоей. Я тебя никак не задержу, и на расследовании убийства Санта-Клауса мое присутствие не скажется.

Она улыбнулась, коснувшись маленьким пальчиком губ. Когда Эмиль кивнул, улыбнувшись ей в ответ, она показала ему язык.

Санк-Марс остановился в центре города на улице Пил. Обычно она бывает забита машинами, но в праздник их было гораздо меньше, и он без труда припарковался. Они зашли в «Макдоналдс», но в этот праздничный день там было как-то мрачно, уныло, и за столиками сидели какие-то подозрительного вида бродяги. Поэтому, как только им дали кофе, Сандра подтолкнула мужа к выходу, они перешли улицу и оказались в сквере. Дул холодный порывистый ветер, народа поблизости не было. Они неторопливо прогуливались по проложенным в снегу тропинкам, дрожа от холода и потягивая кофе, Санк-Марс рассказывал жене о значении этого исторического места в городе, о котором ей еще предстояло многое узнать.

На площади Доминион, раскинувшейся на половинах двух кварталов, рассеянных широким проспектом в самом центре деловой части города, можно отдохнуть и расслабиться. Она как оазис, где приятно спокойно посидеть на лавочке и бросить взгляд вверх – в небесный простор, почти скрытый от взгляда на прилегающих нешироких улочках, застроенных домами и небоскребами, где постоянно царит деловитая суэта. Тут стоит Военный мемориал и старая батарея пушек, нацеленная на пешеходов. Продуманно посаженные деревья в летний зной дарят тень, но в разгар суровой зимы их голые ветви лишь усиливают всепронизывающее ощущение холода, мрака и невзгод. О богатой истории города свидетельствуют памятники поэту Роберту Бернсу, королеве Виктории, канадским ветеранам войны в Южной Африке, французским и английским политическим деятелям. На противоположных сторонах проспекта фасадами друг к другу высятся внушительные строения страховой компании «Сан Лайф» и собора Святой Марии – Царицы мира.

В помещение «Сан Лайф» можно попасть, пройдя по широкой лестнице, поднимающейся между массивными дорическими колоннами, которые в меньшем масштабе повторяются через двадцать этажей. Бетонное здание уходит ввысь сужающимися блоками, вид у него солидный, как будто ему не страшны ни землетрясения, ни ураганы. Собор Святой Марии – Царицы мира тоже выстроен из бетона. Карниз крыши этого приземистого прямоугольного здания со стороны фасада украшают статуи апостолов, а за их спинами возносится вверх крытый медью купол. Римско-католическая церковь, которая некогда была главной силой в Квебеке, раздавала прихожанам участки земли. Француз, решивший стать фермером, просил у церкви надел, обещая взамен быть верным католиком. А если участок земли хотел получить англичанин, священник по-братски клал руку ему на плечо и предлагал сначала обратить взор в сторону Онтарио, а если там его ничего не привлечет, то перебраться через границу в Соединенные Штаты.

Так продолжалось до тех пор, пока в дело не вмешалась история. Голод, охвативший Озерный край в Англии, привел к массовому переселению людей в Монреаль. Под давлением со стороны понаехавших оголодавших англичан церковь стала отводить им участки земли, которые ей самой были не нужны или те, где еще не было церковных приходов. У церкви не было прав наделять земельной собственностью людей иной веры, в число которых входили протестанты-англичане, поэтому передача англичанам земельных наделов была большой проблемой. Епископы подрядили для выполнения этой работы страховую компанию «Сан Лайф». Теперь английские фермеры должны были коленапреклоненно просить «Сан Лайф» выделить им землю точно так же, как поступали французы во время воскресной мессы.

– Для ранних поселенцев-англичан, – рассказывал Сандре Санк-Марс, – «Сан Лайф» стала практически тем же, чем католическая церковь была для французов. Французы распла-

чивались пожизненной преданностью вере в искупление, англичане – выкупными страховыми платежами, которые платили всю жизнь. В этом заключается одна из причин того, что в культурном отношении французы и англичане остались разъединенными, хотя по сути своей наша история на этой земле представляет собой две стороны одной медали.

И церковь, и «Сан Лайф» со временем утратили былые позиции. Новой религией провинции стала политика, а ее святыми и епископами – политические деятели. Церкви приходили в запустение, власть священников совсем ослабла. Обновленная политическая мощь французов оказалась чересчур сильной для наследников основателей «Сан Лайф», поэтому они сочли за благо сбежать отсюда за триста пятьдесят миль в Торонто.

– И это оставило вас не у дел, – высказала Сандра мужу свое мнение.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты – человек религиозный, но церковь твоя становится пустой скорлупкой. Ты любишь свой город, но теперь он совсем не такой процветающий, каким был раньше. В политическом плане Монреаль расплзается по швам. Тебе что, это нравится?

Санк-Марс допил последний глоток кофе и скомкал в руке стаканчик.

– Как и все остальные, я выжидаю, наблюдаю и переживаю, – с горечью ответил он. – Слежу за тем, как развивается положение дел, – перемены всегда непросты. Политическая неопределенность отпугивает бизнес: одни теряют работу, другие утрачивают возможности. Поэтому и моя служба становится сложнее. – Было холодно, Санк-Марс повернулся, чтобы ветер дул ему в спину, и вдохнул воздух полной грудью. – Вся беда в том, что для некоторых перемены становятся религией. Неужели кому-то позарез было нужно запретить английские слова на дорожных знаках? Бог с ними, с магазинными вывесками, это еще полбеды, но туристы на дорогах могут погибнуть, потому что не понимают, что написано на знаках. Хорошо бы тех, кто это придумал, заставить сообщать о таких смертях семьям погибших!

Санк-Марс вздохнул и постучал одним ботинком о другой, чтобы хоть чуть-чуть согреться.

– Но здесь есть кое-что, что меня волнует гораздо сильнее.

Он бросил взгляд на бездомную женщину, грузившую на тележку с другой стороны сквера мешок с немудреными пожитками, будто усталый Санта-Клаус свой мешок с игрушками. Куда она направлялась с таким решительным видом? Хотела где-нибудь укрыться от холода или получить тарелку бесплатной рождественской еды? Глядя на нее, Санк-Марс вспомнил об убитом Санта-Клаусе и о том, что он обязательно должен поймать его убийцу.

– Больше всего меня пугают и беспокоят в нынешней политической обстановке те швы, о которых ты говорила, те слабые места, где эти швы могут разойтись. Когда политические и экономические структуры города начинают расплзаться по швам, щели тут же заполняет преступность. Жулье и бандиты всех мастей торят свой путь в грязи, со временем становясь вместе с ней частью нового фундамента. Вот та особенность политической нестабильности, которую все предпочитают замалчивать. Мы сейчас не в состоянии сдержать байкерские банды. Представь себе, что могло бы случиться, если бы у нас оказалось недостаточно ресурсов или все были бы заняты проблемами сепаратизма, и вдруг тысячи людей начали бы отсюда уезжать, а другие ввязались бы в дележ Квебека между англичанами и французами. Если отсюда уедет еще больше деловых людей, а оставшиеся начнут голодать, если станет падать валюта, если начнутся бунты, это будет страшно уже само по себе, но никто – ты понимаешь, никто! – не задумывается над тем, как в этой ситуации будет действовать организованная преступность. Скорее всего, об этом думают только байкеры.

Они остановились, пропуская проходившее мимо такси, потом перешли улицу и сели в машину.

– Ты что, Эмиль, всерьез считаешь, что байкеры говорят о политике?

Санк-Марс задумчиво посмотрел на жену. Когда они впервые встретились, им нравилось говорить об американской политике. Другим предметом их обсуждений было положение в Квебеке, но эта тема раздражала Санк-Марса, и разговоры быстро прекращались. Однако теперь, когда Сандра жила здесь, обсуждение местных проблем, как и в большинстве семей, стало частью их повседневного общения.

– Да, я знаю об этом, – ответил ей Санк-Марс.

Он произнес это с каким-то особым спокойствием. Сандра кивнула. Она поняла: как и тогда, когда он рассказывал ей о здании «Сан Лайф» и соборе Святой Марии – Царицы мира, смысл его слов крылся совсем не в их очевидных архитектурных особенностях.

Джулия Мардик на Рождество поехала домой.

Правда, она сказала Селвину Норрису, что едет не *домой*, а на ферму, куда ее родственники приезжают отдохнуть. Они всегда собирались там на праздники – и мама ее, и отец, и папина новая жена, и мамин последний приятель, – поэтому ей не очень светило в очередной раз погружаться в знакомую трясику семейных дрызг.

На первом автобусе она доехала до Оттавы, второй доставил ее до места назначения. Всего путешествие заняло два с половиной часа. Она сошла на остановке посреди пустынного шоссе, окруженного голыми полями. Холодный ветер пощипывал ей щеки и забирался под пальто, вызывая мелкую дрожь во всем теле. Она ждала отца и с каждой секундой все сильнее на него злилась. Если он вообще когда-нибудь, наконец, приедет, она так ему задаст, что мало не покажется. Именно в этот момент Джулия вдалеке заметила его машину, спускавшуюся с холма по проселочной дороге. Когда он выезжал на шоссе, она помахала ему рукой. Автобус привез ее чуть раньше, чем должен был по расписанию, поэтому отец не очень-то и припозднился. Хотя это никакого значения не имеет. Она ему скажет, что, если он не планирует купить ей очень дорогое и очень теплое пальто, лучше бы ему больше никогда в жизни не опаздывать за ней в зимнюю стужу. Он должен был бы подъехать к остановке хотя бы за четверть часа до прихода автобуса. *Если* только *papa ee* и в самом деле любит, мог бы и подождать немножечко. Но когда его машина поравнялась с ней и она увидела его широкую улыбку, Джулия просто обрадовалась, что видит его снова. Она так долго не была дома, а с отцом не виделась еще дольше.

Сев в машину, она чмокнула его в обе щеки и захлопнула дверцу.

– Хорошо, что я студентка, – недовольно сказала девушка.

Отец проглотил наживку:

– Это почему?

Его звали Рон Мардик, ему принадлежали несколько ресторанчиков в Оттаве. Он был приятным мужчиной сорока пяти лет, довольно упитанным, не обремененным особенными заботами. Он начал импозантно сидеть, когда ему не было еще и тридцати. По меркам дочери, Рон Мардик всегда был простачком.

– Я материально завишу от родителей. Если б не это... – она резанула воздух рукой, – я бы тебе нож всадила в сердце.

– Я не опоздал.

– Но и заранее ты не приехал.

– Тебе трудно угодить, – посетовал он.

– Я промерзла до костей! Еще минута, и я бы отдала Богу душу.

– Я выехал за тобой как только смог.

Джулия усмехнулась.

– Так я тебе и поверила!

Отцу нравилось, когда дочка так его поддевала, он тоже улыбнулся в ответ.

– Правильно, – сказал он, – ты вовсе не обязана мне верить.

Они ехали по открытой холмистой местности мимо заснеженных полей, вдали темнели небольшие рощицы и маленькие поселки. Кое-где здесь еще сохранились каменные дома ранних поселенцев, постепенно превратившиеся в так называемые семейные фермы, хотя нередко на некоторых участках плуги уже десятилетиями не бороздили здешних земель, а обитателей местных ферм можно было называть фермерами только с очень большой натяжкой.

В детстве и отрочестве Джулия почти всегда приезжала на семейную ферму из Торонто на зимние и летние каникулы. Эту землю со всеми строениями еще до рождения Джулии – в начале семидесятых – купили ее родители и еще восемь человек. Все члены группы скинулись и получили ферму буквально за гроши. Всем им хотелось создать коммуны и жить на земле.

– Вот что я вам скажу, – заявила как-то родителям Джулия. – Все вы хотите жить на земле, только боюсь, больше недели вы здесь не задержитесь.

У нее тогда были веские причины для цинизма. Модные в то время коммуны хиппи свидетельствовали не столько о стремлении к изменению образа жизни, сколько об их финансовой состоятельности. Солидные летние коттеджи сменили гончарные и ткацкие мастерские, прежние амбары снесли бульдозеры, а на их месте выросли крепкие зимние дома. Поля заросли сорняками. Вместо ульев, которые по первоначальной задумке должны были стоять на поросших цветами лугах, строились гаражи на три машины. Там, где раньше были конюшни, теперь располагался бассейн.

Курятники, свиарники, коровники, крольчатники и загоны для овец со временем разваливались от ветхости, так и не дождавшись постояльцев. Огороды, которые поначалу пытались обрабатывать, позже покрыли асфальтом и превратили в парковку для машин, а в самом фермерском доме, где жили во время таких вылазок Джулия и члены ее семьи, после трех перестроек появилось десять спален и четыре ванные комнаты, но помещений все равно не хватало для растущих семей быстро плодившихся владельцев.

Вместо четырех пар, которые когда-то в складчину купили ферму, теперь уже было девять, причем в основном их число росло за счет разводов.

– Вы только посмотрите, какая киска к нам приبلудилась, – съязвила Маргарет Мардик, когда Джулия вошла в дом через кухонную дверь. – Очень мило с твоей стороны заглянуть к нам на огонек.

Джулия лучезарно улыбнулась мачехе. К счастью, она умела платить жене отца ее же монетой.

– Мама уже приехала? – спросила она, сразу поставив Маргарет на место.

Миссис Мардик усмехнулась в ответ.

– Еще одна дамочка, которая считает, что Рождество – просто лишняя досадная вечеринка, нарушающая распорядок ее деловой жизни. Нет, Джулия, твоя мать еще не приехала. Может быть, она теперь на дипломатическом рождественском рауте, а может, маникюр себе делает. А может быть, нового мужика по дороге встретила и отправилась с ним пообедать в придорожный мотель. Кто знает, может быть, ей вообще приехать будет недосуг?

– Она занятая женщина, – напомнила Джулия, – и дела у нее, как я слышала, идут отлично.

Мачеха резко осеклась. По мнению Джулии, она была тощая как щепка и ее волосы мышиного цвета никакая прическа не могла привести в порядок. Но нокаута не получилось.

– Заключение рабский договор с государством, моя дорогая, еще не значит работать. К этому можно относиться и как к долгосрочному оплаченному отпуску.

– А у тебя как дела? – вместо обороны Джулия продолжала наступать. – Работу уже нашла? Или все еще ищешь?

Мачеха ослепительно улыбнулась, и Джулия подумала, что ее атака захлебывается, однако оказалось, что улыбкой прикрывался блеф:

– Милая моя, мне вполне хватает работы над собой. Настроение у меня отличное, характер прекрасный, я полна оптимизма. Кто-нибудь ухватится за меня обеими руками.

– Надеюсь, и с оргазмами у тебя все в порядке, – негромко произнесла Джулия и быстро пошла через большую гостиную, чтобы не дать Маргарет возможности ответить. По дороге она стянула с плеч рюкзачок.

– Я слышала, девочка, что ты сказала! – донесся ей вдогонку пронзительный вопль. – Таких выражений в этом доме мы терпеть не намерены. Если ты слиняла в университет, это не дает тебе права быть такой вульгарной.

– Оргазм – вполне нормальное слово. Его можно найти в любом словаре.

– Слова такого рода можно найти и в других местах, не только в словарях. И я отлично знаю, что это за места!

– Ладно, отвяжись! – Джулия поднималась по лестнице. – Сегодня Рождество, а в Рождество мне не хочется тебя убивать. Кто-то прошлой ночью уже прикончил этого несчастного беднягу Санта-Клауса. Ты об этом слышала? Хватит с нас насилия.

Маргарет Мардик стояла у лестницы и смотрела вверх, пока Джулия не вошла в комнату.

– Я же говорила, что так и случится, – сказала она, ни к кому не обращаясь.

Несколько минут Джулия лежала на кровати – ей хотелось расслабиться и побыть в покое в своей комнате. *«Этот дурдом – еще цветочки. Вот когда все соберутся, тогда здесь просто светопреставление начнется»*, – подумала она. Девушка специально затягивала приезд до последнего момента и долго задерживаться тут не собиралась. Она чувствовала себя измотанной и беспредельно одинокой, опустошенной и совсем не такой замечательной, какой себя здесь представляла. Как это ни забавно, она скучала по Селвину Норрису, ей не хватало его внимания, недоставало потребности постоянно отражать напор его интеллекта. *«Этот визит станет самым ужасным»*. Ей надо было как-то совладать со злостью и раздражением, суметь удержать себя в руках до маминого приезда. А потом, если повезет, все само собой как-нибудь рассосется.

Джулия очень надеялась, что мама скоро приедет. Надеялась она и на то, что мама приедет без иногда присущих ее настроению завихрений.

«Веселого Рождества, – пожелала она себе. – Добро пожаловать домой, котенок Джулия».

Войдя вслед за мужем в небольшую квартирку, где в гардеробе нашли подвешенного на крюке Санта-Клауса, Сандра слегка оробела. Санк-Марс двигался по комнате неспешно, сосредоточенно, внимательно вглядываясь в каждую мелочь. У нее мелькнула мысль о том, что он пытается услышать отзвуки криков жертвы или эхо слов убийцы. Может быть, у него был дар вычислять преступников, опираясь лишь на интуицию? Эмиль был старше ее на восемнадцать лет, и порой она ощущала эту разницу. Особенно этот разрыв проявлялся в конце дня, когда после стопки виски Эмиль начинал запинаться, и, бывало, после ужина засыпал прямо в кресле. Впервые их сблизил лошади. Они вели тогда переговоры об их покупке, и ее поразила неоспоримая убедительность его доводов. Он с невероятной скоростью в мельчайших деталях перечислял все достоинства и недостатки животных и, благодаря глубочайшим познаниям в этой области, умел перехватить инициативу в любой сделке. Тогда это ее буквально потрясло. И теперь в этой комнате, где произошло жуткое преступление, она снова наблюдала его выгнутую бровь, пристальный взгляд, который он, не меняя положения головы, переводил с одного интересовавшего его предмета на другой. Она видела, как время от времени он легонько постукивал себя за ухом, как бы показывая, что решение загадки витает в воздухе где-то совсем рядом.

Она смотрела, как он низко наклоняется у белой стены, как привстает на цыпочки, чтобы внимательно рассмотреть покрытую небольшим слоем пыли верхнюю панель холодильника.

При этом, казалось, Санк-Марс даже затаил дыхание. Он много времени провел в комнате, одновременно служившей гостиной и спальней, недолго пробыл на кухне и даже не заглянул в ванную. Казалось, его больше интересовало само помещение, чем гардероб, в котором повесили парнишку, или простой, темный, сбитый из сосновых досок стол, стоявший в центре помещения. Он даже взобрался на него, чтобы осмотреть верхнюю часть гардероба и свисавший с потолка светильник.

– Ну, вот и все, – в конце концов проговорил он. – Теперь мы можем идти.

– Эмиль, – все это время она стояла в задумчивости, облокотившись о стену у самого входа, – расскажи мне, что ты здесь рассматривал. – И тихонько добавила: – Пожалуйста.

Ее супруг был человеком сдержанным и немногословным. В пору бурных ухаживаний их расцветавшей любви ей никогда не бывало с ним скучно, но брак оказался для них двоих непростым союзом. С каждым днем в ней крепло ощущение, что он от нее отдаляется, что замкнутость его природы все больше их разделяет.

Эмиль Санк-Марс еще раз оглядел комнату. На какое-то время он погрузился в раздумья, как будто выражение мыслей вслух могло принизить их значение и замутить их ясность.

– Мебель отсюда была вывезена, – сказал он, – а на кухне оставили только холодильник и плиту. Здесь на полу кое-где видны более светлые места, следы, оставшиеся от стоявших вещей. Тут стояла кровать, там – комод. По тому, как расположен этот небольшой квадрат, можно сделать вывод, что на этом месте стояла тумбочка с телевизором, развернутым к дивану. Кабеля здесь не было. А здесь, видишь, ряд небольших пятен? Они от кирпичей, на которых стояли книжные полки. Кто-то отсюда все вывез, оставив только шкаф и стол, которые, видимо, были для чего-то нужны.

– Для убийства? – спросила Сандра.

– Они повесили его в шкафу, но убит он был не здесь. Крюк для туш в него могли вогнать и тут, но парень был уже мертв. Я думаю, что стол они здесь оставили, потому что он совсем простенький, без всяких изысков, и в нем не может быть никаких тайн.

Последнее заявление мужа так ее заинтриговало, что она скрестила руки на груди.

– О каких тайнах ты говоришь?

– Вот, взгляни-ка сюда. – Он подвел ее к стене и опустил на корточки. Опершись на его плечо, она наклонилась. – Стенная розетка. Она тебе ни о чем не говорит?

Сандра внимательно осмотрела розетку.

– Все правильно, обычная стенная розетка.

– Посмотри внимательнее, – сказал он ей мягко, но настойчиво.

Она тоже опустилась на корточки. Внимательно осматривая розетку, она улыбалась, согретая неожиданным вниманием мужа, увлеченная возможностью увидеть что-то такое, что она никак не могла разглядеть. Ее супруг часто подмечал в лошадах такие свойства и недостатки, которым сама она при первом осмотре не придавала значения. Ей нравилось его поддразнивать тем, что он уделяет деталям слишком пристальное внимание, в то время как ей больше импонировало общее представление, картина в целом. Он оборонялся, утверждая, что уделяет такое внимание деталям, потому что рассматривает их именно в свете общей картины. Она в этом и не сомневалась, просто ей нравилось над ним подшучивать. Но теперь Сандра, сколько ни всматривалась в розетку, ничего особенного в ней не замечала.

– Эмиль, это же обычная стенная розетка.

– Взгляни сюда, – он провел пальцем вдоль ободка розетки. – Стены в комнате красили не очень давно, я бы сказал, где-то год назад, краска еще кажется свежей. Розетку покрасили тогда же в тот же цвет. Теперь смотри внимательно. Краска по краям розетки и на головке винта поцарапана. Это значит, что розетку недавно развинчивали. – Он с некоторым усилием поднялся с корточек. – Нам известно, что вчера к дому подъезжал грузовик, перевозящий мебель, значит, мы вправе предположить, что мебель была вывезена именно на нем. Обрати внимание,

с какой тщательностью здесь потом все было убрано. Тут не только подмели, но потом еще все пропылесосили. Но здесь, вдоль этой планки, остались лежать частички краски, попавшие под плинтус. Они туда упали, когда развинчивали розетку. Если предположить наугад – а мне так и приходится, – я бы сказал, что розетки развинчивали и проверяли вчера, уже после того, как была вынесена мебель, но до того, как началась уборка.

– А кому могло прийти в голову заглядывать в эти розетки? – спросила Сандра.

– И здесь, видишь, выключатель? С ним то же самое.

На этот раз ей было ясно, что искать.

– Здесь тоже краска поцарапана.

– Почти незаметно. Тот, кто их развинчивал, а потом завинчивал, делал свое дело очень аккуратно. Преступник не хотел, чтобы мы это заметили.

Санк-Марс вынул из кармана ключи, висевшие на цепочке вместе с небольшим перочинным ножиком, и лезвием отвинтил крышку выключателя.

– Я тут ничего не найду. Здесь уже все осмотрели. Скорее всего, это сделал убийца. Но если и мы сюда заглянем, делу это не повредит.

Он снял крышечку и, как ожидал, увидел за ней небольшую полость. Сандра взяла мужа под руку.

– И что же ты думаешь, Эмиль, по этому поводу?

Санк-Марс чуть скривился, давая понять, что терпеть не может заниматься досужими домыслами.

– Кто-то прошелся по всей квартире мелким гребешком. Мебель, скорее всего, вывезли, чтобы в ней можно было основательно порыться, разодрав на части. Это самое разумное из всего, что пришло мне в голову. Обстановка студента, у которого книжные полки лежат на кирпичках, не стоит того, чтоб ее красть, тем более убивать из-за нее никто не станет. Думаю, розетки с выключателями кто-то развинчивал, чтобы убедиться в том, что там ничего не спрятано. Или чтобы забрать то, о чем ему было известно заранее, либо то, что он сам туда раньше прятал. Прослушивающее устройство, ключ, код... Да что угодно.

Заметив, что муж говорит медленно и необычно спокойно, она прижалась к нему плотнее. Он глубоко вздохнул.

– Все это свидетельствует о том, что преступник действовал чрезвычайно тщательно. Он необычайно дотошен и в высшей степени организован. Кто-то помог ему вынести мебель и убрать квартиру. Мы уже знаем, что он крайне жесток – это очевидно из того, как он разделал мальчика. То, что тело перевезли сюда и повесили на него эту надпись, свидетельствует о хладнокровии этого бандита. Мне это крайне неприятно, но я вынужден признать, что это преступление – дело рук большого профессионала. Мастера своего дела, – печально сказал жене Санк-Марс и добавил: – Как будто его специально этому учили.

Сандра сильнее сжала его руку, еще крепче к нему прижалась и опустила голову ему на плечо. Он чуть распрямил руку, мягко ее освободил и нежно привлек хрупкую фигурку жены к себе. Подведя ее к двери, он обернулся и еще раз окинул взглядом комнату.

– Странно, – сказал он, – что человек, так тщательно наводивший порядок на месте преступления, мог оставить следы ДНК под ногтями жертвы. – Эмиль Санк-Марс погасил свет.

В коридоре Сандра Лоундес чмокнула мужа в щеку.

– Веселого Рождества, Эмиль.

– Спасибо тебе за поддержку, – ответил он.

Она печально улыбнулась.

– Сдается мне, такая уж участь у жены полицейского.

Они были женаты несколько лет – не так уж долго. Но ей предстояло еще многому научиться.

По мнению Джулии, ее мать Грейс Олфилд обладала уникальным и поистине невероятным талантом разрушения. Она как никто умела портить настроение. Серьезный разговор с ней тут же сводился к непринужденным шуткам и добродушным насмешкам, покой сменялся на бурю эмоций. Ее мама была существом общительным и общественным – она совершенно не выносила одиночества и была уверена в том, что те, кому хватало собственного общества, либо тупицы, либо чокнутые. В разговор должны были быть вовлечены все, кто собрался в комнате, причем ни на раздумья, ни на паузы времени тратить было нельзя. Она обожала говорить, нравилось ей и послушать, при этом от всех присутствующих она ожидала того же. Иногда мать казалась Джулии ребенком, задающим массу вопросов и делающим кучу замечаний, от которых крыша могла поехать. Тщательно продуманным ответам она предпочитала остроумную импровизацию, и поскольку сама была остра на язык, за словом в карман не лезла. Она легко могла говорить на любую тему, больше всего ей нравилось судачить ни о чем, болтать ради самого процесса. Джулия обожала мать, но общение с ней доводило ее до нервного истощения. Еще когда она была девочкой, ей очень хотелось, чтобы мама повзрослела раньше нее, стала серьезной и давала бы себе и окружающим хоть немножко передохнуть.

– Тук-тук-тук, – сказала мама и заглянула в комнату дочери.

– Исчезни.

– Зайчик мой сладенький, я же несколько месяцев тебя не видела!

– Ну и хорошо. Я смогла это пережить. Как же мне хочется покоя!

Ужин был съеден, вина выпили в избытке, подарки раздали, коробки и оберточная бумага от них валялись по всей комнате. Застольная беседа не стихала, хотя любая интересная мысль тонула в море пустых банальных замечаний. Джулии трудно было переносить этот пустой треп, и она ушла к себе.

– Все это вздор, – сказала Грейс.

– Никакого вздора, – возразила Джулия. Мать уже вошла в ее комнату и закрывала за собой дверь. – Мамочка, мне нужно немножко побыть одной, хорошо?

– Даже не надейся. Я к тебе пришла поболтать.

Она была дамой внушительной, хоть и на голову ниже дочери. Грейс Олфилд всегда была склонна к полноте и время от времени уверяла дочь в том, что у них были разные типы фигуры.

– Я и девочкой была полненькая, – честно признавалась она. – В четыре года я была просто толстушкой, а теперь я – дама в расцвете лет с пышными формами. Тебе, моя дорогая, может, и надо следить за весом, но твоим бедрам с моими не сравниться!

Когда она села рядом с дочерью на кровать, матрас так прогнулся, что Джулия чуть не подпрыгнула.

– Ну ладно, оставайся, если пришла, только ненадолго.

– Я просто хотела наверстать упущенное.

– Прекрасно. Ну, что слышно?

Джулия убрала уже распакованные книги, разбросанные по кровати, положила в комод только что полученное в подарок белье. Потом села рядом с матерью на постель.

– А у тебя как дела, моя милая? Что там у тебя? Как жизнь молодая? – Мамины глаза взволнованно блестели. Джулии так не хватало видеть их каждый день!

– Ничего особенного. А что?

– Как что? – Грейс тряхнула головой и раскрыла от удивления рот. – Ничего особенного! Ты уехала в университет четыре месяца назад, в первый раз в жизни живешь самостоятельно, переехала в другой город, и теперь, бесстыжая, заявляешь мне, что у тебя никаких новостей!

Джулия откинулась на кровать и обняла подушку.

– Ой, мамочка!

– Ну, давай, рассказывай. О чем вы там сплетничаете? О чем тоскуете? Кто твои друзья? На каких ты была вечеринках? Все рассказывай, чтобы я почувствовала, что сама там была.

- Эй, мам, это моя территория, и я тебя туда не приглашала!
- Все как у меня. Моя манера. Ну, давай, колись.
- Мамуля!
- Давай, рассказывай, детка, или я тебя до смерти зашекочу! Все выкладывай, как на духу. У нас вся ночь впереди.
- *Вся ночь?* Я же устала как собака.
- Ну, давай. Вперед и с песней.
- Так и быть, – начала Джулия, приткнувшись к маме. Ей было очень приятно, что мама поглаживает ей голову. – Если по существу, приятеля я себе еще не завела.
- Не бери в голову, у тебя дома один есть.
- Я с ним расстанусь.
- Неужели? А Брайану ты об этом уже сказала?
- Да.
- Я вчера его видела. Он мне об этом ничего не говорил.
- Почта на Рождество запаздывает, – спокойно ответила Джулия.
- Лапушка, – сказала Грейс, теснее прижимаясь к дочке, – тебе бы лучше самой ему об этом сообщить. По крайней мере, по телефону.
- Не могу я, да и не хочу. Смелости не хватает. Я еще никого не отшивала. У меня в таких делах нет никакого опыта.
- Брайан хороший мальчик.
- Он придурок, мам.
- Я знаю, сладкая моя, но он очень милый придурок.

Какое-то время мать с дочерью смеялись и дурачились, и Джулия была счастлива от того, что ей было с кем подурачиться, к кому прижаться. Их беседа перескакивала с одного предмета на другой, они болтали о политике, моде, книгах, танцах, театре, мужчинах. Грейс Олфилд поднялась лишь тогда, когда стало ясно, что дочери ее больше ничего не хочется, кроме сна.

Когда она открыла дверь, чтобы уйти, Джулия потянулась как кошка.

- Джулия, ты ходила к гинекологу провериться?
  - Еще нет...
  - Милая...
  - Но я уже договорилась.
- Внизу раздался телефонный звонок.
- Хорошо, что ты договорилась, это уже прогресс.
  - Но совсем не потому, что я чем-то занималась.
  - Или чем-то занимайся, или в дурах оставайся, – попыталась отшутиться мать.
  - Ну что же ты за мать такая? В дурах оставайся – и это с моей-то задницей! Ты просто чудовищна!

- Спи спокойно, моя милая.
- Милая – постылая, занимайся – оставайся... Нельзя так со мной разговаривать – я же твоя дочь все-таки. Так нечестно. *Когда же ты, наконец, повзрослеешь!*

Снизу кто-то крикнул, что Джулию просят к телефону. Она вылезла из теплой постели и поплелась вниз в гостиную. Мать стояла и смотрела на нее, исчезнув только после того, как Джулия взглядом дала понять, чтобы она убиралась восвояси.

– Ну, что ж, вот я и стала историей, – призналась себе Грейс Олфилд, шмыгнув носом. – Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, мамочка. – Джулия взяла трубку. – Алло.
- Привет, – ответили ей.

Джулия молча прижимала трубку к уху, казалось они оба, не стовариваясь, не начинали разговор, пока в микрофоне не раздался щелчок, свидетельствующий о том, что человек,

ответивший на звонок с другого аппарата на первом этаже, повесил трубку. Странно, что она инстинктивно чувствовала, что надо делать, разговаривая с Селвином Норрисом.

– Привет, – ответила Джулия.

– Рад слышать твой голос, – сказал он.

– Даже так?

– Слушай, Джулия, мне надо с тобой поговорить.

– Ты уже это делаешь.

– Перезвони мне, пожалуйста. За мой счет.

– Когда?

– Когда все уснут. Там есть телефон, которым ты можешь пользоваться, чтобы другие не слушали?

– Конечно. Особенно если учесть, что другие будут крепко спать. Они, наверное, через пару часиков уйдут. Папаша мой со своей благоверной теперь по кальвадосу ударяют. Кто знает, когда они наконец наклюкаются до нужной кондиции?

– Это не важно, Проньра. Только ты обязательно позвони. Договорились?

– Хорошо.

– Ну, пока.

– Пока.

«Интересно, откуда у него вдруг такая срочность?» – подумала Джулия Мардик, возвращаясь к себе в комнату. Она легла, прижала подушку к груди и спросила себя, почему ничего не сказала о нем матери. Почти обо всем остальном она ей рассказала. Конечно, мама наверняка не одобрила бы такое знакомство, но разве это что-то меняет? Томительное возбуждение, напряженное *ожидание*, которые она испытывала с затаенным восторженным предвкушением, – она бы все равно не смогла ей передать, она сама не очень понимала, что с ней творилось. Джулия отнюдь не была уверена в том, что влюбилась, скорее это было нечто совсем другое. Но что тогда? Влечение? Несомненно. Этот человек оставался для нее тайной за семью печатями. Он ее доводил, озадачивал, сбивал с толку, он обольщал ее и очаровывал. Но почему? Что так привлекало ее в Селвине Норрисе, откуда это стремление узнать о нем как можно больше, оценить степень его влияния на нее? Почему она ходила на свидания с мужчиной, который, может быть, ей в отца годился? И можно ли эти встречи назвать *свиданиями*? Как она сама к ним относилась? Как бы он их назвал? Он ведь даже не пытался ее поцеловать. Что он скажет, когда она ему перезвонит? Откуда у него такая спешка, такая напряженность в голосе? Что же все-таки произошло? Эх, *черт бы его подрал!* Самые обычные дела у него выглядели захватывающими, таинственными, героическими и рискованными. *Да что же это за мужик такой неотвязчивый?*

Джулия надеялась, что сможет заснуть и проснуться, когда настанет время ему звонить. Она была измотана до крайности. Но, почистив зубы и забравшись под одеяло, девушка так и не смогла толком уснуть. Так она и лежала, бодрствуя, в ожидании часа, когда можно будет позвонить этому таинственному мужчине.

Джулия задремала, но скоро очнулась, не понимая, где она и что с ней. Какое-то время она пыталась осознать, где находится. Густая тьма сельской ночи пугала ее, она понятия не имела, который теперь час. Заспанная, она даже не стала искать выключатель настольной лампы, накинула на плечи коротенький халатик, нащупала в темноте дверную ручку и шелкнула выключателем только после того, как распахнула дверь.

В тусклом свете, выбивавшемся из-за ее двери, она прошла по второму этажу до ванной комнаты. Там в ярком свете лампы она привела себя в порядок, помыла руки, протерла водой глаза и выключила светильник. Когда она вышла из ванной, глаза уже привыкли к полумраку, и девушка проснулась окончательно. Опираясь на стенку, она спустилась вниз.

В гостиной Джулии пришлось перешагивать через валявшиеся на полу обертки с коробками от рождественских подарков и пустые винные бутылки. Пробравшись к дивану, она села, положив себе на колени телефон. После пятого гудка она уже решила было повесить трубку, но именно в этот момент услышала голос Селвина Норриса.

– Привет, – сказал он ей.

– Это я.

– Голос у тебя сонный.

– Да уж... Который час?

– *Четверть.*

Она и раньше обращала внимание на его типично американскую манеру определять время. Так он что, американец? Вполне возможно.

– Без четверти *чего?*

– Два.

– Я, должно быть, закемарила. А тебя я не разбудила?

– Нет.

– Врешь. К чему эта срочность? Что-то из ряда вон выходящее?

– Мне надо знать, Проныра. Я должен понять, на каком ты свете.

– О, боже! Ты... ты так меня злишь! Что значит, на каком я свете? Я здесь вообще-то в темноте сижу.

– Тише говори, – сказал он.

– Ты мне рот-то не затыкай! Ты себе в голове что-то напредставлял, о чем я понятия не имею, а теперь спрашиваешь меня, на каком я свете. Ты что, считаешь, что я твоя новая поклонница, на все готовая ради твоих чертовых прихотей?

– Тише.

– Сам тише! Два часа ночи, я устала как собака. Что ты от меня хочешь? В чем, собственно, дело?

Ей не нравились ее ноги, особенно пальцы на ногах. Она сжала большой палец на ноге и держалась за него, пока разговаривала. *«Пальцы у меня слишком длинные»*, – подумала Джулия.

– Положение изменилось, – сказал Селвин.

– Что изменилось?

– Обстоятельства.

– У меня, Селвин, все по-прежнему. Я провожу Рождество в том же самом сельском доме, с теми же шизанутыми старыми гримзами, погрязшими в тех же самых мелочных дрызгах. Мне бы очень *хотелось* изменить мои обстоятельства. Но мне с этим как-то не везет.

– Мне не нужно, чтобы ты дала мне ответ прямо теперь.

– Очень плохо, один ответ я могу тебе дать прямо теперь. – *«Сводь стоп у меня очень плоские»*, – мелькнула в голове мысль.

– Сначала подумай хорошенько, развитие событий ускорится. В одном нам повезло, с другим возникли проблемы. Нам нужно усилить вовлеченность в ход событий.

– Селвин...

– У меня есть сейчас для тебя местечко, Джулия. Вполне безопасное. Потрясающее. В самом центре событий. Ты представить себе не можешь, какие оно сулит приключения! Мир будет у твоих ног. Вот о чем я тебя спрашиваю... Посмотри хорошенько на твой сельский дом, пока ты там, приглядиись внимательно к своим старикам. Они вполне приличные люди, уверяю тебя, хоть ты и катишь на них бочку.

– Это же надо – бочку я на них качу!

– Посмотри на них внимательно, Джулия. Каждому мужчине, каждой женщине отпущена лишь одна жизнь. Как им хочется ее прожить? Не тошнит их от собственной жизни? От их жен и мужей? Может быть, они просто устали или выгорели изнутри? Разве не спорят они все

время об одном и том же, о чем уже спорили раньше тысячи раз? Неужели тебе все еще слышится страсть в их словах? Если хочешь, стань одной из них, Джулия! Или выбери себе жизнь по душе, которая тебе никогда не наскучит и никогда ты себя в ней не будешь чувствовать ненужной. Тебе никогда не будет казаться, что ты оторвана от мира. Тебя никогда не будет глотать тоска о том, что жизнь прошла мимо.

– Ты что, белены объелся?!

– Оглянись вокруг себя, Джулия. Вот все, о чем я тебя пока прошу. Пока ты там, подумай, какая тебя ждет жизнь. Подумай о том, что тебя ждет.

– Ты просто спятил! Куда тебя заносит? Какого черта я вообще с тобой разговариваю? – «У меня походка, как у хромой утки. Ступни у меня утиные, а коленные чашечки страусиные».

– Ты со мной говоришь потому, что я тебе предлагаю то, чего больше тебе никто никогда не предложит! Это, Джулия, твой шанс жить полной жизнью. Полной событиями. Нужной людям. Важной для других. Я тебе предлагаю шанс не увязнуть в трясине жизни, а жить на гребне волны. Может быть, ты сможешь от него отказаться, может быть – нет. Вот это мне и надо знать. Единственная разница между сегодня и вчера состоит в том, что теперь мне надо об этом знать скорее.

– Почему? Что изменилось? Что стряслось, Селвин? – «Ну объясни же мне хоть что-нибудь толком, что угодно».

– Я не могу тебе этого сказать, Джулия.

– Ты невыносим! Если ты не можешь мне ничего сказать, я не могу тебе ничем помочь.

– Пока ты снаружи пытаешься заглянуть внутрь, я не могу тебе ничего объяснить.

– Тогда хотя бы намекни.

– Намекнуть?

– Ты же умный человек. Я уверена, ты сможешь это сделать, не нарушив своей дурацкой секретности.

– Ладно, я тебе попробую намекнуть. Это имеет отношение к Санта-Клаусу.

Джулия вслушивалась в далекий приглушенный гул телефонной линии.

– Джулия...

– Ему кто-то всадил в спину крюк для подвески туш. Об этом говорили по радио.

Теперь она слышала в трубке глубокое дыхание Селвина Норриса. Она выдержала паузу.

– Я никак не предполагал, что об этом сообщат по радио, – в конце концов ответил он. – Как я тебе сказал, события стали развиваться быстрее. Я понимаю, Проньера, у тебя нет большой охоты ввязываться в эту авантюру. Но ты смысленная, сама все понимаешь, сама во всем разберешься, поэтому ты так для меня важна. А на поклонниц у меня времени нет, и роль гуру меня вовсе не прельщает. Мне нужны думающие люди, твердо стоящие на ногах и – главное – преданные делу. В детали я вдаваться не могу. Единственное, что ты должна знать, – из игры можно выйти в любой момент. Надо будет просто сделать большой шаг назад. Но для этого сначала нужно сделать малюсенький шаг вперед. Сделай этот шаг, а потом решай сама. Подумай об этом, Джулия. Хотя бы это ты можешь мне пообещать?

В этот момент ей очень захотелось, чтобы вместо телефонной трубки в ее руке была его шея и она могла бы его придушить.

– О чем я должна подумать, Селвин? О какой-то расплывчатой общей идее, про которую мне ничего неизвестно? Подумать, как мне стать храбрым охотником, который выслеживает злодеев и негодяев? Ты уж меня извини, но если ты просишь меня подумать, Селвин, ты хоть скажи, о чем мне надо думать.

– Санта-Клауса убили. Этот паренек был твоим ровесником. Задай себе вопрос: хотелось бы тебе, чтобы его убийцы остались безнаказанными?

– Алло! Алло! В общем так, Селвин Норрис, *хватит витать в облаках!* Это не имеет ко мне абсолютно никакого отношения!

– Твое отношение к этому самое непосредственное.

– С чего бы это? Объясни!

– Если ты будешь работать над этим вместе со мной, Проныра, убийцы паренька будут арестованы. Если нет, они останутся на свободе. Все проще простого. В данном случае справедливость зависит от тебя.

– Как же ты умеешь осложнять жизнь! Ты даже отдаленно себе этого не представляешь!

– Правда, Проныра, редко бывает удобной.

– Черт бы тебя побрал! Я не могу вдаваться в философские рассуждения, не зная, о чем рассуждать.

Селвин Норрис тихо усмехнулся.

– Что здесь смешного?

– Ты сама. Твоя бурная реакция.

– Очень рада, что смогла тебя развеселить.

– Подумай об этом, Джулия.

– Да-да, Селвин.

– Подумай на досуге.

– Спокойной ночи, Селвин.

– Спокойной ночи, Проныра. Если ты ищешь новогоднее решение...

– Спокойной ночи, Селвин.

Какое-то время Джулия сидела на диване в глухой тишине сельского дома. Она выключила торшер. Сонливость ее как рукой сняло, но делать ничего не хотелось, даже пальцем пошевелить не было желания. Соскользнув с дивана на пол, она так и сидела в крошечной темноте, прислушиваясь и размышляя. Больше всего злило то, что она не могла найти аргументы, опровергающие его доводы. Здравый смысл подсказывал ей, что от этого человека надо бежать сломя голову и как можно дальше. Но ее прельщало все, о чем он говорил. У нее не было нужды оглядываться по сторонам – уже много лет и без того было ясно, что и родители ее, и их новые спутники жизни, и другие люди постарше играли свои роли без энтузиазма, без вдохновения, без намека на преданность тем идеалам, которым когда-то они горели желанием служить. Ферма эта по замыслу должна была стать поселением альтернативного жизненного уклада, а вместо этого превратилась в гимн измены ему, в предательство былых ценностей и надежд. У Джулии снова возникло такое ощущение, будто ее куда-то затягивает, как в омут. Она отчетливо понимала, что Селвин Норрис умело играет именно на этих ее чувствах.

Но больше всего ее злило и пугало, что она позволяла ему это проделывать с собой. Ей самой этого хотелось! Ее сильнее тянуло к неведомому, чем к известному. Тайна брала верх над обыденностью. Риск побеждал благоразумие. *Черт бы его побрал!* Он знал, как ее обработать.

Глава четвертая. Вторник, 28 декабря

В рождественские каникулы мальчик по имени Даниель шел на ближайший каток поиграть в хоккей. Коньки он перекинул через плечо, в руках держал клюшку, которой гонял шайбу. Одиннадцатилетнему пареньку больше нравился футбол, но зимой ему оставалось только бить по шайбе на тротуаре. Иногда шайба попадала в сугроб, тогда он доставал ее оттуда клюшкой. Ему казалось, что клюшка только на это и годится. Хоккей был не его игрой, и на льду он не всегда себя чувствовал уверенно, но другие мальчишки знали, что он отлично играет в футбол, поэтому никогда над ним особенно не подтрунивали.

Улица в восточной части города, по которой шел Даниель, вела к центру. С обеих ее сторон стояли дешевые двухэтажные домики с шаткими лестницами, поднимавшимися сразу на второй этаж. Район был густо заселен, в основном здесь жили большими семьями. Было восемь утра, люди, собиравшиеся на работу, прогревали уткнувшиеся в сугробы машины. Одним из них был на удивление хорошо одетый коротышка, который совсем не походил на жителя этого квартала. Он, должно быть, заехал сюда на ночь провести подружку. Даниель не знал, да и дела ему никакого не было до того, что этот мужчина, пославший ударом ноги его шайбу обратно, был врачом, частным образом лечившим байкеров из «Ангелов ада». Когда шла война, у доктора было много работы. Даниель принял вызов, сделал финт ногами и забил гол, пустив шайбу мужчине между ног. Доктор улыбнулся, достал из кармана пальто ключи и сел в свою «той-оту-камри».

Шайба улетела в сугроб, и Даниель пошел ее откапывать, хотя не заметил точно, куда она попала, проскользнув между ног мужчины. Ему показалось, что он ее нашел, и мальчик ткнул клюшкой в сугроб, но это оказалась льдинка, отбить которую было непросто. Мальчик стал бить клюшкой по льду, чтобы достать какой-то черный предмет, лежавший под ним, потом засунул под льдину конец клюшки и надавил на нее изо всех сил. Льдина откололась, шайба подскочила в воздух и приземлилась на капот машины.

Доктору это не понравилось. Он открыл дверцу, встал одной ногой на мостовую и наполовину высунулся из машины. Он сделал мальчику замечание, чтобы тот не шалил. Даниель извинился, а потом взобрался на сугроб, спустился с другой его стороны и увидел, что шайба лежит на дороге. Мужчина сказал, что шайба могла поцарапать машину и что ему очень повезло, что этого не случилось. Даниель крепко ухватил клюшку и аккуратно повел шайбу мимо мужчины и его машины.

Доктор так и не вставил ключ в замок зажигания. Ему было не суждено снова хлопнуть дверцей автомобиля. «Тойота» взорвалась именно в тот момент, когда Даниель с ним поравнялся. Взрыв уничтожил их обоих.

В отчете «Росомах» отмечалось, что бомба была взорвана с помощью устройства дистанционного управления, что «Рок-машина» так решила расправиться с одним из сторонников «Ангелов ада», что убийца мог подождать, пока мальчик не отойдет на безопасное расстояние или пока машина не тронется в путь. Но ему не было до этого дела.

В тот же день в связи со сразу же развязанной шумной общественной кампанией протеста «Росомахам» был предоставлен бюджет, который они запрашивали. За всю историю Канады ни одной правоохранительной организации никогда не выделялось столь щедрых бюджетных ассигнований. Вместе с чеком они получили ультиматум – сломать хребет байкерским бандам.

Вот теперь наконец, говорили «Росомахи», преступники лишились своего ложного обманчивого блеска, и общественное мнение в конце концов повернулось против них. Люди, охваченные печалью и яростью, требуют справедливого возмездия, разве не так?

Неофициальный представитель «Ангелов ада» заявил, что члены его банды никогда бы на такое не решились, никто из них не поднял бы руку на невинного ребенка. А «Рок-машина», продолжал он, слишком тупа, чтобы ей верить, и слишком тупа, чтобы ей позволили жить.

Через несколько дней, к удивлению «Росомах», простые люди на улицах стали ждать возмездия, но не от них, а от «Ангелов ада».

Глава пятая. Среда, 29 декабря

Они ехали по небогатому кварталу, раскинувшемуся к юго-западу от центра города. Улицы, сузившиеся из-за сугробов, с обеих сторон были заставлены машинами, похожими на снежные домики. За машинами теснились ряды домов красного кирпича, разделенные на жилые секции двух- и трехэтажных квартир с упертыми прямо в тротуар шаткими лесенками с истертыми деревянными ступенями и изношенными чугунными перилами. Снег на некоторых лестницах был плотно утрамбован, кое-где его счистили лопатами. Разномастные балконы были завалены снегом, кое-где они покосились и подгнили от времени, окна были заклеены пленкой или заложены газетами, чтобы меньше дуло. С крыш стариковскими седыми патлами свисали разнокалиберные сосульки. Из сугробов сучковатыми часовыми вверх торчали голые деревья, кроны которых почти касались проводов, тянущихся от столба к столбу. Некоторые окна на фасадах домов украшали рождественские гирлянды выключенных разноцветных лампочек в форме квадратов, окружностей или звездочек, чтобы веселее было разгонять темень долгих зимних ночей. Люди, стоявшие на автобусных остановках или шагающие по занесенной снегом улице, выглядели продрогшими, сутулились и прятали шеи в воротники.

– Напомни-ка мне еще раз, как его зовут. – Санк-Марс сидел на переднем сиденье рядом с Биллом Мэтерзом, который на этот раз вел машину. Обычно за рулем он обдумывал текущие проблемы, но в тот день дорога была так тяжела, что времени на раздумья не оставляла.

– У вас проблема с именами, – заметил Мэтерз.

– С французскими именами у меня все в порядке.

– Акоп Артинян. Это просто запомнить. – Мэтерз повернул на еще не расчищенную от снега боковую улочку. – Это тот гараж?

– Должно быть, – без особой уверенности ответил Санк-Марс.

Над закрывающей въезд в автомобильную мастерскую широкой дверью, опускавшейся прямо на тротуар, висела вывеска, оповещающая прохожих о том, что это заведение называется гараж «Сампсон» и специализируется оно на кузовных работах с машинами иностранных марок.

– Сначала посмотрим или сразу пойдем?

– Паркуй машину. Посидим пару минут.

Эмиля Санк-Марса заинтриговал вид мастерской, которая на первый взгляд выглядела совершенно невинно. По всей видимости, предприятие было вполне легальным, хотя и не очень заботилось о рекламе. Не было никаких объявлений о скидках на рихтовку крыльев, перебортовку колес, установку неоновых подсветок для номеров. Он вспомнил о пареньке, убитом вчера. В управлении это событие всех опечалило и возмутило, но никакие эмоции не могли вернуть мальчика к жизни.

Мэтерз время от времени косился на начальника.

– Что у тебя на уме, Билл?

– Так, ничего. Не обращайтесь внимания.

– Ладно, давай колись. Выкладывай, о чем ты думаешь.

– Все пытаюсь понять, что мы здесь делаем...

Санк-Марс видел, что напарник нервничает. Ногти он не покусывал, но все время подносил их к губам.

– Ты хочешь сказать, что это дело нас не касается?

– Что-то в этом роде.

– А тебе самому это разве не интересно?

– Как вы сказали, это не наше дело.

Санк-Марс, казалось, не собирался особенно распространяться на эту тему.

Впечатление было такое, что в гараже все вымерли. Перед тем, как он снова заговорил, прошло не меньше минуты, и когда это случилось, голос у него был настолько серьезным, что Мэтерз внимательно ловил каждое слово начальника.

– Как-то вечером мне позвонили и сказали пойти в одну забегаловку в восточной части города. Мне нужно было прийти туда, сесть за стол, сделать заказ, потом посмотреть на парнишку, сидящего за столиком под часами. Я сделал все, что мне было сказано. Ему надо было сделать вид, что понадобилось сходить в сортир, а потом уйти из того кабака. По дороге он должен был задержаться, чтобы надеть шапку и перчатки. И остановиться для этого он должен был именно у столика, стоявшего справа от него, где сидели парни, на которых я давно уже точил зуб за уличные грабежи и разбои. Эти парни, Билл, натворили много зла. Они не только грабили своих жертв. Они били их пистолетами, угрожали ножами, причем всегда это были старики – и мужчины, и женщины. Мой информатор должен был уйти из забегаловки, а мне надо было оставаться там, где я сидел. Так я и сделал. Потом я арестовал всю эту мразь. А парнем, который сидел под часами, был Акоп Артинян, хотя тогда я понятия не имел о том, как его зовут. Ты помнишь, Билл, ту ночь, когда мы его нашли? Ту записку, которая болталась у него на груди? *«Веселого Рождества, М5»*. Это я – пятое марта⁸. Когда моим врагам – особенно французам – хочется специально подчеркнуть их ко мне презрение, они произносят мое имя на английский манер. Вот поэтому, Билл, у меня к этому делу особый интерес.

Мэтерз кивнул.

– Вы говорили об этом следователю из убойного отдела?

– Я ничего Лапьеру не говорил и тебе буду очень признателен, если будешь с ним держать язык за зубами. Мы, Билл, это дело добьем. Хоть это и не официально, мы с него не слезем. – Санк-Марс бросил на напарника пристальный взгляд, пытаясь понять его реакцию.

– Если управление вы берете на себя, я буду нем как рыба.

– С управлением я все улажу.

– А причем здесь Лапьер? Вы что-то против него имеете? Я его почти не знаю, но он может устроить нам веселую жизнь за то, что мы вмешиваемся в его расследование...

Работая с Санк-Марсом, молодому полицейскому не следовало бы лезть в эти проблемы. Внутренние сложности в отделе никак не были связаны с существовавшими там порядками. Билл Мэтерз всегда с уважением относился к установленным порядкам и правилам, хотя допускал, что в интересах дела их иногда можно обходить. Его мучила не столько сама по себе эта моральная дилемма, сколько собственное отношение к ней.

– Расслабься. Он исполняет свой долг. Сегодня похороны мальчика. Лапьер должен быть там.

Мэтерз усмехнулся краем губ.

– У вас все продумано.

– Пойдем.

Они вышли из машины и направились к гаражу «Сампсон». Боковая дверь в контору оказалась запертой. Но внутри горел свет, доносились звуки радио.

Мэтерз позвонил в дверь. Звуки радио стихли.

Младший детектив еще раз нажал кнопку звонка. Теперь они услышали, как кто-то идет по длинному коридору. Подойдя поближе к двери, человек крикнул им по-английски, чтоб немного подождали. Они увидели молодого парня со связкой ключей в руках. Ему надо было отпереть несколько замков.

– У вас здесь что, Форт-Нокс? – спросил по-французски Мэтерз, как только распахнулась дверь.

---

⁸ Пятое марта (Cinq-Mars) – фамилия главного героя. В английском языке при обозначении дат сначала указывается месяц, потом день.

– Что? – по-английски переспросил молодой человек. На нем была грязная роба механика, а на ногах – ботинки со стальными накладками на мысках, чтобы случайно не повредить ноги.

– Не бери в голову. – Мэтерз откинул полу куртки, и на брючном ремне блеснул полицейский значок. – Полиция. Мы бы хотели пройти, задать тебе несколько вопросов.

Парень быстро отступил на пару шагов. Санк-Марс, следовавший за Мэтерзом, кивнул ему, потом внимательно оглядел помещение.

– Ты здесь один? – спросил Мэтерз механика. Он широко улыбнулся, как бы давая парню понять, что ему можно абсолютно доверять.

– Да.

– Как тебя зовут?

Малый был симпатичный, темноволосый, худой. Мэтерзу подумалось, что Санк-Марс не счел бы такую внешность криминальной. Его вид скорее вполне соответствовал облику автомеханика. Девушки, должно быть, назвали бы его прическу хоккейной – сзади и сверху волосы были длинными, а сбоку – короткими.

– Джим Коутес. Вы из-за Акопа пришли?

– Ты знаком с Акопом Артиняном?

– Да, он здесь работает. Точнее... Я хотел сказать, работал. Поверить не могу, что его убили. Одуреть можно. Такой пацан нормальный. Никому такого не пожелаешь, что с ним сотворили. Одного понять не могу – зачем ему надо было одеваться в костюм Санта-Клауса?

– Вы были друзьями?

– Вроде того... Не так, чтобы очень, знаете, мы же вместе работали.

– Здесь?

– Да, в гараже.

– Чем он занимался?

– Он был механиком. Я – по жестянке, он – по движкам.

Санк-Марс слушал, как парень отвечает на вопросы Мэтерза, пытаясь понять, что кроется за его словами. Он был явно взволнован, возбужден, казался нервным, но не напуганным. Не спрашивая разрешения, Санк-Марс решил пойти осмотреть в мастерской все закоулки, чтобы составить себе о ней общее представление.

– Сколько времени ты был с ним знаком, Джим? – спросил Мэтерз. Он вынул ручку и блокнот, чтобы записывать ответы парня.

– Я здесь где-то месяца три работаю, что-то около того. Как пришел сюда, так с Акопом и познакомился. Мы с ним особенно тесно не общались, нигде вместе не тусовались, но за обедом и просто так часто болтали.

– Вы не вместе работали?

– Я же говорю, он механиком был, а я все больше по жестянке. Я когда работаю, мне не до болтовни.

– А где остальные? Почему ты здесь один?

– Рождественский отпуск.

– Но машины и в Рождество бьются, разве не так?

– Шеф нам всем неделю дал.

– Кроме тебя.

– Не повезло. Я здесь меньше других работаю. Мне еще пару машин надо сделать, но главное – хозяину нужно было, чтобы кто-нибудь здесь постоянно торчал и говорил клиентам приходите через неделю.

– Тебе не показалось странным, Джим, что он закрыл мастерскую именно теперь? В такую погоду машины бьются особенно часто.

– Пожалуй, вы правы. Да, наверное.

Мэтерз прошел по помещению между столами, шаря глазами по разбросанным на столах заказам и накладным. Беспорядок был такой, как будто всех сотрудников внезапно сдуло ветром. Ему было интересно, попытается ли молодой человек его остановить, но тому, казалось, это было до лампочки.

– А что, у вас здесь каждый год сотрудников отпускают в отпуск на Рождество? Вам об этом сообщают заранее? Или хозяин неожиданно всем об этом сказал?

– У нас были выходные перед Рождеством, на Рождество и на «Боксинг дэй»⁹. Потом, когда мы узнали про Акопа и все такое, нам позвонили и сказали, что вся неделя будет выходная. А мне он сказал зайти в гараж. И сам хозяин сюда пришел. Мы обслужили нескольких клиентов, а другим сказали заехать попозже.

– Значит, с отпуском получился сюрприз. То есть о нем вам сказали в последний момент.

– Вроде того. Хотя этот сюрприз был не для меня. Но неделя и у меня прошла спокойно.

В контору вернулся Санк-Марс.

– Я там видел только одну машину, – сказал он.

– Да. Мы же закрыты.

– У Акопа здесь были друзья? – спросил Мэтерз.

– Он все больше был сам по себе. Хозяину он нравился. Иногда они вместе куда-то ходили. Правда, остальные немножко того... понимаете, немножко косо на это поглядывали.

Санк-Марс прошел по комнате в примыкавший к ней кабинет хозяина и взял там с небольшого подноса визитную карточку.

– Твой хозяин – Каплонский?

– Да, сэр, – ответил парень.

Теперь он явно забеспокоился. Вопросы, видимо, отличались от тех, которые он ожидал. Он все еще надеялся, что узнает какие-то подробности, чтобы поделиться с товарищами по работе.

– Что это за фамилия, – поинтересовался Санк-Марс, – тоже армянская?

– Польская, – блеснул эрудицией Мэтерз.

Санк-Марс снова подошел к ним.

– Значит, тебя оставили здесь за главного? – спросил он Коутеса.

– Да, сэр.

– Ты, должно быть, тут большая шишка, если тебя за главного оставили.

– Нет, как раз наоборот. Я здесь ниже всех по рангу – всем остальным дали отпуск.

– Должно быть, все остальные его заслужили. Как думаешь?

– Да, сэр. То есть я хотел сказать, нет, сэр. – Теперь парень нервничал уже не на шутку.

Санк-Марс грозно вытянул шею, хотя и без этого был на голову выше жестянщика, приблизился и стал пристально рассматривать собеседника сверху вниз.

– Где ты здесь обычно работаешь? Когда радио не слушаешь и «Пентхауз» не почитываешь там, сзади, как ты делал, когда мы позвонили в дверь? Где твое рабочее место?

– Там, сзади.

– В кузовном цехе? Где стоит тот «бьюик»?

– Да, сэр.

– Ты с какими там машинами работаешь?

Молодой человек пожал плечами.

– Со всякими. С битыми тачками.

– Каких марок?

– Всех.

---

⁹ Боксинг дэй (Boxing Day) – второй день Рождества, когда в большинстве магазинов Канады проводятся новогодние распродажи.

– В основном с новыми или со старыми?

– Не знаю. Старых, должно быть, больше. Иногда и с новыми.

– А в передней части мастерской, где ты не работаешь, там какие обычно ставят машины? Парень снова пожал плечами.

– Разные.

– А как тебе все-таки кажется, какие именно?

Видимо, ему все меньше нравилось то направление, в котором его вели задаваемые вопросы.

– Больше, должно быть, немецкие, откуда мне знать.

– «Мерседесы»?

– Да, сэр.

– БМВ?

– Да, сэр.

– А японские тачки? «Лексусы», например?

– Да, я и такие здесь видел.

– Здесь, если я правильно понимаю, все машины новые?

– Вроде да.

– Сделай мне одолжение, – строго сказал ему Санк-Марс, – отвечай без всяких «вроде».

– Это просто выражение такое.

– Мне не надо, парень, чтоб ты здесь выражался. Просто отвечай на мои вопросы.

Коутес старался держаться спокойно, но Мэтерз видел, что у парня внутри нарастает возмущение тоном задаваемых вопросов. Он постоянно бросал взгляды на молодого полицейского, как будто искал у него защиты.

– Какие проблемы были с теми машинами, с которыми здесь работали?

– Механические. Точно не знаю. Это не по моей части. Вроде что-то регулировали.

– «Регулировали», – передразнил его Санк-Марс. – Слушай, парень, если бы у тебя был новый «мерседес-бенц», ты повез бы его в эту дыру вашу поганую, в этот крысиный район, чтобы его тебе здесь регулировали? Раскинь мозгами!

Жестящик перевел взгляд с Санк-Марса на Мэтерза и обратно. Потом упер глаза в пол.

– Наверное, нет, – сказал он.

– Каждый день к вам сюда загоняют и от вас забирают краденые тачки, так, сынок?

Джим стоял понутив голову.

– Эй, я тебя спрашиваю!

– Не знаю, – ответил он. – Я работаю со старыми машинами. С клиентами своими разговариваю. Их машины не ворованные.

– Сейчас у нас не о жестянке речь. Нам всем ясно, что это только для отмазки. Мы говорим о тех тачках, которые пригоняют в эту часть гаража. О тех, которые обслуживаются в первую очередь. Вот о каких. Или для тебя новость, что они угнанные?

Парень опять пожал плечами в присущей ему манере.

– Не знаю, – повторил он.

– А что ты знаешь?

На этот раз он расправил плечи.

– Я ничего не знаю об угнанных машинах. Честно. Я в другом конце гаража занимаюсь жестянкой.

– Парень, который работает на шайку автомобильных воров, может напороться на крупные неприятности.

На этот раз Джим Коутес поднял руки, будто пытался защититься. Взгляд его бегал по сторонам, но посмотреть в глаза полицейским он не решался.

– Я к этому не имею никакого отношения. У меня долго не было вообще никакой работы, а потом я эту получил. Я делаю свое дело, и все.

– Протяни руку, – приказал ему Санк-Марс.

– Что?

– Ты что, глухой? Руку вперед вытяни!

Парень вытянул левую руку. Он держался нерешительно, как провинившийся ученик в кабинете директора школы.

Санк-Марс вынул свою руку из кармана куртки и положил в ладонь Джима несколько небольших прямоугольных металлических пластинок.

– Теперь, парень, рука у тебя грязная. Скажи мне, что ты в ней держишь?

Джим взглянул на то, что получил от Санк-Марса.

– Ах, черт! – вырвалось у него.

– Скажи мне, что у тебя там в ладони.

– Вы сами знаете, что это такое.

– Я хочу услышать это от тебя.

– Идентификационные номера автомобилей.

– Точнее говоря, идентификационные номера угнанных машин. Так я говорю?

– Послушайте, когда я сюда пришел, хозяин спросил меня: «Работать можешь?» Я сказал: «Да». Тогда он меня спросил, умею ли я держать язык за зубами. Я ответил: «Конечно». Вот и все. Больше я ничего не знаю.

– Ну, давай, потрогай их, потри их пальцами. Мне надо, чтобы на этих пластинках твои пальчики были очень четкими. Давай, делай, что тебе говорят!

– Не хочу, – тихо ответил Джим.

– Если ты делаешь то, что тебе говорит вор, черт возьми, можешь выполнить и то, что велит полицейский! – Парень сделал то, что ему было сказано. Санк-Марс поднял клапан и раскрыл карман куртки. – А сейчас клади их мне в карман. – Джим положил. – Хорошо. Теперь твоя песенка спета. Хотя я это пока только предполагаю. Это выражение такое.

Жестящик угрюмо молчал.

– Что вы собираетесь делать? – шепотом спросил он.

– Вопрос сформулирован неверно, – вмешался Билл Мэтерз и сделал шаг в сторону парня так, что Санк-Марсу пришлось отступить назад. – Он состоит в другом: что теперь собираешься делать ты? Тебе не кажется, Джим, что ты слишком много знаешь?

– Я вам уже сказал, что ничего не знаю о том, что здесь происходит.

– А ты не думаешь, что Акоп Артинян знал слишком много?

– Может быть, – допустил он после недолгого раздумья.

– Знаешь, что с ним случилось? Его переодели в костюм Санта-Клауса, сломали ему шею и проткнули крюком для мясных туш. Это я его нашел подвешенным в том шкафу, куда его упрятали. Не самое приятное зрелище. Ну что, Джим, теперь до тебя доходит что-нибудь или нет? Ты знаешь, что работаешь на банду угонщиков. Можешь себе представить, насколько это опасно. Будь я на твоём месте, я бы начал себе подыскивать другую работу. Таковую, где было бы побольше льгот. Местечко, где не мочат за то, что ты знаешь чуть больше, чем от тебя требуется. Найди себе, Джим, такую работу. Потом подай за две недели господину Каплонскому заявление об увольнении. Если бы я был на твоём месте, я бы обязательно так поступил.

– Вот, – вмешался Санк-Марс, – я взял карточку Каплонского, а ты возьми мою. Если когда-нибудь тебе покажется, что и тебя в скором будущем ждёт мясной крюк, можешь мне позвонить. А пока иди включи свое радио и листай себе свой «Пентхауз». Нам здесь надо кое-что посмотреть. А ты обо всем этом напрочь забудешь. Ведь так?

– Да, – не стал спорить Коутес.

– Хорошо, – ответил Санк-Марс. – Запиши его адрес и телефон, – сказал он Мэтерзу.

– Начинай новую работу искать, – повторил парню Мэтерз, записав его координаты. – Работу найти нелегко, но сейчас у тебя есть стимул. Тебе легче будет, чем раньше. Работа в этом гараже добавила тебе опыта.

Оба полицейских стали выдвигать ящики столов и просматривать бумаги. Санк-Марс медленно рылся в папках, помеченных буквами «П» и «С». Потом он взялся за обследование телефонов и настольных ламп, а Билл Мэтерз стал проверять нижние панели столов и ящиков и нашел там микрофон.

Санк-Марс приложил палец к губам. Обсуждать значение этой находки надо было в другом месте.

Довольные результатами полицейские крикнули что-то на прощание Джиму Коутесу и ушли.

На улице Мэтерз спросил:

– Кто-то из наших?

– Есть другие варианты?

– Во-первых, его мог поставить кто-то из наших. Во-вторых – кто-то из них, чтобы следить за своими людьми. В-третьих, что менее всего вероятно, кто-то из другой банды.

– В-четвертых, – добавил Санк-Марс, – его мог туда поставить Акоп Артинян или тот, на кого он работал. Мой информатор, например. Тот человек, который время от времени подбрасывает мне ценную информацию. В гараже работал Акоп – отсюда основания для такой версии. Мог его поставить и кто-то из наших. Жучок настолько прост, что тот, кто его поставил, должен был сидеть на бюджете. Это могли быть как наши, так, думаю, и кто угодно другой. Другая банда? Как ты сказал, это маловероятно. Мы его нашли в помещении для сотрудников, так? Кому надо знать, о чем болтают секретарши? Может быть, хозяину? Я уверен, что мой информатор, будь у него выбор, поставил бы жучок в кабинете хозяина. И наш человек тоже. Поэтому скорее хозяин шпионил за сотрудниками, чем мой контакт или полиция.

Мэтерз открыл переднюю дверь машины и сел на место водителя. Он распахнул другую дверь перед Санк-Марсом, потом включил двигатель. Колеса прокрутились на обледеневшем снегу, и они выехали на улицу. В окне конторы гаража виднелся силуэт наблюдавшего за ними Джима Коутеса.

– Вы нашли что-нибудь в документах? – спросил Мэтерз.

– Вполне хватает, чтобы вернуться сюда с ордером.

– Это радует. Что у нас дальше, Эмиль?

– Надо его пальчики отдать на проверку. Думаю, он чист, но проверить не мешает. Позже мы навестим семью Артиняна. Надо засвидетельствовать им свое уважение, разделить их горе. Ведь это мы нашли их сына.

– Звучит убедительно. У вас, Эмиль, это должно хорошо получиться. Но как мы потом будем объясняться в управлении?

Санк-Марс улыбнулся.

– Тебя постоянно волнует этот вопрос.

– Потому что я в другой весовой категории.

– Это дело гроша ломаного не стоит. Мы ведем расследование по банде угонщиков и через неделю-другую ждем хороших результатов. Пока готовимся к операции под эгидой управления, которому достанутся все лавры. А на следующей неделе или через неделю, когда будет проводиться операция, они либо слинянут, либо останутся. Тогда мы сможем выйти на след того, кто поставил жучок.

Окиндер Бойл, одолеваемый гриппом и изрядной жалостью к себе, валялся на матрасе в самом плачевном состоянии. В городе – как кара небесная – стояла лютая зима и бушевала

эпидемия азиатского гриппа. У Бойла хватало сил только стонать, о работе и речи идти не могло.

Раздавшийся стук в дверь окончательно его доконал.

Пришлось встать, и он сильно закашлялся. Сам факт, что он вообще стоит на ногах, мог довести его до апоплексического удара.

– Хватит тебе притворяться, – раздался громкий голос из коридора.

Его редактор. Окиндер не знал, как относиться к человеку, которому доставляло удовольствие грубить. И в раздражении, и в радости манера его поведения была одинакова. Бойл отворил дверь.

– Господи, – сказал гость. Его звали Гаро Богосян, он впервые решил нанести визит одному из своих репортеров. Скромность этого жилища, граничащая с нищетой, неприятно удивила редактора. – Да, платим мы тебе явно недостаточно... Бойл, ты выглядишь отвратительно. Высморкайся, черт тебя возьми. И даже не думай на меня дышать!

– Что вы здесь делаете, Гаро?

– Пришел посмотреть, как ты здесь кантуешься. А ты что подумал?

Окиндер Бойл прижал руку к раскалывающейся от боли голове. Он хотел только одного – хоть немного еще продержаться на ногах. Его сильно шатало.

– Посмотрели? Теперь можете идти.

– Ты и впрямь не притворяешься. Честно говоря, я так и думал. Считал тебя сопливым слизняком, который ловит все микробы, что носятся в воздухе. Я, Бойл, пришел к тебе по делу.

Репортер был вынужден сесть. Он свалился на ближайший стул и застыл.

– Я сейчас ни о чем не могу говорить. Подождите немного, пока мне не полегчает.

– Я здесь был неподалеку, решил к тебе заскочить. Скажу, что собирался, потом уйду.

Богосян склонился над журналистом. Ему было где-то под пятьдесят, растрепанные волосы торчали во все стороны, причем с боков они были гуще, а на макушке – реже. Брови у него были внушительными, на носу сидели очки с толстыми линзами. Обычно он выглядел так, будто спал в одежде, но сегодня на нем безукоризненно сидел дорогой костюм.

– Меня может вырвать.

– Даже не думай об этом. Продержись еще пару минут, ты же мужчина.

Бойл лишь поднял на него глаза – он был слишком слаб, чтобы спорить.

– Гаро, я не шучу. Мне гораздо хуже, чем вы можете себе представить. Помогите мне лечь. Я никогда ни о чем вас не просил. Помогите мне лечь, иначе меня стошнит.

Богосян недооценил его состояние. Редактор крепко обнял репортера, помог ему сделать несколько шагов и мягко опустил его на матрас. Потом оглядел убогую квартиру. Это была однокомнатная нора, которую даже нельзя было назвать квартирой, с электроплиткой и холодильником размером с пишущую машинку. Небольшая дверь вела в закуток с унитазом, раковиной и душем. У Бойла ничего не было, кроме раскошевшегося шкафа, письменного стола, компьютера, массы книг, составленных в пачки, кучи бумаг и продавленного матраса, стоявшего прямо на полу.

– Ты питаешься нормально?

В ответ Бойл лишь громко застонал.

– А пьешь ты что? Тебе сейчас надо много пить.

На этот раз больному удалось покачать головой.

– Господи, парень, ты же окочуришься, если не будешь много пить. Я разве не говорил тебе, когда брал на работу, что я редактор, а не мамка да нянька? Ты только посмотри на себя!

Богосян открыл холодильник и увидел там два пакета сока, но оба оказались пустыми. Он налил в стакан воды из крана, но вода оказалась мутной.

– Не запирай дверь, – приказным тоном сказал он. – Нравится тебе это или нет, но я вернусь через пять минут.

Он быстро вернулся и принес с собой кучу соков, лекарств, печенья и супов.

– Я тебе, Окиндер, помереть не дам. Я из тебя еще не все дерьмо выбил. Ну как ты, не получше?

– Да, – сказал Бойл. Он был настолько бледен, что кожа его даже отдавала в желтизну.

– Выпей вот это.

– Чего вы от меня хотите, Гаро? Только говорите медленно.

– У тебя есть что-нибудь для публикации?

– Да, лучший репортаж, который мне удалось сделать. Но я его не закончу, пока не поправлюсь.

– Ладно. Это хорошо. Слушай, хочу тебе подбросить еще один сюжет. Я знаю, что ты сам привык искать себе темы, мы ведь так и договаривались. Поэтому прошу тебя заняться этим в качестве личного одолжения. Я больше ни к кому не хочу обращаться с такой просьбой.

Здесь недалеко от тебя, на этой же улице – не знаю, слышал ты об этом или уже болел, – в канун Рождества убили одного паренька. Его звали Акоп Артинян. На нем был костюм Санта-Клауса. Ему сломали шею, а потом в спину воткнули крюк для туш так, что он прошел сквозь сердце. Я только что был на месте преступления. Он там жил, или, может быть, он там только умер. Мебели там вообще никакой – еще меньше, чем у тебя. Холодильник нашли совершенно пустым. И одежды не было никакой в том шкафу, где он висел мертвый. Вообще ничего не было – только стол и шкаф. Вот так-то.

– Как вы туда попали? – спросил Бойл. Он пытался слушать внимательно, но у него кружилась голова. Заметив, что Гаро Богосян не отвечает, он чуть вздернул подбородок. Мужчина, склонившись вперед, сидел на стуле с прямой спинкой и вертел в руках шерстяную шапку.

– Гаро...

Редактор прочистил горло.

– Я родней ему прихожусь, Окиндер. Акоп – мой племянник. Сын моей сестры. Мы не можем этого понять. Что он делал в той пустой квартире? Почему он был одет как Санта-Клаус? Он был хорошим мальчиком, просто отличным парнем. Кому могло прийти в голову его убить? И еще эта дурацкая надпись, которая болталась у него на груди: «Веселого Рождества, М5». Что это? Я хочу сказать, что все это значит? Ты хорошо знаешь жизнь города, когда ты не занимаешься бездомными, ты ведь пишешь о молодежи. Я очень надеюсь, что тот репортаж, о котором ты говорил, не о бомжах.

– Нет, он как раз о них самых. Сочувствую, Гаро, вы пережили такое горе. Не знаю даже, что и сказать... Я себе в страшном сне такое представить не смог бы.

Богосян махнул рукой.

– Спасибо. Со мной все в порядке. На первый взгляд от этого просто жуть берет, такого просто не может быть. Помогите нам разобраться, пойми, это твоя улица, твой район... Если он в чем-то был замешан, тогда тебе надо будет об этом написать. Но мы хотим знать, в чем здесь дело! Это матери его надо, отцу, мне – я только что был на похоронах. Мне тоже надо знать, в чем здесь дело.

Окиндер Бойл представить себе не мог, что увидит когда-нибудь Гаро Богосяна, готового расплакаться. От этого зрелища он даже на время забыл о своей хвори.

– Я сделаю все, что смогу. Можете мне поверить.

– Спасибо. – Редактор поднялся со стула. – А теперь тебе надо побольше пить. Первый тебе приказ по работе – как можно скорее поправляйся. В этом состоянии проку от тебя никакого. Я тебе здесь печенья разного принес, а на дне пакета – куриный суп с лапшой.

– Сколько я вам должен?

– Забудь, нисколько. Как-нибудь в другой раз вычту у тебя из гонорара. А сейчас выздоравливай. Я к тебе завтра загляну.

– Вы что, – поддел его Бойл, – в няньки ко мне решили податься?

Окиндер Бойл слушал, как шаги начальника эхом отдавались в коридоре. Его редактор терпеть не мог открытых эмоций в журналистике, считая их дешевкой, чем-то вроде надувательства. Этот человек безжалостно вырезал из его репортажей все чувства, оставляя лишь голую канву событий. Но когда тот ушел, журналист ощутил помимо собственной боли и страданий, вызванных проклятым гриппом, еще и глубочайшую бездну отчаяния, в которую Гаро Богосян был погружен настолько, что его трудно было узнать.

Дом на улице Анвер был простым жилищем рабочего человека, выстроенным в стиле, который был распространен в пятидесятые и шестидесятые годы. Позже от него отказались по трем причинам, создававшим неудобства зимой: крыши у таких домов были чуть скошены и не защищали от снега; въезд в гараж, находившийся в полуподвале, был слишком крутым, зимой по нему зачастую было трудно въезжать и выезжать, да и лестницы, ведущие в квартиру, были небезопасны – со слишком широкими ступеньками, без перил, их надо было постоянно расчищать от снега, сбивать с них лед. За последние дни ступени этого дома истоптали ноги многих людей, и казалось, что снег затвердел от печали. К числу скорбящих добавились теперь и Эмиль Санк-Марс с Биллом Мэтерзом.

Через большое занавешенное кружевными шторами окно эркера, нависавшего над гаражной дверью, в гостиную проникал яркий свет. Комната была полна людей. Позвонив в дверь, Санк-Марс увидел сквозь прорезанное в ней окошко, что кто-то идет им открывать.

Детектив Мэтерз показал свой значок – полицейских впустил в дом симпатичный худенький паренек лет одиннадцати или двенадцати в отутюженных брюках и белой рубашке с галстуком. Вид у него был угрюмый. Они ждали в тесной прихожей, тронутые горем, воцарившимся в этом доме. Всюду стояли траурные венки и букеты. Смущение детективов усиливало рождественское убранство помещения: в углу гостиной красовалась нарядная рождественская елка, на комодке стоял макет яслей с игрушечными овцами и коровами. На полках рядом с открытками с рождественскими и новогодними поздравлениями стояли карточки с выражением соболезнований. Рождественские и новогодние праздники в этой семье прервала страшная трагедия, и теперь уже никогда в это время года их не будет покидать печаль. Мальчик вернулся и под руку привел отца. Эмиль Санк-Марс ему сразу представился.

– Мы уже несколько раз говорили с полицией, – устало сказал мужчина. – Пожалуйста, только не сегодня. Сегодня утром мы похоронили нашего мальчика.

– Мы не собираемся допрашивать вас, сэр. И совсем не хотим беспокоить вашу семью. Я пришел сюда, господин Артинян, чтобы отдать вам дань уважения. Мы с моим напарником нашли вашего сына. Мы не работаем в отделе убийств и не занимаемся расследованием обстоятельств его смерти. Но, как я уже говорил вам, поскольку мы его нашли, то сочли своим долгом выразить вам свое уважение и соболезнования.

Мужчина кивнул.

– Пожалуйста, – сказал он, – проходите. Василий, мой сын, возьмет ваши куртки.

Родственники остались с семьей до вечера. Убитая горем мать сидела в кресле, окруженная фотографиями сына и всей семьи в более счастливые времена. Бумажной салфеткой дородная женщина с кругами под глазами утирала слезы, иногда прикладывая ее к носу. Санк-Марс подошел к ней и склонился, чтобы сказать слова утешения, осторожно взяв ее руку в свою. Горе состарило ее на годы. Когда Санк-Марс распрямился в полный рост, ему предложили сесть на диван. Мэтерз устроился рядом. Они согласились выпить по чашечке чая.

– Эти люди, – пояснил господин Артинян собравшимся, – были последними, кто видел нашего Акопа живым.

Мужчины и женщины, сидевшие в гостиной, с интересом закивали головами, а Санк-Марс в знак протеста поднял руку, желая деликатно возразить. *«Ты не прав, – пронеслось у*

него в голове, – *мы не были последними, кто видел его живым, мы были первыми, кто увидел его мертвым*». Но даже такое утверждение было бы неверным.

– Это не совсем так, сэр. Случилось так, что, выполняя с напарником наш долг, мы его обнаружили. Мы нашли его, сэр.

– Да, да, – рассеянно ответил отец, вспомнив, что сказал ему полицейский.

В комнате воцарилось молчание, нарушенное вскоре рыданиями госпожи Артинян. Самое страшное испытание для матери и отца, подумал Санк-Марс, – это смерть ребенка.

– Госпожа Артинян, – начал детектив, – я уверен, что ваш сын был добрым и справедливым человеком. Я уверен, что он хотел помочь другу, попавшему в беду. Я уверен в том, что для своих друзей он погиб как герой.

Рыдания госпожи Артинян стихли. Все собравшиеся в комнате внимательно вслушивались в слова полицейского.

Артинян-старший, сидевший в кресле, чуть подался вперед.

– Господин...

– Санк-Марс.

– Господин Санк-Марс, другие полицейские, которые с нами много раз говорили, все время спрашивали, был ли наш мальчик наркоманом, имел ли он дело с преступниками, сидел ли он в тюрьме или в колонии. Мой сын – хороший мальчик! Студент университета! Он ходит в МакГилл¹⁰! Он не употребляет наркотики. Я им об этом говорю. Они смотрят на меня, как будто я плохой отец, который не знает, что делает его сын. Они думают, он не знает. Акоп приходит к нам на обед каждое воскресенье. Он счастлив. Он говорит о работе, об учебе, о жизни, о друзьях. Я встречаю его друзей. Это не такой мальчик, который рыщет повсюду в поисках наркотиков.

– Господин Артинян, вы правы, и я хотел бы перед вами извиниться от имени всего полицейского управления за такую манеру расследования. Работа полицейских – задавать вопросы. Мы должны задавать такие вопросы, но сегодня я пришел сюда сказать, что в этом деле в них нет никакой нужды. Ваш сын был хорошим мальчиком. Он старался помогать другим, но, когда он это делал, что-то пошло наперекосяк. Мы постараемся выяснить, что это было. Мы постараемся выяснить, кем были его друзья, – закончил Санк-Марс, обращаясь к родителям паренька.

Собравшиеся стали называть имена, перечислять возможности. Они говорили о соседских ребятах, попадавших в неприятные переделки, и Мэтерз с сознанием долга записывал имена всех, кого они называли. Старший детектив все время держал в поле зрения Василия – мальчика, который открыл им дверь. Он улыбнулся ему, как бы подталкивая на откровенность:

– Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы нам помочь? Может быть, брат тебе говорил что-нибудь, что может оказаться для нас важным?

Мальчик отрицательно покачал головой. Он сидел на подлокотнике кресла отца и пристально смотрел на полицейского.

Хотя никаких конкретных вопросов задано не было, господин Артинян подбадривал собравшихся, побуждал родственников высказывать предположения. До этого расследование убийства его сына носило совсем иной характер – скорее обвинительный, чем помогающий выявить истину, не столько сострадательный, сколько враждебный. А теперь вдруг оказалось, что соображения по этому поводу были у всех, и Санк-Марс прислушивался к каждому.

Детектив Мэтерз чувствовал, что всем этим людям надо было выговориться, высказать собственные догадки и мнения об ужасной кончине их дорогого Акопа. В большинстве своем их предположения были совершенно беспочвенными, но он, следуя примеру Санк-Марса, проявлял к каждому из них неподдельный интерес, к каждой реплике относился с уважением.

---

¹⁰ МакГилл (McGill) – самый престижный из четырех монреальских университетов.

Василий Артинян своих соображений не высказывал. Внимательно следивший за ним, Санк-Марс видел, что он постоянно кивает головой, но в выражении его лица угадывалась непонятная агрессия. Старший детектив воспринял это как намек на то, что им пора уходить.

– Вы очень нам помогли. Я обещал вам, что в этот печальный день не буду проводить расследование. Но позже у меня еще будет возможность поговорить с вами. Спасибо за гостеприимство, господин и госпожа Артинян. Еще раз примите мои искренние соболезнования.

Василий Артинян принес ему куртку, и Санк-Марс снова обратил внимание на странное поведение мальчика. Он жестом попросил его отца подойти, чтобы сказать ему что-то без свидетелей.

– Господин Артинян, я хотел бы, с вашего разрешения, пару минут поговорить с Василием наедине. Для него это большая утрата. Он, должно быть, очень обеспокоен, я хочу его поддержать, поговорить с ним как мужчина с женщиной.

– Вы очень добры, сэр. Конечно, конечно. – Каменщик отошел от полицейского и махнул сыну рукой, чтобы тот подошел. – Василий, Василий, иди сюда.

Он провел мальчика и гостя по коридору в спальню и пригласил их войти.

– Мне очень жаль, Василий, что с твоим братом случилась такая беда. Тебе, наверное, теперь очень тяжело, – начал Санк-Марс.

Мальчик молчал, пристально глядя на стража порядка.

– Я так понимаю, у тебя сейчас рождественские каникулы?

– Да.

– Тебе нравится твоя школа?

– Там все в порядке.

– Василий, что тебе известно? Ты знаешь что-то, о чем хотел бы мне рассказать?

– Вы думаете, что все в моей семье дураки, – сказал мальчик, в его голосе слышалась явная неприязнь.

Санк-Марс не ожидал таких нападков.

– Я вовсе так не думаю. У тебя замечательная семья, это всем ясно. Почему ты мне это сказал?

– Вы сюда пришли и сказали, что хотите выразить нам свое уважение. А на самом деле вы это сделали только для того, чтобы развязать нам языки.

Детектив сделал извиняющийся жест рукой, который мог означать, что он просит у мальчика прощения.

– Иногда случается так, что полицейский, который во мне сидит, все пересиливает, хоть я и хочу быть как все другие.

– Веселого Рождества, М5, – вдруг выпалил пацан.

– Что, прости?

– Моя мама не говорит по-французски, а папа говорит с ошибками.

– Но ты-то французский знаешь хорошо.

– Я хожу в школу. М5. Пятое марта. Санк-Марс – это вы. Мой брат... Мы с ним однажды гуляли... Он журнал один увидел, «Алло, полиция!». Взял его, показал мне и сказал: «Видишь этого человека? У него хорошая репутация. Но я – один из тех, кто ему ее создает».

– Этим человеком на картинке был я, Василий?

– Да, вы, Санк-Марс. Мой брат умер, а вы к нам пришли, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Черт меня побери!

– Я хочу выяснить, кто его убил, Василий, так же, как хочешь этого ты.

– Поспорить могу, вы свою шкуру хотите спасти!

– Чтобы все было по справедливости – вот ради чего работал твой брат. Ради справедливости. Василий, ты можешь нам помочь? На кого он работал? Кем были его друзья?

– Он работал на вас, – резко ответил мальчик. – Вот все, что он сказал. Еще он сказал, что больше говорить мне ничего не может. Его работа была опасной, а вы на ней себе репутацию зарабатывали, когда ловили преступников. Это все, что я знаю.

– Это все?

– Все, что я должен знать. Вам бы лучше сюда не возвращаться. Если вы к нам еще раз придете, я скажу отцу то, что сказал вам. Мало вам не покажется. Он вам шею свернет. Сегодня я его расстраивать не буду. Мама моя... – голос паренька сорвался. – Вам здесь лучше больше не появляться, – снова предостерег его Василий.

В прихожей Санк-Марс пожал руку господину Артиняну, мозолистую, сильную руку каменщика, и склонился, чтобы дать ему себя обнять. Когда полицейские уходили, вслед им звучали слова благодарности за сочувствие горю семьи.

На улице дул холодный ветер. Солнце село, тьму сгустившихся сумерек разгоняли уличные фонари.

– Ну что? – спросил Билл Мэтерз.

– Что – что?

– Мальчик что-нибудь знает?

– Слишком много и слишком мало, – ответил Санк-Марс. – Такая смесь хорошей не бывает.

Спустившись с лестницы, Санк-Марс нагнулся и прихватил с сугроба заледеневший снег. Он бросил его в ближайший фонарный столб, но промазал. Потом снова наклонился и собрал снег, чтобы сделать снежок.

– Что теперь? – не утомился Мэтерз.

– Теперь? Теперь мы возвращаемся в участок. После этого едем к женам домой ужинать. Ночью постараемся выспаться. Постараемся выкинуть из головы горе этих людей. Чтобы сделать это, мы себе скажем, что ответственность за смерть их сына лежит не на нас.

Санк-Марс скатал снежок, бросил и на этот раз попал в цель. Снежок разбился о столб и разлетелся в пыль.

– Вы ни в чем не виноваты, Эмиль. Он давал вам информацию по собственной инициативе.

Санк-Марс не ответил.

– Может быть, нам сначала зайти куда-нибудь промочить горло? – предложил Мэтерз.

– Пожалуй, так будет лучше – согласился Санк-Марс.

Глава шестая. Понедельник, 3 января

Поставив служебную машину вплотную к сугробу, Санк-Марс перекрыл чей-то выезд из гаража и выключил двигатель. Лейтенант-детектив Реми Трамбле, выглядевший как всегда задумчивым и официальным, сидел в припаркованном поодаль на другой стороне улицы фургончике с эмблемой электрической компании. Сразу за ним приткнулся третий неприметный автомобиль. Для патрульной машины Лапьера место нашлось позади гаража «Сампсон». Полицейские ждали в молчании, не пользуясь даже рациями.

Сгрудившиеся на у лице домишки все были на одно лицо – приземистые, с кирпичными стенами, притихшие. В отличие от прошлого раза, когда здесь был Санк-Марс, снег сгребли в сугробы, но еще не вывезли, а прошедший ночью снегопад лишь добавил улице скорби. Помимо нескольких огромных снежных куч, вдоль тротуаров тянулись сугробы поменьше, разделенные расчищенными участками для стоянок машин. Тротуары тоже были завалены снегом так, что для прохода пешеходов оставались лишь узкие тропинки. Андре Лапьеру и его напарнику пришлось тащиться от своей машины к машине, где сидели Санк-Марс и Мэтерз, по колено в снегу. Они с трудом втиснулись на заднее сиденье. – Смотрится неплохо, – констатировал Лапьер.

Он выдохнул облако сигаретного дыма, потом наклонился в сторону, чтобы влезть в карман. Колени его сильно упирались в переднее сиденье, толкая Мэтерза в спину.

Санк-Марс показал лейтенанту Трамбле, смотревшему на них через улицу, оттопыренный большой палец, что значило «все в порядке». Лейтенант, с которым он проработал многие годы, стал теперь его непосредственным начальником и выглядел на месте проведения операции посторонним – его полем битвы был письменный стол. Но грипп и праздники нанесли подразделению настолько большой урон, что лейтенанту пришлось выехать вместе с остальными. Он нервно коснулся мочки уха, давая понять, что сигнал принят.

– *Эй, Пенси*, – обратился к Санк-Марсу Лапьер и зарыл лицо в носовой платок, оглушительно высморкавшись.

Французы в Квебеке придумали много названий для англичан, и англичане в этом от них не отставали. Англичан называли квадратноголовыми – история этого прозвища восходила корнями к головным уборам британских военных в девятнадцатом веке. Оно прижилось, потому что французы считали англичан «квадратными» – менее непосредственными, более замкнутыми. Еще они их называли «проклятыми англичанами» – такое определение в устах француза звучало достаточно сердито. Англичане в свою очередь пытались высмеять французов, давая им прозвища по названиям еды и напитков. Поскольку пепси – самый популярный в провинции напиток, английская ребятня называла своих соперников по другую сторону лингвистического водораздела «*пепси*». Они обзывали француженок «*Мей Уэст*», имея в виду покрытый шоколадом ванильный торт, а если и впрямь хотели нагрубить, тогда при обращении называли их «*гороховым супом*» – в честь другого традиционного французского блюда. Санк-Марс прекрасно понимал, что прозвище, которым воспользовался Лапьер, отнюдь не было комплиментом.

– До меня дошло, Эмиль, что ты лезешь в мои дела.

– Твои дела? Ты, Андре, имеешь в виду твои шашни с женщинами?

Лапьер аккуратно сложил носовой платок. Ему, с его длинным неуклюжим телом и длинной шеей, было очень неудобно сидеть на заднем сиденье. Простуда, о которой ясно свидетельствовали слезившиеся глаза и красный нос, усиливала его неприязнь. По прищурю глаз коллеги Санк-Марс определил, что грипп у него был в самом разгаре.

– Мои женщины на тебя никогда не западут. Ты им напоминаешь священника.

Санк-Марс выглядел заинтригованным.

– Я, Андре, вроде с твоими женщинами никогда и не встречался.

– Ты зря так в этом уверен. Я точно знаю, что ты арестовывал троих.

Впалые щеки Лапьера придавали ему вид бродяги, но, несмотря на высокий рост и неуклюжесть, худым его даже теперь назвать было трудно. Санк-Марс помнил его еще зеленым новичком – тогда он чем-то напоминал карандаш в полицейской форме, а его светловолосая голова – ластик. Выпирающие кости черепа, туго обтянутый кожей лоб, впалые щеки, ясно проступающие на висках голубые вены, глубоко посаженные глаза – Лапьер всегда смахивал на голодного, обделенного жизнью бродягу. И взгляд у него всегда был опустошенный, как у наркомана.

Натянуто усмехнувшись, Санк-Марс ждал, когда он выложит ему свои претензии.

– *Пенси*, ты лезешь в мое дело.

Сидевший за рулем Санк-Марс резко обернулся, чтобы лучше разглядеть настойчивого собеседника.

– Ты о чем толкуешь?

– Вы заходили домой к семье Артинян, Эмиль. Ты допрашивал их младшего сына.

– Андре, мы просто навестили их, ведь это мы с Биллом нашли тело. Мы выразили им наше уважение и соболезнования, вот и все.

– Добрая ты душа, Эмиль. Следующее повышение тебе должны дать за святость. Мы тебя будем называть святой Эмиль, покровитель стукачей. А ты научишь нас, как десять раз кряду прочесть «Аве Мария», чтобы поймать больше бандитов.

– А у мальчика сложилось неправильное впечатление, – пояснил Санк-Марс.

– О чем именно? – от дыма сигареты Лапьера в машине уже было нечем дышать.

– К ним приходили полицейские, расспрашивали, не наркоман ли его брат. Не ты ли это был, Андре? Я сказал ему, что его брат был хорошим парнем, который нам помогал. Вреда в этом нет никакого, только немного поддержало семью.

– Эмиль, ты говоришь так, будто читаешь газетную передовицу! Я бы хотел об этом узнать, как только открыли дело. А ты, Ален? Если б ты вел расследование по делу об убийстве, ты ведь не мог бы не оценить, если б твой коллега тебе шепнул, что жертва была его стукачом?

Дегир только покусывал нижнюю губу. Он рассеянно смотрел вдаль взглядом мечтателя, которому хотелось бы не работать, а уехать в отпуск или сыграть партию в гольф. Напряженная мускулистая шея, широкий лоб и рассекавшая бровь морщина придавали Алену Дегире вид человека, который мог головой в щепки разнести дверь. Санк-Марс поймал его взгляд в зеркальце заднего обзора. У него не сложилось впечатления, что молодой полицейский готов занять сторону одного старшего по званию офицера против другого.

– В мои дела, Эмиль, соваться никому не положено, – продолжал сержант-детектив Андре Лапьер. – Ты, может быть, большая шишка, может быть, источник благодати, но ты лезешь в мое расследование, скрываешь информацию.

Маленькие уши, длинная шея, лысая макушка и высокий рост делали Лапьера похожим на жирафа, а в небольшой машине он выглядел так, будто жирафа везут в зоопарк. Если бы он еще чуть пригнулся, то коленки уперлись бы ему в подбородок.

– Я хотел бы встретиться с тобой сегодня после обеда. Ты расскажешь мне все, что знаешь о моем деле. А потом не вздумай снова в него соваться. И ты, англичанин, тебя это тоже касается.

Ни Санк-Марс, ни Билл Мэтерз ему ничего не ответили.

– Да, – задумчиво проговорил Андре Лапьер, затянувшись и закашлявшись, – у нас будет долгая приятная беседа. Может быть, свиные ножки закажем, пару пива? У тебя там нет пепельницы, Эмиль? Машина чистая, как с выставки, и пахнет здесь хорошо. В твоей машине кровь никто не пускал? И не блевал никто на заднем сиденье, голову даю на отсечение. А у меня в машине все время кто-нибудь или блюет, или кровью харкает, ведь так, Ален?

– Так-так, – подтвердил детектив Дегир. Он произнес это совершенно автоматически. Санк-Марсу показалось, что он ответил так же, если бы его просили подтвердить, что земля плоская.

– Санк-Марс предпочитает руки не пачкать, – продолжал подкалывать Лапьер. – Взять хотя бы сегодняшний день. Это его расследование. А кто делает всю грязную работу? Мы с тобой да еще половина управления. Я тебе скажу, Эмиль, если кого-то ранят, мы его в твою машину притащим. «Скорой помощи» я дожидаться не буду, пусть твою машину изгадят.

– Выкинь свой окурок в окно.

Ничего не ответив, Лапьер сделал, как ему было сказано.

– Да, святой Эмиль, мы с тобой хорошо потолкуем. Четки захватить не забудь, твое святейшество, они тебе время помогут скоротать.

Полицейские с автоматами притаились на корточках за машинами, попрятались за сугробами.

Санк-Марс сменил тему.

– Андре, ты здесь раньше бывал, на этой улице?

Лапьер осмотрелся по сторонам, хотя ему мешала спина Мэтерза.

– Доводилось. И не очень давно. А что?

– Скажи ему, Билл.

Польщенный доверием, Билл обернулся назад.

– Ваша жертва работала в гараже «Сампсон».

– Какая?

– Акоп Артинян.

В машине стало тихо. В конце квартала пешие полицейские выходили на позиции. Машины, подошедшие сзади, пока видны не были.

– Да, Андре, хорошо ты дело свое ведешь.

– У меня был грипп, – огрызнулся Лапьер. – Я болел. У меня отгулы были, не говоря уже о том, что коллеги утаивали от меня информацию.

– Эту облаву тебе надо было бы проводить, – Санк-Марс продолжал сыпать ему соль на рану. – Если б ты сюда наведалься, поговорил бы с хозяином, с рабочими, ты бы сам эту операцию организовал.

– А тебе что здесь надо было, Эмиль? Я так думаю, тоже свое уважение выказать?

– В частности.

В зеркале заднего обзора Санк-Марс заметил подъехавшие полицейские микроавтобусы. Из рации донесся хрипловатый голос лейтенанта Трамбле:

– Первый отряд – подготовиться и окружить здание. Вперед! Отряд – за мной!

Они видели, как четыре машины перекрыли въезд в недавно отмытый и блестящий на солнце гараж. Полицейские с автоматами наперевес выскочили из укрытий и быстро оцепили здание.

– Вперед, – отдал по рации приказ Трамбле.

– К востоку от Олдгейт, – вздохнув, бросил Санк-Марс, вынимая пистолет из кобуры и проверяя предохранитель. Он вышел из машины и спокойно направился к гаражу, сжимая пистолет в кармане.

– Вы мне когда-нибудь объясните, что это значит? – спросил Билл Мэтерз, поравнявшись с начальником. Он старался казаться спокойным и смелым, но голос его звучал напряженно.

– Ты же сыщик. Попробуй догадаться.

Полицейские в штатском вышли из служебных микроавтобусов и быстро протопали по снегу к зданию мастерской. Часть их осталась охранять широкую гаражную дверь, другие ворвались в помещение. Санк-Марс почувствовал, как волоски в носу замерзают на холоде. Когда он прошел небольшое расстояние, отделявшее его от гаража, здание уже находилось под

контролем полиции. Сотрудницы в конторе сидели с широко раскрытыми от удивления мокрыми глазами и прижатыми к затылкам ладонями. Механики в наручниках были прижаты к капотам автомобилей. У самого хозяина – плотного человека почти без шеи – руки были стянуты наручниками за спиной.

Билл Мэтерз спросил, как его зовут.

– Какое твое дело? Почему вы, подонки, вообще ко мне так вломились? – Его густые брови грозно нависали над глазами.

– Сначала – фамилия, – продолжал Мэтерз с ручкой наготове.

– Каплонский. Доволен? Вальтер.

– У нас ордер на обыск помещения, господин Каплонский.

– Обыскивайте. Хотите у меня все перерыть – ройте. Пушки ваши вам для этого не нужны. Я на вас в суд подам, слышите?

– Находящиеся здесь машины – краденые, господин Каплонский. Мы сейчас пробиваем их номера. Поэтому вам бы лучше заткнуться.

– Мой гараж – законное предприятие! Посмотрите на эту машину – у нее неисправна коробка передач!

– А эта БМВ-740i? Она же совершенно новая. Какая у этого автомобиля неполадка, сэр?

– Окно. Мы стекло вынули, чтобы починить...

– Пока его чинили, там был уничтожен регистрационный номер автомобиля. Я так полагаю, это у вас случайно получилось. – Каплонский разразился потоком площадной брани, и Мэтерз его предостерег: – Сэр, нам придется вместе с вами пробыть какое-то время в участке, и я советовал бы вам больше не упоминать о моей матери.

В помещение вошел лейтенант-детектив Трамбле – он хотел посмотреть, как продвигается работа его подопечных. Как и оба его офицера – Санк-Марс и Лапьер, он был высоким мужчиной. Все трое вместе продвигались по службе в управлении, и злые языки болтали, что их продвижению способствовал высокий рост. В первые годы службы многие не без издевки говорили, что, если их выгонят из полиции, они всегда смогут найти себе теплое местечко в любой баскетбольной команде. Трамбле выглядел как человек, одинаково свободно себя чувствующий и в кабинетах высокого начальства, и на поле для игры в гольф. И в том, и в другом месте он был вполне способен внушить людям страх. Лейтенант похвалил подчиненных:

– Все как по нотам. Быстро и чисто. – Он говорил как профессор, оценивающий работу студента. – Зарегистрируй заказы, – обратился Трамбле к Санк-Марсу, стоявшему с таким видом, будто он здесь был ни при чем. Его выдавал только нос, втягивавший воздух как у гончей, которая ищет след. – Нам нужно время, чтобы все здесь хорошенько прошерстить, – шепнул он подчиненному, подойдя к нему поближе. – Если работяги начнут колотья, можешь их потом отпускать. Только сначала припугни, посмотри, что они тебе запоют.

– Хорошо.

И Санк-Марс, и Мэтерз обратили внимание на то, что парень, с которым они говорили несколько дней назад, последовал их совету и слинял. Его не было среди тех, кого рассадили в два воронка.

К Трамбле подошла сотрудница подразделения.

– Сэр, разрешите обратиться. – Одна ее рука лежала на бедре, в другой, локтем которой она прижимала к телу форменную фуражку, женщина держала ноутбук.

– И что мы здесь имеем? – Ему всегда больше нравилось работать с бумагами. Сами преступники его никогда особенно не волновали, а просматривая отчеты, анкеты, формуляры или компьютерные распечатки, он чувствовал себя в своей тарелке.

– Мы пробили регистрационные номера и номерные знаки, сэр. – На губах сотрудницы мелькнула улыбка. – Все чисто. Ни один из этих автомобилей, сэр, не числится в угоне.

– Ни один?

– Разве что, этот «мерседес», сэр, – не оплачены два штрафа за парковку. А больше – ничего. Я проверяла дважды.

Трамбле бросил суровый взгляд в сторону Санк-Марса, потом обвел глазами помещение гаража.

– Если что-то найдешь, Эмиль, сразу доложи.

– Странно.

– Только не говори, что здесь все по закону.

– Ты посмотри, Реми, на эти тачки – номера сняты, с регистрационными номерами – непонятно, ни одна машина не требует ремонта. Даже деньги здесь плохо пахнут.

Несмотря на неоспоримые доказательства мошенничества, тайну, почему регистрационные номера автомобилей не пробивались по базе, невозможно было объяснить.

Из задней части помещения донесся голос Билла Мэтерза:

– Эмиль! Сэр!

Санк-Марс быстро к нему подошел.

– Взгляните вот сюда.

Он показал на разбитую машину, подготовленную для жестяных работ, ее капот был покрашен из распылителя. Небольшими буквами в стиле граффити под ветровым стеклом по-английски было написано: «Добро пожаловать». А ниже – на капоте – крупным печатным шрифтом на синей краске «хонды-сивик» было четко выведено: «M5».

Пораженный Санк-Марс стоял, не говоря ни слова.

Подошедший сзади сержант-детектив Андре Лапьер решил выяснить, что бы это могло означать:

– Как считаешь – это по-английски пятое марта? Объясни народу, Эмиль, откуда это здесь взялось.

– Понятия не имею.

– Эмиль, дружок, не валяй дурака, все так говорят. Или ты нас держишь за идиотов?

К ним присоединился и Трамбле.

– В чем дело?

– В этом только Эмиль может разобраться. Спроси у него.

Санк-Марс посмотрел на начальника, как-то нерешительно пожал плечами и проводил взглядом удалявшегося Андре Лапьера.

– Мы, должно быть, пересеклись в одном деле с Андре.

– С Санта-Клаусом? Хорошо! Надеюсь, это и мне будет интересно. Только поклянись мне, Эмиль, что мы не чистый гараж накрыли.

– Я отслеживаю владельцев. Кому может прийти в голову пригонять роскошные тачки в такую дыру?

– Мы попали в неприятную историю. Нам срочно нужен состав преступления.

– Тогда помоги мне, – принял вызов Санк-Марс.

– Что я могу для тебя сделать?

Полицейские рылись в содержимом мусорных баков. Куски покореженного металла и выкинутые детали автомобилей громко клацали о бетонный пол.

– Андре спит и видит, как бы из этого дела раздуть скандал, так что мне от тебя нужна поддержка, чтобы я мог порыться в его корыте. Он крутит какие-то свои дела. У меня на него ничего нет. Позволь мне подвинуть его немного в сторону, пока я не разберусь что к чему. В участке мне понадобятся дополнительные телефоны и люди.

– Раскрути это дело. Пока мы выглядим идиотами. – Когда Трамбле был чем-то расстроен или недоволен, он имел обыкновение скрещивать руки на груди. Теперь он стоял именно в такой позе.

– Мэтерз! – крикнул Санк-Марс. – Пора уходить!

В конторе полицейские укладывали документы в коробки. Санк-Марс зашел туда, чтобы сделать копию списка с номерами конфискованных автомобилей. Ему пришлось ждать, пока разогреется копировальная машина.

– Возьми устройство, – шепотом сказал он Мэтерзу.

– Жучок?

– Быстро.

Помещение было набито битком. Улучив момент, когда все занимались своими делами, Мэтерз нагнулся около нужного стола и вынул из тайника передатчик. Санк-Марс крикнул:

– Где этот список?

– Уже несу, – откликнулся один полицейский.

Санк-Марс незаметно спросил у Мэтерза:

– Куда ты его положил?

– В карман.

– Почему? Отдай его кому-нибудь. Мне как можно скорее нужны результаты экспертизы. – Санк-Марс подождал, пока напарник выйдет из помещения. – Мне нужна копия еще одного документа, – сказал он полицейскому.

Направившись прямо к стеллажу, который он просматривал во время первого посещения гаража, инспектор достал из стопки одну папку, вынул из нее какой-то листок и подошел с ним к копировальной машине. Полицейский сделал ему копию, и Санк-Марс сам взял ее, как только она была отпечатана. На виду у всех, кто был в помещении, он засунул папку с остальными документами в плотную стопку на стеллаже, причем найти ее теперь среди других таких же папок было непросто. Все документы были упакованы для доставки в управление.

Полицейский, стоявший у копировальной машины, нерешительно к нему обратился:

– Сэр? – Он видел, что детектив был на пределе, и не хотел добавлять масла в огонь. – Что делать с оригиналом?

Констебль протянул документ старшему по званию, как студент зачетку рассеянному профессору.

– Я возьму его с собой, – раздраженно бросил Санк-Марс. Он пересек комнату, взял у полицейского оригинал и пошел с ним к двери.

На улице Билл Мэтерз подошел к напарнику. Было видно, что Санк-Марс злился. Старший детектив сел в машину и, как только к нему присоединился Мэтерз, включил двигатель.

– Черт!

– Не волнуйтесь так, Эмиль.

Санк-Марс с силой стукнул рукой по рулю.

– Кто это, Билл? Ну скажи мне – кто?

– В таком состоянии вы этого не поймете.

– Кто-то водит меня за нос. Какая-то тварь издевается надо мной. Кто это? Черт бы их всех побрал! Когда ты нагнулся, чтобы взять этот микрофон, до меня вдруг дошло: я понял, почему он был установлен не в кабинете хозяина, а в конторе.

– Чтобы они могли прослушивать сотрудников?

– Ты видел этих сотрудников. Они ни черта ни в чем не понимают. Акоп Артияня этот жучок не ставил, Билл. Он там работал и днем, и ночью, ему ничего не стоило найти для микрофона место получше. Жучок поставил кто-то из их клиентов. Кто-то из тех, кому надо было улучшить момент, когда никто на него не смотрит. Как и ты, он должен был выбрать время, чтобы никто не обращал на него внимания. Может быть, ему пришлось уронить ручку или нагнуться, чтобы завязать шнурок, и в это время прилепать жучок на скорую руку.

– Это значит... – пытался сообразить Мэтерз.

– Артияня сделал бы это лучше. У него были и время, и возможности. Его надо исключить. Исключить надо и Каплонского – шпионить за собственными сотрудниками он бы не

стал, потому что они того не стоят. Это оставляет нам два варианта: либо жучок поставил кто-то из наших, либо другая банда. Но то, что там была эта машина с моим именем, свидетельствует еще об одной вещи.

– О другой банде, – предположил Мэтерз.

– О банде, которая хочет меня достать. Или... – Санк-Марс наконец вывел машину на середину улицы.

– Или что?

– Или... – додумывал мысль Санк-Марс, – микрофон мог поставить кто-то из наших. Другой бандой могли быть мы. Когда они узнали, что я собираюсь проводить в гараже обыск, они быстро покрасили капот из пульверизатора. Нового, Билл, ничего в этом нет – я знаю, что в управлении у меня есть враги.

Мэтерз даже присвистнул.

При выезде на улицу Нотр-Дам машину слегка занесло. Покрышки Санк-Марс не жалел. Из-за сугробов на улице оставались для движения только два ряда, но оба были забиты грузовиками, протиснуться между которыми было невозможно. Многочисленные магазинчики готовой одежды, где торговали со скидками, закусовые и забегаловки, фруктовые лотки и дешевые запущенные бары переживали на этой улице трудные времена – убытков было больше, чем доходов. Санк-Марс поставил на крышу машины проблесковый маячок, надеясь, что это хоть немного поможет ему при объезде разгружающихся грузовиков. После улицы Атуотер дорога стала немного шире, и когда Санк-Марс чуть нажал на педаль газа, Мэтерза прижало к спинке сиденья. Магазинчики здесь выглядели еще более обшарпанными, их обманчивый вид часто отпугивал нажористых клиентов антикварных лавок и салонов современного искусства. Где-то через полмили улица стала шире. В каждом направлении добавилось по ряду, и Санк-Марс снова смог увеличить скорость. Когда машина въехала в самый центр города – Старый порт, Санк-Марс стал сигналить и машинам, и запряженным лошадьми экипажам, катающим редких туристов. Мэтерз почувствовал себя спокойнее, только когда они уже подъезжали к полицейскому управлению.

Прямоугольное здание управления, отделанное кирпичом и камнем, вполне могло сойти и за более гражданское учреждение, такое как школа или больница. На широких каменных ступенях здесь обычно собирались полицейские – только это обстоятельство свидетельствовало о том, что здесь располагался полицейский участок.

– Что теперь? – спросил Мэтерз. Их машина встала в очередь, выстроившуюся в подземный гараж.

– Я свяжусь с владельцами этих машин. А ты выясни... как зовут того парня, который работает в гараже?

– Господи, у вас, Эмиль, совсем плохая память на имена! Его зовут Джим Коутес.

– Найди его. Убедись, что он жив и здоров. Если нет – можешь не возвращаться. Тогда лучше застрелись, Билл. Это будет не так страшно, как то, что я с тобой сделаю. Найди его и поговори с ним. Выясни, что он пытался от нас скрыть.

– Встречаемся здесь?

– Может быть, – Санк-Марс припарковался между двумя другими служебными автомобилями недалеко от лифта.

Билл Мэтерз вышел из машины, потом снова в нее сел, но теперь уже на водительское место. Он видел, как Эмиль Санк-Марс, которого просто распирало от негодования, подошел к лифту и нажал на кнопку. Он воспринимал случившееся как личное оскорбление. Мэтерз скорее почувствовал, чем понял, что именно на такую реакцию и рассчитывали те, кто устроил ему эту западню.

Он вынул записную книжку и нашел адрес Джима Коутеса. Мэтерзу не терпелось показать, на что он способен, ему льстило, что он наконец получил самостоятельное задание.

Решения, которые принимала Джулия Мардик под Новый год, в жизнь обычно не воплощались, и этот год не был исключением из правила. Она пообещала себе, что категорически откажет Селвину – чего бы он от нее ни добивался, и обязательно пойдет к врачу, визит к которому она вечно откладывала на будущее. Третья священная клятва, которую дала себе Джулия, состояла в том, что она не нарушит первые два зарока. Но вдруг над всеми ее новогодними планами нависла опасность.

– Я снова тебе это повторяю, Селвин, потому что не думаю, что мои слова доходят до твоих неандертальских мозгов. Я сделаю тебе это маленькое одолжение, и все! Больше ничего. Ни-че-го. Больше никогда. Это мое *окончательное* решение.

– Ты просто восхитительна, когда так волнуешься, Проныра.

– Лучше бы ты меня не доставал! Я всегда могу сделать шаг назад. *Господи!* И как я тебе дала себя втянуть в эти грязные дела? Это смахивает на какой-то дурацкий варварский обряд посвящения.

Уломать Джулию принять участие в этой деликатной операции особой сложности не составило, хотя Норрис не без оснований полагал, что лучше бы ему хранить свое мнение в тайне. Она была права. В мгновение ока девушка могла изменить принятое решение, а это испортило бы ему всю игру.

Он свернул в самый центр Монреаля – со всегда оживленной улицы Шербрук на авеню Университи, по обеим сторонам которой располагались здания университета МакГилл, где всегда бывает многолюдно. Заприметив небольшой фургон, выехавший с территории инженерного корпуса, Норрис притормозил, чтобы запомнить это место. Джулию, сидевшую рядом, все сильнее охватывал страх.

– Джулия, ласточка моя, в этой операции, которую тебе предстоит сегодня провести, нет совершенно ничего опасного или страшного.

– Чем больше ты это повторяешь, Селвин, тем меньше я тебе верю.

– Ничего тебе больше об этом не скажу. Я тебя буду ждать. Уверен, что ты очень скоро вернешься.

– Да, лучше бы тебе быть поблизости, напарничек. Я совершенно не собираюсь пропускать визит к врачу – мне пришлось его ждать полтора месяца.

– Я тебя туда отвезу.

Уже взявшись за ручку двери, Джулия Мардик бросила на него косой взгляд.

– Ты какой-то особенный, – сказала она ему. – Не знаю, кто ты на самом деле, но очень уж ты странный.

После бушевавшей ночью метели день оказался солнечным и морозным. Джулия подняла воротник и вышла на холодный ветер. Все это казалось каким-то безумием. Она нашла адрес, который дал ей Селвин Норрис, и сразу же вошла в парадное, спасаясь от холода. В небольшой прихожей она сбила снег с высоких ботинок и стряхнула налипшие белые хлопья с джинсов. Потом Джулия сняла варежки и шапку, расстегнула куртку, подышала теплым воздухом на кончики пальцев и потерла руки, чтобы согреться. Она уже была в доме. Теперь ей осталось только подняться по лестнице и постучать в дверь, которую он ей указал.

Не решаясь идти дальше, она на какое-то время замешкалась. Перед глазами плясали звездочки, колени подрагивали, и всю ее колотило от ситуации, в которой она оказалась. Чем сильнее девушка пыталась взвалить вину за это на Селвина Норриса, тем явственнее она ощущала глубокий внутренний протест. Она уже стала взрослой женщиной, вполне способной принимать собственные решения. Она сама решила разгадать эту головоломку, но для этого был лишь один способ. В глубине души Джулия понимала, что чем больше она злится на Селвина, тем сильнее должна пенять на себя. Если бы только от всего происходящего какая-то часть

ее существа не была в таком *восторге!* Если бы только в этой части ее души не было такого смертельного *интереса* к тому, что ей предстояло совершить!

Она поднялась по лестнице этого обшарпанного дома, меблированные квартирки которого сдавались постояльцам.

Освещение было слабое, всюду царил полумрак, тянуло сыростью. Из-за дверей доносились привычные звуки студенческой жизни. Рок-н-ролл, смех, шум воды в трубах. Она читала, что Санта-Клаус погиб от того, что ему пробрили сердце крюком для подвески туш, и вдруг ей стало любопытно, случилось ли это в этом самом доме или в какой-то другой такой же развальной, стоящей поблизости.

Когда она поднялась на третий этаж, сердце стучало как паровой молот. Волнение, которое она испытывала, было чем-то сродни половому возбуждению. Если ей не суждено большего, можно удовлетвориться хотя бы этим.

Джулия Мардик постучала в дверь, на которой стояла цифра 26. Было слышно, как в помещении скрипнул стул, потом до нее донесся приглушенный звук шагов. Она поняла, что человек был в тапочках. Звякнула щеколда задвижки. Ей почему-то казалось, что, как только дверь приоткроется, она увидит дуло пистолета и из мрака возникнет бледное лицо человека, к которому ее послали. Вместо этого из-за двери показался приятный молодой парень с нечесаной шевелюрой длинных жестких каштановых волос, одетый во что-то напоминающее халат, накинутый на черное нижнее белье. Нос у него был ярко-красного цвета, глаза слезились.

– Привет, – поздоровалась Джулия.

– Слушаю вас, – ответил молодой человек и закашлялся, прикрыв рот кулаком.

– Вы – Окиндер Бойл?

– Так оно и есть. А вы кто? – Он отвернулся, не в силах сдержать приступ кашля.

– Вы говорили с моим отцом – Карлом Бантри. Я так полагаю, что в нынешнем его положении он известен вам под прозвищем Банкир. – Она перевела дыхание, глубоко вздохнула и выпалила: – Меня зовут Хитер Бантри.

У журналиста слегка отвисла челюсть, замутненные болезнью глаза чуть не вылезли из орбит. Дверь раскрылась чуть шире, и Джулия приняла этот жест за предложение войти. Она – уверенная в себе и полностью контролирующая ситуацию, таинственная и до полусмерти испуганная – оказалась в полутемной комнатенке, по которой гуляли сквозняки.

«То ли он по жизни зануда, – мелькнуло в голове Джулии, – то ли грипп его совсем доконал». Он так невразумительно промямлил предложение присесть, что девушка поняла его только со второго раза. Джулия села на краешек стула.

Молодой журналист внимательно ее разглядывал, стараясь понять, что скрывается за ее жизнерадостным видом, вольными манерами и чуть развязным поведением. Она видела, что парень пытается плыть против течения и это ему отчасти удается. «*Давай, рыбка, давай, глотай наживку*».

– Как, простите, ваше имя? – Он попытался слегка пригладить нечесанные патлы, соображая, как лучше с ней держаться.

– Хитер Бантри, – ответила Джулия Мардик. – Я только что перевелась в МакГилл на следующий семестр. Надеюсь, смогу здесь помогать папе.

– Хорошая новость. Ему надо, чтобы кто-то за ним присматривал. – Бойл сопровождал свои слова жестами, показавшимися Джулии очаровательными, – его руки, казалось, двигаются в выразительном нервном танце.

– Что я могу поделать, если папе так хочется жить в туннеле? Денег у меня кот наплакал. Я просто бедная студентка, которую мама больше не хочет содержать.

Бойл с пониманием кивнул.

– Папа сказал, вы собираетесь о нем написать, но я пока никакой статьи о нем не нашла.

– Я заболел, – объяснил он. – Сильный грипп. Только завтра снова выхожу на работу. Перед тем как опубликовать статью о вашем отце, мне надо будет проверить все факты.

– Проверить?

– Да, поговорить кое с кем на его прежней работе, навести справки...

– Они там все как пауки в банке! Их бы всех отдать под суд, чтоб им там показали, где раки зимуют!

– Хитер, я вот что не могу понять. Если суд вынес решение о том, чтобы банк выплачивал вашему отцу пенсию по инвалидности, почему его положение не улучшилось?

Вот это в самое яблочко! Теперь он у нее на крючке.

– Суд одной рукой дает то, что другой отнимает. По судебному решению банк должен выплачивать отцу страховое пособие. Он так и делает. Так вот, из-за этого его лишили пособия по безработице, потому что теперь он получает доход из другого источника.

– Вы не считаете это справедливым?

– Это было бы справедливо, если бы к этому времени моя мама не получила решение суда о разводе, где черным по белому сказано, что ее алименты *пропорционально* увеличению доходов моего папы. Поэтому к его выплатам на пособие по инвалидности добавили выплаты с пособия по безработице, но очень скоро его прекратили выплачивать, а алименты мама продолжает получать с общей суммы. Поэтому на самом деле он стал меньше получать по банковскому пособию по инвалидности, чем раньше получал пособие по безработице. Сами можете подсчитать.

– А мама ваша что об этом думает?

– Она получает наличные и смотрит на дело с другой стороны.

– Это же чушь собачья, – выразил ей сочувствие журналист.

– Так вы напишете о моем отце?

– Вы шутите? Это же поразительная история. Надеюсь, вы не будете возражать против ее публикации?

– *Возражать?* Да я больше всего хочу, чтобы об этом узнало как *можно больше* людей. Может быть, узнав об этом, его старые друзья захотят ему помочь.

– Рассказ о нем, Хитер, любого должен растрогать. Раньше он был человеком на самом гребне успеха, вице-президентом одного из крупнейших банков на континенте, а теперь...

– Он не может сойти с поезда.

– ...он не может сойти с поезда. Он едет утром на работу, он – хороший человек, которому нравится ездить на метро, но на своей остановке...

– Он остается в вагоне.

– ...он там остается. А потом целый день катается туда-сюда в метро. А вечером, в конце концов, выходит и идет домой. Он так чудил четыре дня подряд. Тогда из банка позвонили ему домой узнать, почему он не выходит на работу, и его жена выяснила, что всю неделю он не был на службе.

– Он во всем признался маме, – импровизировала Джулия. – Сказал, что не мог сойти с поезда. Мама чуть с ума не сошла.

– Потом его лечили, – сказал Бойл, повторяя рассказ для того, чтобы лишний раз получить подтверждение его истинности. – Но это ему помогло, как мертвому припарки.

– Точно. Вот и расскажите об этом «лечении», после которого он превратился в больного, полупомешанного человека, как сразу же после этого пошел в кабинет начальника и написал заявление об уходе. Просто так – взял и уволился. Поступок мог бы стать героическим, если б не был таким нелепым и жалким.

– А спустя год от него ушла жена, – сказал Бойл в надежде получить от девушки пикантные подробности.

Играя роль Хитер Бантри, Джулия была только рада пойти на поводу у журналиста.

– И вот, всего год спустя он сидит на пособии, постоянно болеет, не понимает, что происходит с ним самим, что творится вокруг. Потом суд выносит решение о том, что он был не в себе, уже когда увольнялся. Все вроде снова выглядит в розовом свете, но кончается тем, что он стал беднее церковной крысы. За три года вице-президент первого по значению канадского банка скатился до того, что встречает Рождество в железнодорожном туннеле!

– Какой может получиться репортаж! – Сама идея приводила журналиста в восторг. На этот раз он легко мог забыть о своей профессиональной беспристрастности. – Из него понятно, что такое может случиться и со мной. Это может произойти с любым из нас! – Он смолк, чтобы прокашляться и высморкаться. – Здесь мы сталкиваемся с проблемой правомерности социальной защиты, ее без труда поймут люди вполне обеспеченные. Случилось с человеком душевное расстройство, и все его планы, как бы хороши они ни были, летят к чертовой матери. И независимо от того, насколько безопасной и обеспеченной была его жизнь раньше, если ему не повезет, он быстро может скатиться на самое дно.

Джулия представила себе, как ее наставник намекает ей, что пора сматывать удочки. Она уже получила всю необходимую информацию – журналист все еще собирается написать свой репортаж. Теперь настало время достойно ретироваться.

– Вы очень меня порадовали. Я совершенно уверена, что у вас получится замечательный материал.

Бойл поднялся с постели.

– Знаете, на всякий случай мне хотелось бы иметь под рукой ваш телефон. Кто-то может позвонить в редакцию, предложить помощь или еще что-нибудь в этом роде.

Джулия, не моргнув глазом, покачала головой.

– Я еще не успела устроиться, и номера телефона у меня пока нет. И постоянного адреса тоже. Я лучше вам позвоню через какое-то время.

– Вот, возьмите, – он протянул девушке визитную карточку. – Да, а как вам удалось меня найти?

Этот вопрос застал ее врасплох. Поскольку заранее ответ не был заготовлен, она стала судорожно соображать.

– Вы ведь у нас человек известный, – быстро вышла из положения девушка. – Я расспросила людей, и вас оказалось нетрудно найти.

В голове звучал голос Селвина: *«Молодец, Джулия, очень хорошо!»*

– Спасибо вам, Хитер, что нашли время заглянуть. Будем на связи, договорились?

– Обязательно. До встречи.

Джулия Мардик слетела вниз по лестнице и выскочила на улицу, по которой гулял арктический ветер. Она бежала по расчищенному тротуару, припорошенному недавно чистым снежком, а когда повернула за угол, в груди что-то заболело от частого дыхания на морозном ветру. Она взяла себя в руки, перешла на обычный шаг. Ей не хотелось, чтобы Селвин Норрис заметил, насколько она взволнована. Теперь ей предстояло решить еще одну задачу – пожалуй, самую сложную в тот день, – скрыть охвативший ее восторг.

Детектив Билл Мэтерз ехал в Вердан, чтобы разыскать жестянщика из гаража «Сампсон» Джима Коутеса, но когда он постучал в дверь, ему никто не ответил. Вердан – старый захолустный район, когда-то населенный ирландцами, которые приехали на остров строить мосты, а потом остались здесь работать на железной дороге или в порту. Теперь здесь все было по-другому, район заселяли в основном французы. Крутые лестницы вели в обшарпанные квартиры, продуваемые сквозняками. Мэтерз попытался заглянуть в окно с верхней ступеньки второго этажа, потом с высоты бросил взгляд на оживленную улицу. Учувя незнакомый запах полицейского, его облаяла собака. Улица показалась ему похожей на длинный, вытянутый спичечный коробок. Вердан был известен своими пожарами: пытаюсь согреться в зимнюю стужу, здешние

обитатели нередко доводили дело до того, что горели дома. А летом здесь нередко загорались стоявшие на задворках сараи – иногда потому, что там играли дети, иногда потому, что проводка была плохая, а порой пожары устраивали, чтобы получить деньги от страховых компаний. Мэтерз продрог на ветру и спустился в нижнюю квартиру, где хозяйка дома рассказала ему, что молодой человек сверху переехал, не оставив ей нового адреса.

– Я спросила этого бездельника, куда он собирается слинять, но прохвост, видно, и сам этого еще не знал. – Хозяйка оказалась высохшей худой старухой, которой уже, должно быть, перевалило за восемьдесят. – Чтобы расторгнуть договор, он заплатил мне за январь и еще за месяц вперед, потом собрал вещи и съехал.

– Вы еще не сдали квартиру? Можно мне туда заглянуть?

– Кроме грязи, там смотреть не на что. Если вы туда пойдете, захватите с собой пылесос. – Мэтерз ждал, пока она с трудом отыскивала нужный ключ.

Ничего особенного в квартире не было. Под дверью валялись брошенные в понедельник разносчиком рекламные проспекты. По углам клубилась пыль, на полу одиноко стоял телефон, отключенный от розетки. Мэтерз подключил его, но гудка не было – линию отключили. Телевизионный кабель крысиным хвостом бесполезно торчал из стены. Мэтерз вышел из квартиры, вернул ключи хозяйке и направился на угол к закуской, где заказал тарелку супа. Он сел за стол, изрезанный ножиком, и, пока ему грели суп, позвонил по телефону. После скромного обеда он снова позвонил в контору. Ему сказали, что Джим Коутес отключил телефон и расплатился за электричество, но ни в том, ни в другом случае нового адреса не оставил. Не дал он его и на почте.

– Сделай последнюю попытку, – попросил собеседника Мэтерз, – прозвони телевизионные компании.

Через пять минут Билл Мэтерз уже ехал по новому адресу Джима Коутеса. Расставшись с почтой и телефоном, парень был не в состоянии пожертвовать еще и любимыми телепередачами. Он переехал в небольшую квартирку в восьми кварталах от старого жилья, где, скорее всего, в арендную плату входили дополнительные услуги. Мэтерз задумался над тем, не сделал ли он это намеренно, чтобы исключить слежку. Если это так, дураком парня назвать было нельзя. Он нажал кнопку звонка у входа в здание, и дверь открылась. Ожидавший его на третьем этаже молодой человек признаков радости не выказывал.

– Ну, Джим, как поживаешь?

– Как вы меня нашли? Я только что переехал.

– Можно войти?

Коутес, видимо, попытался сообразить, есть ли у него другие варианты, потом сделал шаг в сторону, пропуская полицейского.

– Так как же вы смогли меня найти? – повторил он свой вопрос.

– А ты что, спрятаться хотел?

Жестящик прошел в комнату и выключил телевизор.

– Ты, Джим, ушел с работы, поменял жилье, причем все это сделал в спешке. Нас интересует, почему ты так поступил.

– Вы ведь сами мне это присоветовали.

– Я тебе рекомендовал поменять работу, заранее уведомив об этом Каплонского. А переезжать я тебе вовсе не советовал.

– Какая разница, – буркнул парень. – Настало время перемен. Ничего особенного.

– К чему такая спешка?

Коутес нервно ходил по комнате, потирая руки, как будто они у него замерзли.

– Вы же мне сами сказали, что они жулики. Вот мне и захотелось поскорее с ними развязаться.

– Но к чему все-таки такая спешка?

– Вы меня напугали, ясно вам теперь? Слушайте, да что же это такое! Я что, преступление совершил, что с этой работы ушел? Или мне переезжать запрещено?

Билл Мэтерз подошел к нему поближе, пытаясь приостановить его непрерывное движение.

– Ты не оставил на почте свой новый адрес. У тебя нет телефона. Если что-то с тобой происходит, мне надо об этом знать. Я должен быть в курсе дела.

– Да ничего со мной не происходит, понятно?

– Сегодня утром мы провели в гараже Каплонского облаву. Взяли всех.

– Всех?

– Всех его сотрудников.

– А теперь пришли за мной?

– Мы обратили внимание на то, что тебя там не было. Хотели убедиться, что с тобой все в порядке. С тобой все нормально, Джим?

– Все отлично. – Уверенности в его словах не ощущалось.

– Точно?

На этот раз жестящик слегка замялся.

– Так в чем дело?

– Да так, ни в чем, скорее всего, это ерунда.

– Тогда тем более расскажи мне об этом.

– Как-то раз я обедал, так? Около гаража «Сампсон». Я часто тогда за угол ходил в одну забегаловку. Туда же вошел один мальш. Я сидел за стойкой. Он ко мне подсел. Там полно было пустых мест за стойкой, знаете, а он ко мне как нарочно подсел. А потом стал со мной лясы точить. О погоде говорил, о хоккее, о политике. Он газету читал и что там было написано мне пересказывал. А потом спросил, чем я занимаюсь. Ну, я ему сказал. И тогда, когда я уже собрался отваливать, он меня спрашивает, не хочу ли я немного бабок срубить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.